

ОРДЕН
ЗНАК
ПОЧЕТА

СЛЕНА

№2 ФЕВРАЛЬ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

2016

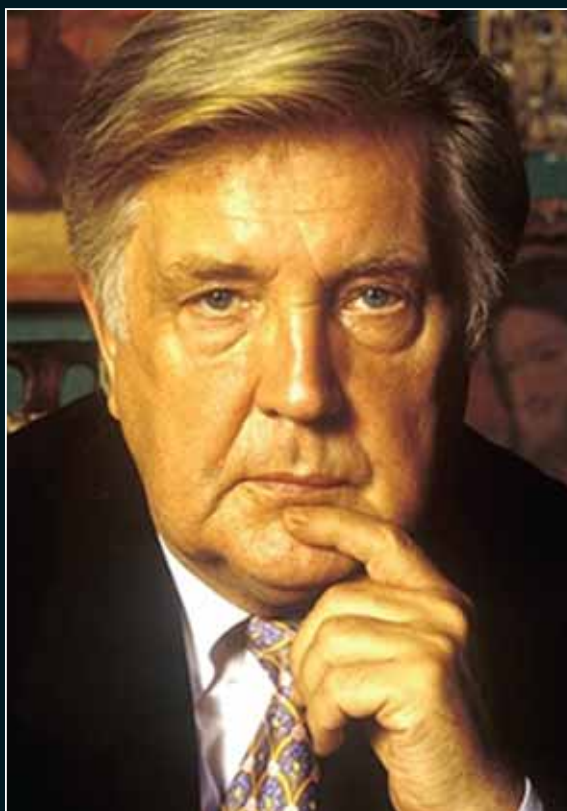
Светлана Бестужева-Лада. «**Легенда о старце**»

Николай Лесков: «**Пусть они давятся... да читают...**»

Илья Глазунов: «**Жизнь — это не только рынок**»

Светлана Ходченкова: «**Мой счастливый билет еще впереди**»

Данил Корецкий: «**Парижу предпочитаю Ростов**»

О жизни и творчестве художника Ильи Глазунова читайте на стр. 76

Неизвестное об известном

<i>Юрий Осипов</i>	Самый русский писатель 4
<i>Валерия Быкова</i>	Фридрих Шиллер. Чародей слова 144

Рассказ

<i>Анна Райнова</i>	Жизель 26
---------------------	-----------------------

Замечательные современники

<i>Андрей Киселев</i>	Данил Корецкий: «Парижу предпочитаю Ростов» 42
<i>Андрей Колобаев</i>	Светлана Ходченкова: «Мой счастливый билет еще впереди» 66
<i>Георгий Кричевский</i>	Илья Глазунов. Дорога к себе 76

Из российской истории

<i>Светлана Бестужева-Лада</i>	Легенда о старце 52
--------------------------------	---------------------------------

Новое имя

<i>Серафим Чихладзе</i>	Разбуди меня, когда сентябрь закончится 92
-------------------------	---

Это интересно

<i>Алла Зубкова</i>	Королевские игры 106
---------------------	-----------------------------------

Поэзия

<i>Нина Голованова</i>	Стихи 120
<i>Степан Князев</i>	Стихи 121

Итоги конкурса

<i>Ирэн Шумская</i>	Мой «Нобель» 125
<i>Александр Скочилов</i>	Ликбез на охоте 141

Детектив

<i>Александр Аннин</i>	«Омнопон» 156
------------------------	----------------------------

Кроссворд. Эрудит

**Главный редактор,
генеральный директор**

Кизилев Михаил Григорьевич

**Заместитель главного
редактора**

Чичина Тамара Васильевна,
tomasmena@mail.ru

Арт-директор

Веселова Надежда Александровна

**Директор
по распространению**

Яркина Мария Александровна,
sales@smena-online.ru

Web-редактор

Калиша Людмила Григорьевна,
smena24@mail.ru

Корректор

Чекова Валентина Михайловна

Обложка

Фотоэтиюд Александра Комарова
«Красные неоны»

Иллюстрации

Рябинин Лев Анатольевич

**УЧРЕДИТЕЛЬ
И ИЗДАТЕЛЬ:**
Общество с ограниченной
ответственностью
«Издательский дом
журнала «Смена».

Адрес редакции
и издателя:
127994, Москва,
Бумажный пр., д.14
тел. (495) 612-15-07,
e-mail: jurnal@smena-online.ru
www.smena-online.ru

© **ООО «Журнал «Смена»**

Исключительные права на текстовые и фотоматериалы, публикуемые в журнале «Смена», принадлежат ООО «Журнал «Смена» и охраняются в соответствии с законодательством РФ и международными соглашениями.

Шрифт: ParaType

Отпечатано:

**ОАО «Можайский
полиграфический комбинат».**

143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.
Тел. 8-495-745-84-28, 8-49638-20-685

Тираж — 8200

Зак. №

Цена свободная

Номер подписан в печать: 18.01.2016

Выпуск издания осуществляется при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям

«Великую русскую императрицу Екатерину II принято попрекать многочисленными любовниками, но один из первых ее возлюбленных остался в тени — говорят и пишут о нем мало и неохотно. Когда Екатерина заняла трон, она не вызвала к себе прежнего возлюбленного и не сделала его своим супругом, на что он очень рассчитывал. Зато подарила ему... польскую корону. Станислав Понятовский стал королем, но до самой смерти оставался верен своей первой роковой любви...

Светлана **Бестужева-Лада** «Корона за любовь»

«Трудно было найти двух более разных людей, чем эти двое, противоположные друг другу во всем. Харизматичная, избалованная, красивая девушка из старинного дворянского рода по матери, с примесью армянской крови по отцу, Нина Берберова и невзрачный, болезненный отпрыск захудалого шляхтича Владислав Ходасевич, который, к тому же, был старше ее на 14 лет. Но, встретившись однажды, они сразу поняли, что навсегда полюбили друг друга. Даже когда Нина ушла от него, она не ушла из его жизни. Вплоть до самой смерти Ходасевича они оставались друзьями, и он в глубине души продолжал продлевать их таинственное «вместе».

Юрий **Осипов** «Две жизни — одна любовь»

«Жизнь Уинстона Черчилля, одного из величайших политиков XX века, была богата событиями, но самым счастливым среди них он до конца дней считал свой брак с женщиной по имени Клементина. Они прожили вместе, ни много ни мало, 57 лет! Было бы преувеличением назвать этот брак идиллией, но они, безусловно, очень подходили друг другу. И эти супружеские отношения сыграли далеко не последнюю роль в формировании самого известного премьер-министра Великобритании.

Алла **Зубкова** «Клементина — жена Уинстона»

«... он сидел перед включенным компьютером и впервые в жизни размышлял... о сексе!.. Да-да, именно о нем, проклятом и желанном! Но чтобы неискuschenный в любви читатель не пришел в душевное смятение, добавим — о сексе с единственной женщиной, которую не просто любил, а обожал до обожествления».

Иван **Переверзин** «Наедине»

«Детектив Анны и Сергея **Литвиновых** «Бабочки на воде»

Юрий Осипов

Скандалная репутация, сопровождавшая литературную судьбу Лескова, на долгое время заменила ему посмертную славу. Его первый роман «Некуда» произвел впечатление разорвавшейся бомбы и затем канул в Лету. Он пришел в большую литературу из журналистики как кудесник слова и в этом качестве был, в конце концов, признан.

Ошибочное сочувствие Лескова опаснейшему русскому нигилизму «во всех формах» соединялось у него с резким неприятием петербургских ради-

---

Самый русский

Николай Семенович Лесков родился 4 февраля 1831 года в селе Горохово Орловского уезда (ныне село Старое Горохово Свердловского района Орловской области). Отец будущего писателя, Семен Дмитриевич Лесков, был выходцем из духовного сословия, по словам сына, «большой умник и дремучий семинарист». Порвав с церковной средой, он поступил на службу в уголовную

палату Орловского суда и дослужился там до чина, дающего право на потомственное дворянство. Он пользовался репутацией проницательного следователя, умел распутывать сложные дела. Мать, Мария Петровна, урожденная Алферьева, была дочерью обедневшего московского дворянина. Одна ее сестра вышла замуж за богатого орловского помещика, другая — за состоятель-

---

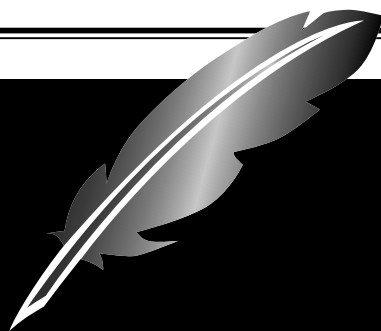
калов, так называемых «людей дела». Добролюбов и Чернышевский не являлись его героями. Он думал, что есть нигилисты плохие и нигилисты хорошие, и пронес свое заблуждение через всю жизнь. Противоречия окружающей действительности не преобразовались у него ни в психологическую прозу, ни в философские откровения, но сплетались в удивительное, непостижимое словесное кружево, где уже не разглядеть позицию автора, прячущегося за балагуром-рассказчиком, народным сказителем.

Он имел право заявить: «Я думаю, что знаю русского человека в самую глубь его, и не ставлю себе этого ни в какую заслугу. Я не изучал народ по разговорам с петербургскими извозчиками, а я вырос в народе, на гостомельском выгоне, с казанком в руке, я спал с ним на росистой траве ночного под теплым овчинным тулупом...» Лев Толстой называл Лескова «самым русским из наших писателей» и еще — «писателем будущего». Вот за это он и приобщен благодарными потомками к сонму классиков.

ПИСАТЕЛЬ

ного и родовитого англичанина, который уделял много внимания своему племяннику.

Раннее детство Лескова прошло в Орле. Но затем отец поссорился с начальством, навлек на себя гнев губернатора, и семья с тремя детьми переехала в село Панино, близости от города Кромь. Здесь, вспоминал впоследствии писатель, и началось его «познание народа».

Пылил мимо села скотопрогонный тракт, жирным черноземом открывалась по весне пашня, стягивались на закате к водопою гурты овец и конские табуны...

В десятилетнем возрасте родители отдали Колю в начальный класс губернской гимназии. Учился он плохо, испытывая отвращение к зубрежке мертвых языков и казенному духу тогдашних учебных заведений, хотя

проявлял уже жадный интерес к жизни и отличался пылким темпераментом. Пять лет тягостной учебы в гимназии дали будущему писателю лишь свидетельство об окончании двух классов. Это, однако, не помешало ему поступить на службу в ту же судебную палату, где раньше служил отец, на должность канцеляриста 2-го разряда и стать вскоре помощником столоначальника.

После смерти Семена Дмитриевича от холеры в 1848 году молодой чиновник подал прошение о переводе в штат Киевской казенной палаты и поселился у своего дяди С.Ф. Алферьева. Следующие семь

лет, с 1850-го по 1857 год, можно назвать годами формирования личности Лескова. Он посещал вольнослушателем лекции в университете, принимал участие в собраниях религиозно-философского студенческого кружка, увлекся иконописью и даже изучал польский язык. Куда подевался бывший нерадивый гимназист! С присущей ему горячностью он теперь буквально впитывал в себя знания, заводил литературные знакомства, активно интересовался политикой, общался с паломниками, старообрядцами, сектантами.

Довершила становление Лескова работа в коммерческой компании

мужа его тетки, англичанина А. Скотта (Шкотта), куда он устроился, уволившись в 1857 году со службы. Фирма «Шкотт и Вильямс», по отзыву самого писателя, старалась «эксплуатировать все, к чему край представлял какие-либо удобства». Там Лесков приобрел бесценный опыт и знания в самых разных областях промышленности и сельского хозяйства. При этом Николай Семенович имел возможность постоянно отправляться в «странствия по Рос-

вой. У них родились сын Дмитрий, который умер в младенческом возрасте, и дочь Вера. Однако, как вскоре выяснилось, жена писателя страдала психическим расстройством, и ее пришлось поместить в петербургскую больницу Святого Николая, попечителем которой являлся знаменитый профессор С.П. Боткин.

Гражданский брак с вдовой Екатериной Бубновой оказался для Лескова надежной гаванью, столь необходимой для его самоотвержен-

---

Основную часть своей жизни Лесков прожил по разным адресам в Петербурге. Здесь сосредоточились его человеческие и литературные привязанности — издательства и журналы, в которых он печатался, любимые театры, музеи, библиотеки. А в творчестве главным по-прежнему оставалась вся Россия

сии», постигать особенности языка и быта людей в тех или иных регионах страны. «Это самые лучшие годы моей жизни, когда я много видел и жил легко», — признавался он много лет спустя.

Накопленные наблюдения и впечатления требовали выхода. В голове теснилась галерея ярких человеческих типов и характеров, рассмотренных в длительных путешествиях. Выпустить все это богатство на бумагу довольно долго не удавалось, в том числе и по причине неудачного брака. В 1853 году Николай Семенович женился на дочери киевского коммерсанта Ольге Смирно-

вой творческой работы. В этом браке родился сын Андрей, написавший после смерти Лескова фундаментальную работу о жизни и творчестве отца. Внук писателя, Юрий Андреевич, стал дипломатом и вместе с женой, урожденной баронессой Медем, осел после революции во Франции. Их дочь, Татьяну Лескову, талантливую балерину и педагога, судьба забросила в Бразилию, где она внесла большой вклад в становление национального балета. Посетив в 2001 и 2003 годах мемориальный музей своего прадеда в Орле, она преподнесла ему в дар две семейные реликвии.

Сам же Лесков основную часть жизни прожил по разным адресам в Петербурге. Здесь сосредоточились его человеческие и литературные привязанности — издательства и журналы, в которых он печатался, любимые театры, музеи, библиотеки. А главным в творчестве по-прежнему оставалась вся Россия.

Впервые он взялся за перо, когда до 1860 года в должности представителя торгового дома «Шкотт и Вильямс» проживал с первой семьей в Николо-Райском уезде Пензенской губернии и в самой Пензе. «Очерки винокуренной промышленности», опубликованные в «Отечественных записках», явились его вдумчивым откликом на прокатившуюся в 1859 году по России волну «питейных бунтов». Они были посвящены не только винокуренному производству, но и сельскому хозяйству губернии в целом, которому, по мнению начинающего писателя, винокурни сильно вредили.

Через год торговый дом прекратил свое существование, и Лесков вернулся в Киев, где уже всерьез занялся журналистикой и литературной деятельностью, а спустя полгода переехал в северную столицу. Человек самоуглубленный и не слишком веселый, Николай Семенович трудно сходилась с людьми и прожил всю жизнь особняком. Этому способствовало первоначальное неприятие, непонимание ряда его произведений критикой, которая склонна была ошибочно приписывать ему

реакционные антидемократические взгляды.

Ранние статьи Лескова в газете «Санкт-Петербургские ведомости», обличавшие коррупцию полицейских врачей, привели к служебному конфликту. Во время проводившегося Лесковым расследования коллеги подстроили ему провокацию, обвинили его во взяточничестве и вынудили уволиться. Отныне единственным источником дохода оставались только литературные заработки.

Лесков активно сотрудничал со многими петербургскими газетами и журналами, сохранял верность «Отечественным запискам», а с 1862 года стал уже постоянным автором газеты «Северная пчела». Там его публицистический талант развернулся во всю ширь. Передовицы, очерки на экономические, бытовые, этнографические темы, статьи, направленные, в частности, против «вульгарного материализма» и нигилизма, снискали ему известность в журналистских кругах и получили высокую оценку на страницах тогдашнего «Современника». Писал тогда Лесков под разными псевдонимами — М. Стебницкий, В. Пересветов, Николай Понукалов и другими.

Настоящий скандал вызвала его статья по поводу пожаров, напечатанная в «Северной пчеле» 30 мая 1862 года. Автор статьи упомянул о слухах, которые распространялись по городу и утверждали, что поджогами занимаются революционно настроенные студенты и поляки.

Молодой Лесков потребовал от правительства либо подтвердить, либо опровергнуть эти слухи, что было воспринято демократически настроенной общественностью как донос. Кроме того, в статье резко критиковались действия властей, и выражалось пожелание, «чтобы присылаемые команды являлись на пожары для действительной помощи, а не для стояния». Прочитав эти строки, Александр II написал резолюцию: «Не следовало пропускать, тем более что это ложь».

1863 год обозначил начало писательской карьеры Лескова, хотя и потом он не расставался с журнальной публицистикой. В том году вышли его первые повести «Житие одной бабы» и «Овцебык», а в популярной «Библиотеке для чтения» печатались главы романа «Некуда». «Роман носит все знаки поспешности и неумелости моей», — признавался позднее сам писатель, сатирически изобразивший в нем быт некой нигилистической коммуны. Ей противопоставлены трудолюбие, христианские добродетели и семейные ценности русского народа, правда, достаточно схематично.

Роман вызвал резкое неприятие радикалов, указывавших на узнаваемые прототипы изображенных автором нигилистов. Так, в образе главы коммуны Белоярцеве был выведен известный литератор В. Слепцов. Именно этот еще незрелый и крайне тенденциозный писательский дебют на долгие годы опреде-

лил место Николая Лескова в литературном сообществе, где ему, совершенно незаслуженно, приписывались антидемократические взгляды. Мало того, левая пресса сознательно распространяла слухи о том, что «Некуда» был якобы написан «по заказу» Третьего отделения полиции. Эта клевета отравила дальнейшую творческую жизнь большого мастера, закрыв ему доступ в популярные журналы демократического направления и толкнув к реакционному издателю «Русского вестника» М. Каткову.

При всем разнообразии критических взглядов на творчество Лескова о нем давно и прочно утвердилось мнение, что он писатель, обладающий исключительным языковым мастерством. Бытовало даже суждение, мол, Лесков писатель больше для филологов, нежели для массового читателя. Это, разумеется, совершенно не так. Ведь и сегодня мы припадаем к его произведениям, как к живому роднику народной речи. Толстой однажды в разговоре с Горьким о Лескове заметил: «Язык он знал чудесно, до фокусов».

Уже в первых его повестях 60-х годов — «Житие одной бабы», «Овцебыке», в знаменитой «Леди Макбет Мценского уезда» и «Воительнице» проявился сугубо индивидуальный юмор Лескова и стал складываться уникальный писательский стиль, являющийся разновидностью сказа. Наряду с Гоголем, Лескова считают родоначальником такого авторизо-

ванного сказового стиля. Ему соответствовали словесные россыпи, почерпнутые писателем из странствий по Руси, из близкого знакомства с местными наречиями, изучения русской старины, старообрядчества, исконных народных промыслов. Неповторимый сказовый стиль и богатейшая народная лексика достигают максимальной выразительности в «Запечатленном ангеле» и «Очарованном страннике».

Но прежде увидели свет повести «Обойденные» (1865), полемизировавшая с романом Н. Чернышевско-

высмеивать нигилистов, представителей зарождавшегося в те годы в России революционного движения. В представлении писателя эти люди мало чем отличались от уголовников. Романом автор остался крайне недоволен, называл его своим наихудшим произведением. Достоевский отмечал запутанность авантюрного сюжета книги, натянутость и неправдоподобность описанных в ней событий. Больше Лесков к жанру романа в чистом виде не обращался.

Провинциалом вступил он на литературное поприще Петербурга,

П

ри всем разнообразии критических взглядов на творчество Лескова о нем давно и прочно утвердилось мнение, что он — писатель, обладающий исключительным языковым мастерством. Бытовало даже суждение, мол, Лесков писатель больше для филологов, нежели для массового читателя

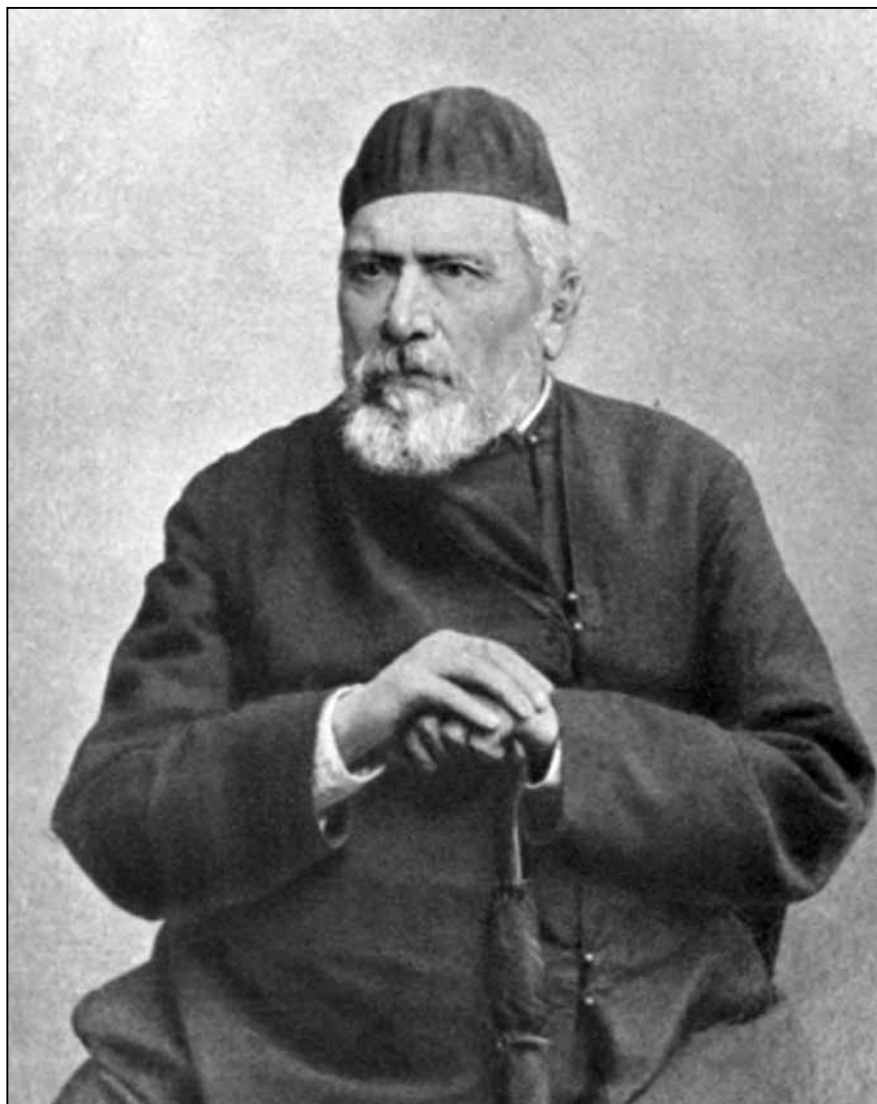

го «Что делать?», и «Островитяне» (1866), которая описывала житейское бытие немцев на Васильевском острове в Петербурге. К тому же периоду относится колоритная драма из купеческой жизни «Расточитель». Пьеса эта одно время шла на сцене Александринского театра, и после нее передовая критика в очередной раз обвинила автора в «пессимизме и антиобщественных тенденциях».

Последней попыткой Лескова выступить на актуальные политические темы стал нашумевший роман «На ножах» (1870). Он продолжал зло

когда такие корифеи, как Толстой и Тургенев, «взяли паузу». В образовавшийся промежуток Лесков и устремился с первыми своими социальными романами, надеясь разрешить ими острые общественные проблемы. Нападки врагов его не поколебали, он их презирал, однако от своих наивных устремлений решительно отказался и повернул в совершенно другую сторону.

Эпоха социального кризиса и перелома общественного сознания 60-х годов сдвинула художественную литературу на второй план.

Классическое прекраснодушное славянофильство С. Аксакова и братьев Киреевских теряло свои позиции. «Слева» надвигались новомодные очерки народного быта, «справа» — тенденциозные романы с «направлением» на злобу дня, пренебрегающие литературным языком. Беллетристика становилась чисто рыночным товаром, а ее прежнее место начали занимать исторические сочинения, хроники, мемуары.

На этой почве и распустился причудливый цветок лесковского «сказа».

«После романа «На ножах», — писал Горький, — литературное творчество Лескова сразу становится яркой живописью или, скорее, иконописью, — он начинает создавать для России иконостас ее святых и праведников».

В 1872 году вышел роман «Соборяне». Он стал первым произведением писателя, имевшим большой успех. Отныне главные герои Лескова — представители духовенства и мелкопоместного дворянства. В «Соборянах» протопопа Савелия Туберозова, дьякона Ахиллу Десницына

*Гражданская жена
Николая Лескова —
Екатерина Бубнова*

и священника Захарию Бенефактова со всех сторон обступают мошенники, продажные чиновники, гражданские и духовные деятели «нового типа». Этот роман привел писателя к конфликту с церковными и светскими властями.

Одновременно с «Соборянами» появились две созвучные им по тематике «хроники» — «Старые годы в селе Плодомасове» и «Захудалый род». Они оказались слабее романа, а «Захудалый род», печатавшийся в «Русском вестнике», из-за разногласий с Катковым остался незакон-

ченным. Тот, якобы, по словам писателя, даже сказал своему сотруднику: «Мы ошибаемся: этот человек не наш!» Реакционный издатель имел в виду славянофилов правого направления. Славянофилом Лесков, конечно, был, но умеренным, либеральным. А вот одеваться в 80-е годы начал сугубо «по-русски» — коговоротка, наглухо застегнутый кафтан тонкого сукна, картуз. И — непреклонный взгляд из-под короткого козырька. В быту Николай Семенович также придерживался старинных обычаев, с чем приходилось мириться домочадцам. Предпочитал русскую кухню, хотя под влиянием Льва Толстого, с которым встречался в 1887 году, полностью перешел на вегетарианство и стал его ревностным пропагандистом.

За пять лет до этой встречи впервые увидел свет знаменитый «Левша», еще один незабываемый персонаж в галерее лесковских праведников. «Сказ о тульском косом Левше и стальной блохе» поражал, с одной стороны, виртуозной игрой слов, часто с насмешливо-сатирическим подтекстом, а с другой — двоящимся взглядом на излагаемые события. О таком «коварстве» собственного стиля Лесков иронически замечал: «Еще несколько лиц поддерживали, что в моих рассказах действительно трудно различить между добром и злом, и что даже будто бы порою совсем не разберешь, кто вредит делу, и кто ему помогает. Это относили к некоторому врожденно-

му коварству моей натуры». Тут уж на Лескова обрушились с критикой и демократы («левые»), обвинившие писателя в национализме, и консерваторы («правые»), посчитавшие сказовое изображение народной жизни слишком мрачным. Лесков ответил, что в его намерения никак не входило «принизить русский народ или польстить ему».

На следующий год появились едва ли не лучшие повести Лескова — «Запечатленный ангел» и «Очарованный странник». Писатель по-прежнему продолжал плыть против течения, мало считаясь с общепринятым мнением. Катков же и другие крупные издатели «Очарованного странника» отвергли, и писателю пришлось сначала публиковать его в газете.

Разрыв с Катковым поставил Лескова с новой семьей в затруднительное материальное положение. Выручил скромный оклад в особом отделе Ученого комитета Министерства народного просвещения. В обязанности Николая Семеновича входило рецензирование книг, которые направлялись в публичные библиотеки и читальни. Служба его не слишком тяготила, и в 1875 году он, не прерывая литературной работы, побывал за границей. Вынесенные впечатления не повлияли на мировоззрение писателя, однако получили своеобразное отражение в его последующих произведениях.

В 80-е годы он продолжал творческие поиски нравственных опор жизни. И нашел их в образах скром-

ных русских праведников. Так и называется вышедший тогда сборник рассказов Лескова, куда включены такие маленькие шедевры, как «Фигура», «Несмертельный Голован», «На часах». Идеализированных героев этих рассказов роднит обостренная совесть, бесстрашное неприятие зла, духовная сила. «Праведников» Лесков писал частично по собственным воспоминаниям и рассказам бабушки, частично перерабатывая старые рукописи и мемуары. Он был уверен, что, создавая цикл о русских «антиках», выполняет гоголевский наказ собратьям по перу: «Возвеличь в торжественном гимне незаметного труженика» («Избранные места из переписки с друзьями»).

В совершенстве овладев жанрами сказа и литературных хроник, Лесков с равным успехом пользовался ими в больших и малых формах. Но, прежде всего, это подлинные жемчужины новеллистики — «Тупейный художник», «Смех и горе», «Заячий ремиз». Мозаичные, порой граничащие с лубком, они и сегодня ошеломляют виртуозной игрой словом, сочными речевыми характеристиками персонажей из разных слоев общества, красочным стилем повествования. Писатель радовался, когда ему говорили, что его читать «весело», и был в числе тех, кто подготавливал появление Чехова-рассказчика. Лесковский «Чертогон» или «Путешествие с нигилистом» — это уже почти ранний Чехов, только не такой «чрез-

мерный», без «револьвера-барбоса» и «геральдического козерога». Примечательно, что Чехов называл Лескова одним из своих литературных учителей.

Если Чехов начинал с газет, Лесков, увы, заканчивал ими. Трудно поверить, но газеты да еще иногда «Исторический вестник» стали в 80-е годы его практически единственными печатными органами. Это уже после смерти Лескова, как бывает в большинстве случаев, пойдут издания и переиздания его собрания сочинений и отдельных произведений, не прекращающиеся по сей день. Николай Семенович, однако, не переживал, что порвал с большой книгоиздательской и журнальной «литературой», равно как и с именитыми коллегами. Теперь он считал себя знатоком и любителем старинных икон и рукописей, книжником, за всегдатаем и приятелем букинистов, которых уважает больше, чем многих писателей, и охотнее вступал с ними в дружеские отношения, ценя в них ту же любовь к старине, к слову, к книге.

Он чувствовал себя кустарем-одиночкой, погруженным в святое писательское ремесло и знающим все секреты волшебной словесной палитры. Отсюда — его горделивая замкнутость. И отсюда же — обида на критиков и издателей. При этом горделивая поза обиженного художника была им выбрана вполне сознательно для защиты своего права на оригинальное литературное твор-

чество. В его произведениях все больше превалировала сатирически-обличительная струя. Причем, наряду с чиновниками и офицерами, в числе отрицательных героев все чаще попадаются священнослужители. Это относится к прекрасному «Тупейному художнику», к проникновенным рассказам «Зверь» и «Пугало».

Изменилось отношение Лескова и к самой церкви. По поводу «Собора» он признавался одной знакомой, что теперь «не стал бы их писать, но охотно написал бы «Записки расстриги». Критический взгляд на политику православной церкви во многом сформировался у него под влиянием Толстого, с которым Лесков сблизился в те годы. «Я всегда с ним в согласии, — писал он о Толстом, — и на земле нет никого, кто был бы мне дороже его... мне дорого его общее, так сказать, господствующее настроение его души и страшное проникновение его ума».

Еще в 1883 году вызвал скандал лесковский очерк «Поповская чехарда и приходская прихоть». За ним должна была последовать серия очерков и рассказов «Заметки неизвестного», работу над которой писатель прекратил под давлением цензуры. За нападки на церковь его уволили со службы в Министерстве народного просвещения, и он фактически оказался без средств существования. Духовная изоляция писателя не испугала, хотя теперь даже «правые» видели в нем опасного

либерала. Либералы же, ранее трактовавшие Лескова как реакционера, ныне побоялись печатать его вещи из-за их политической резкости. Вот таким парадоксальным образом он на время оказался литературным изгоем при своем неоспоримом таланте и всероссийской известности!

К счастью, в 1890 году вышло 10-томное собрание сочинений писателя, которое было мгновенно распродано, и полученный за него значительный авторский гонорар позволил поправить расстроенные дела семьи. Однако, по иронии судь-

ропы». Автору опять пришлось преодолеть серьезные трудности, чтобы добиться разрешения на публикацию. «Повесть свою буду держать в столе, — писал он Л.Н. Толстому. — Ее по нынешним временам, верно, никто и печатать не станет».

Буря возмущения последовала и за публикацией очерка «Поповская чехарда и приходская прихоть» (1883). А работа над серией очерков и рассказов «Заметки неизвестного» (1884), высмеивавших пороки священнослужителей, была приостановлена опять-таки по требованию цензуры. Это терзало душу писате-

---

Э

поха перелома общественного сознания 60-х годов сдвинула художественную литературу на второй план. Беллетристика становилась чисто рыночным товаром, а ее прежнее место начали занимать исторические сочинения, хроники и мемуары. На этой почве и распустился причудливый цветок лесковского «сказа»

бы, именно с этим большим литературным успехом связан первый сердечный приступ, случившийся с Николаем Семеновичем на лестнице типографии, когда он узнал, что шестой том собрания, содержащий произведения на церковные темы, задержан цензурой. Впоследствии он был издательством переформирован. А ведь туда не поспело самое антиклерикальное произведение Лескова — повесть «Полуночники», законченная в 90-м и печатавшаяся на следующий год в «Вестнике Ев-

ля, не давало ему покоя. Он подолгу, не работая, уединялся у себя в кабинете и полюбил, опираясь на неразлучную трость, в одиночестве прогуливаться вечерами вдоль Зимней канавки и набережной Мойки, неизменно останавливаясь возле Храма Спаса на крови, возведенном в память об убитом поблизости террористами царе-освободителе.

Бойцовский характер Лескова в последний период жизни остался прежним, и присущий ему бунтарский дух не угас. Нападки и давле-

ние только усилили в нем стремление обличать общественные пороки. Творчество писателя в 90-е годы стало еще более публицистичным, нежели раньше, а рассказы и повести тех лет носили остро сатирический характер.

«Мои последние произведения о русском обществе весьма жестоки, — признавался Лесков. — «Загон», «Зимний день», «Дама и фефела» не нравятся публике за... прямо-

«Вестнике Европы», она увидела свет только после революции. Тогда же были изданы отвергнутые цензурой отдельные главы романов «Соколий перелет» и «Незаметный след». Всегда нелегкая для Лескова публикация собственных произведений сейчас превратилась в настоящую муку.

...Очередной приступ астмы застал писателя на пороге его квартиры. 5 марта 1895 года Николай

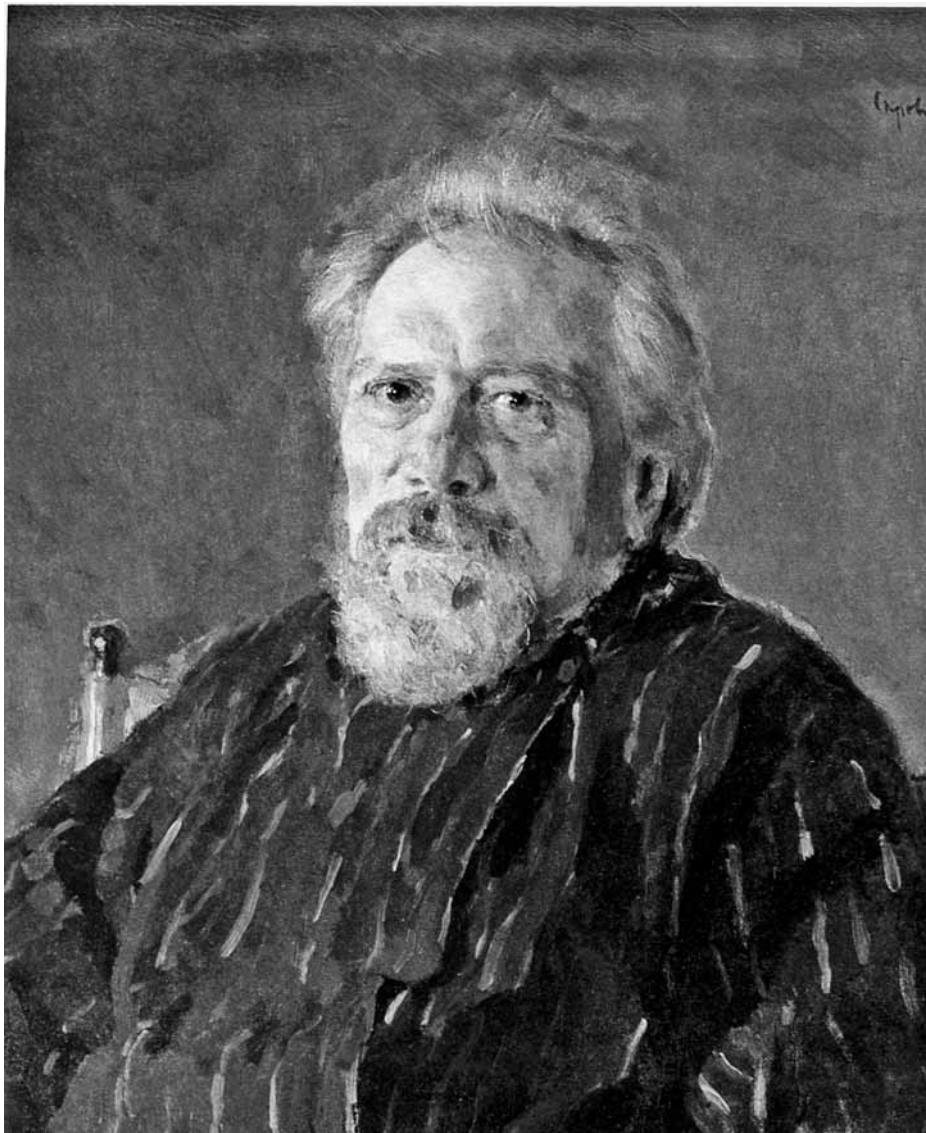

Бойцовский характер Лескова в последний период его жизни оставался прежним, и присущий ему бунтарский дух не угас. Нападки и давление только усилили в нем стремление обличать общественные пороки. Творчество писателя в 90-е годы стало еще более публицистичным, а рассказы и повести тех лет носили остро сатирический характер. «Мои последние произведения о русском обществе весьма жестоки, — признавался он, — и не нравятся публике за... прямо-
Да я и не хочу нравиться публике. Пусть она давится моими рассказами, да читает...»

ту. Да я и не хочу нравиться публике. Пусть она хоть давится моими рассказами, да читает... Я хочу бичевать ее и мучить». И он «бичевал». В журнале «Русская мысль» начал печататься с продолжением роман «Чертовы куклы», в котором узнаваемыми прототипами двух главных героев явились Николай I и художник К. Брюллов. Цензура остановила публикацию. Выдающуюся обличительную повесть «Заячий ремиз» Лесков не смог уже опубликовать ни в «Русской мысли», ни в

Семенович Лесков скоропостижно скончался и был похоронен на так называемых Литераторских мостках Волковского кладбища в Санкт-Петербурге. «На похоронах моих прошу никаких речей обо мне не говорить. Я знаю, что во мне было очень много дурного, и что я никаких похвал и сожалений о себе не заслуживаю. Кто захочет порицать меня, тот должен знать, что я сам себя порицал». Такими словами вволю натерпевшийся от критики Лесков за два года до ухода из жиз-

ни изъявил свою «предсмертную волю».

7 марта, около 11 часов утра в рабочем кабинете на квартире писателя была совершена лития, затем прошло прощание с усопшим родных и близких. Каждый бросил в открытый гроб горсть песка. После этого гроб был закрыт и более не открывался.

Траурная процессия прошла всю Фурштадскую, где протекла половина петербургской жизни Николая Семеновича, и направилась по Литейной,

Владимирской, Загородному, Лиговке. Провожавших Лескова в последний путь было поначалу около сотни, потом число их заметно прибавилось. На Расстанной к кортежу присоединилась большая группа писателей, журналистов, адвокатов, актеров Александринского театра. В ближайшей к кладбищу церкви над закрытым гробом было совершено отпевание.

В ранних весенних сумерках сырого петербургского дня у могилы писателя царило предписанное им молчание. Под протяжный звон цер-

ковного колокола гроб медленно опустили в могилу. Позднее вдова установила скромный надгробный памятник. И сразу же, как водится обычно после смерти великих людей, в большом количестве появились фальсифицированные воспоминания. «Самая ужасная вещь для умерших писателей — воспоминания о них так называемых друзей и поклонников», — сказал когда-то неизвестный остро слов.

Из многого написанного о Лескове после 1917 года самой проникновенной является вступительная статья М. Горького к собранию его произведений (1923), в которой писатель назван «волшебником слова, достойным встать в один ряд с такими творцами литературы, как Л. Толстой, Гоголь, Тургенев, Гончаров». Лесковские же собрания сочинений, свободные от цензурных изъятий, начали одно за другим печататься в типографиях А. Суворина и А. Маркса. 36-томное приложение к журналу «Нева», которое вышло в 1903 году и включило в себя также большинство публицистических произведений Лескова, вызвало новую волну интереса к его творчеству.

Но вот еще один парадокс. Казалось бы, признанный классик, да еще удостоившийся высочайшей оценки самого Горького, был в Советской России и затем в СССР объявлен «реакционным, буржуазно-настроенным» писателем, а книги его практически до конца «перестройки» оставались под запретом.

Исключение составляют лишь редкие переиздания отдельных вещей и 11-томное собрание сочинений в пору хрущевской «оттепели», но без романа «На ножах» и самой резкой публицистики.

Сегодня Лесков возвращается на свое законное место в истории отечественной литературы. Возвращается в книжные магазины, библиотеки и в школьные учебники. Его именем названы астероид и улицы разных городов. В честь писателя выпущены две почтовые марки. Мемориальный музей Н.С. Лескова в Орле за год принимает десятки тысяч посетителей. По лесковским произведениям снят ряд фильмов. Повесть «Леди Макбет Мценского уезда» легла в основу оперы Дмитрия Шостаковича и одноименной музыкальной драмы Родиона Щедрина. Вещи Лескова идут на сцене многих театров России. Будучи востребованы массовым читателем, книги этого ни на кого не похожего писателя часто переиздаются, продолжая восхищать нас неисчерпаемым кладом образной народной речи и открывать нам красоту души русского человека, какой она виделась ему.

Он не закрывал глаза на язвы и пороки родного Отечества и мог бы вслед за Петром Чаадаевым сказать о себе: «Я не научился любить свою Родину с закрытыми глазами, с преклоненной головой, с запертыми устами. Я нахожу, что человек может быть полезен своей стране в том случае, если он ясно видит ее».

Зламенная патриотка

Из чужеземных правительственных знаменитостей я видел покойного Наполеона III — на открытии бульвара в Париже, князя Бисмарка — на водах, Мак-Магона — на разводе и нынешнего австрийского императора Франца-Иосифа за кружкой пива.

Самое памятное впечатление произвел на меня Франц-Иосиф, хотя он при этом капитально поссорил между собою двух моих соотечественниц.

Это стоит того, чтобы рассказать.

Я был за границую три раза, из которых два раза проезжал «столбовою» русскою дорогою, прямо из Петербурга в Париж, а в третий, по обстоятельствам, сделал крюк и заехал в Вену. Кстати, я хотел навестить одну достойную почтения русскую даму.

Это было в конце мая или в начале июня. Поезд, в котором я ехал, привез меня в Вену около четырех часов пополудни. Квартиры мне для себя не пришлось отыскивать: в Киеве снабдили меня рекомендациею, избавлявшею от всяких хлопот. Я, как приехал, так сейчас же и устроился, а через час уже привел себя в порядок и пошел к моей соотечественнице.

В этот час Вена тоже сделала свой туалет: над нею прошел сильный летний дождик, и потом вдруг на совершенно голубом небе засверкало лучистое солнце. Красивый город, умывшись, смотрелся еще красивее.

Улицы, которыми вел меня проводник, все казались очень изящными, но по мере того, как мы подвигались к Леопольдштадту, изящество их становилось еще заметнее. Здания были больше, сильнее и величественнее. У одного из таких проводник остановился и сказал, что это отель, который мне нужно.

Мы вошли чрез величественную арку в обширный зал, расписанный в помпейском вкусе. Направо и налево у этого зала были тяжелые двери из темного дуба; противоположная стена роскошно драпирована красноватым сукном. Посредине залы стояла коляска, запряженная парой живых лошадей, и на козлах сидел кучер.

Этот великолепный зал попросту есть не что иное, как «ворота». Мы были под такими воротами, каких я еще не видал ни в Петербурге, ни в Париже.

Вправо находилось помещение швейцара. Оно тоже замечательно; замечателен и сам великолепный швейцар с камергерской фигурой: он сидел тут, как золотистый жук, в витрине из громадной величины зеркальных стекол. Ему все вокруг было видно: а возле него, для важности или для какого другого удобства, стояли три ассистента и все с аксельбантами. Если бы представилась надобность кого-нибудь не пропустить или вывести, такой швейцар сам, конечно, рук бы об это не пачкал.

На мой вопрос: «здесь ли моя знакомая?» — один из ассистентов отвечал: «здесь», а когда я спросил: «могу ли я ее видеть?» — ассистент доложил швейцару, а тот повел дипломатически бровью и сам объяснил мне:

— Собственно говоря, я не думаю, чтобы княгине теперь было удобно принять вас, ей поданы лошади, и ее сиятельство сейчас уезжает кататься. Но если вам очень нужно...

— Да, — перебил я, — мне очень нужно.

— В таком случае я прошу у вас минуту терпения.

Было ясно, что имею дело с настоящим дипломатом, и о минуте терпения спор был неуместен.

Мы взаимно друг другу поклонились.

Швейцар нажал электрическую пуговку в столе, перед которым помещалось его папское кресло с высокою готическою спинкою, и, приложив ухо к трубке, через секунду объяснил мне:

— Княгиня уже сходит с лестницы.

Я остался ее ждать.

Через минуту моя знакомая показалась на белых мраморных ступенях, в сопровождении давно мне известной ее пожилой русской горничной Анны Фетисовны, у которой есть роль в этом маленьком рассказе.

Княгиня встретила меня с отличающею ее всегдашнею милою приветливостью и, сказав, что она сейчас едет сделать свою послеобеденную прогулку, пригласила меня прокатиться вместе.

Она хотела показать мне Пратер. Я ничего не имел против этого, и мы поехали: я рядом с княгинею на заднем сиденье, а напротив нас Анна Фетисовна.

В противоречие тем, кто утверждает, что за границу все ездят гораздо тише, чем в России, мы понеслись по венским улицам очень шибко. Кони были резвые и горячие, кучер — мастер своего дела. Венцы в парной, дышловой упряжи правят так же красиво и ловко, как поляки. Наши кучера так ездить не умеют. Они очень грузны и сучат вожжами, — нет у них свободного движения в ленте и всей той «элевации», которой так много в кракусе и в венце.

Не успел я оглянуться, как мы были уже в Пратере.

Я не буду делать ни малейшей попытки к тому, чтобы описывать этот парк, но скажу только то, что необходимо для надлежащего освещения предстоящей сцены.

Напоминаю, что это было около пяти часов вечера и тотчас после сильного дождя. Свежая влажность еще лежала повсюду: тяжелый гравий на дорожках казался коричневым, на листьях деревьев сверкали чистые капли.

Было порядочно сыро, и я не знаю: эта ли сырость или несколько ранних час были причиной, что все лучшие аллеи парка, по которым мы прокатили, были совершенно пусты. Едва-едва мы встретили какого-то садовника в куртке с граблями и лопаткой за плечами, и более никого; но моя добрая хозяйка вспомнила, что, кроме этой, так сказать, белой части парка, есть еще черновая, называемая Kalbs-Prater или «телячий парк» — место гулянья венской черни.

— Это, говорят, будто бы интересно, — сказала княгиня, и тотчас же велела кучеру ехать в Kalbs-Prater.

Тот взял влево, крикнул свой гортанный «ой», щелкнул бичом, и под нами точно стала оседать почва, мы куда-то как будто спускались, мы падали, как будто роняли себя в низшую сферу.

Ситуация прекрасно гармонировала с общественностью.

Картина быстро менялась: аллеи становились уже и были менее чисто содержаны, на песке и по окраинам куртин, кое-где, мелькали обрывки бумажек. Зато начали встречаться люди, все пешеходы, сначала продавцы известных венских колбасиков, потом — публика. Некоторые плелись с детьми. Здешняя публика, очевидно, сырости не боялась, а боялась только потерять минуту дорогого времени.

Бедный, когда женится, ему ночь коротка, еще кратче час отдыха у таких трудолюбивых и бережливых людей, как южные немцы, у которых, однако, потребность в удовольствии велика почти так же, как у французов.

Навстречу нам не было никакого движения — мы всех обгоняли. Очевидно, цель стремления у всех была впереди, она была там, куда и мы поспешали и откуда теперь минута от минуты слышнее стали долетать какие-то звуки. Странные звуки, точно жужжание пчелы между стеклом и занавеской. Но вот сквозь вершины деревьев мелькнул высокий фронтон большого деревянного здания; коляска опять взяла влево и вдруг остановилась. Мы были на перекрестке двух дорожек. Перед нами открылась довольно большая лужайка, на которой, по ту сторону, стоял большой деревянный дом в швейцарском вкусе, а перед ним, на траве, тянулись длинные столы, и за ними сидело множество всякого народа. Перед каждым гостем стояла его кружка пива, а на открытой галерее играли четыре музыканта и веялись в пляске венгерец с венгеркой. Вот откуда неслись те музыкальные звуки, которые издали напоминали жужжание пчелы между

стеклом и занавескою. Жужжание это слышно и теперь, с тою разницею, что теперь в звуках уже можно слышать что-то хватающее за какой-то нерв и разливающееся вокруг со стоном, со звоном, с подзадором.

— Это танцуют чардаш: я вам советую обратить на них внимание, — проговорила княгиня. — Вы это не часто встретите: чардаш никто не сумеет так исполнить, как венгерцы. Кучер, подъезжайте ближе.

Кучер тронул вперед, но едва лошади переступили два шага, он остановил их снова.

Мы, конечно, подвинулись, но все-таки стояли еще слишком далеко, чтобы иметь возможность рассмотреть танцоров, а потому княгиня еще раз сказала кучеру подъехать ближе. Он, однако, казалось, не слышал этого повторения, но зато, когда княгиня сказала ему то же самое в третий раз, кучер не только тронул вожжи, но звонко хлопнул бичом и сразу выдвинул экипаж на самую середину лужайки.

Теперь мы все могли видеть в подробностях, и сами были на виду у всех. Несколько человек из сидевших за столами при щелке бича оглянулись, но сейчас же опять обратились к танцорам, и только со ступеней нижней террасы на нас смотрел один толстый кельнер, но как будто ожидал какого-то надлежащего момента, когда между им и нами должен произойти обмен соответствующих взаимных сношений.

Я старался самым добросовестным образом исполнить совет моей дамы и хотел глядеть на чардаш, не сводя глаз, но случайное обстоятельство привлекло мое внимание к другому.

Едва мы остановились, как кучер слегка полу оборотился к экипажу и сказал:

— Kaiser!

— Wo ist der Kaiser? (Где император? — нем.)

Кучер вместо ответа повел оттопыренным мизинцем перчатки в левую сторону, к противоположному концу поляны, где при таком же перекрестке, как тот, с которого мы выехали, теперь виднелись две конские головы светло-буланой, золотистой масти.

Видны были только две эти прекрасные головы в наборных уздечках с бирюзовыми пукальками, а самый экипаж оставался на таком расстоянии, на каком сначала хотел удержать нас наш кучер.

«Это, — подумал я себе, — в самом деле очень деликатно, но зато он оттуда ничего хорошего не увидит, да и на себя не дает нам полюбоваться. А это досадно».

Только не нужно было досадовать: в эту самую минуту, глядя по направлению, где стояли лошади, я без всякого затруднения увидел высокого, немножко сутуловатого, но бравого мужчину, в синей австрийской куртке и в простом военном кепи.

Это и был его апостолическое величество, старший член дома Габсбургов, царствующий император Франц-Иосиф. Он был совершенно один и шел прямо к расположенным на лужайке столам, за которыми сидели венские сапожники. Император подошел и у первого стола сел на скамейку с краю, рядом с высоким работником в светло-серой блузе, а толстый кельнер в ту же самую секунду положил перед ним на стол черный войлочный кружочек и поставил на него мастерски вспененную кружку пива.

Франц-Иосиф взял кружку в руки, но не пил; пока длился танец, он все держал ее в руке, а когда чардаш был окончен, император молча протянул свою кружку к соседу. Тот сразу понял, что ему надо сделать: он чокнулся с государем и сейчас же, оборотясь к другому соседу, передачею чокнулся с ним. С этим враз, сколько здесь было людей, все встали, чокнулись друг с другом, и на всю поляну дохнуло общее, дружное «Hoch!» Император осушил кружку, поклонился и ушел.

Буланые кони умчали его назад тою же дорогою, по которой, вслед за ним, уехали и мы. Но с нами теперь ехала значительная сила произведенного этим случаем впечатления, и вся она умещалась, главным образом, в Анне Фетисовне. Девушка, к немалому нашему удивлению, плакала! Она сидела перед нами, закрыв глаза белым носовым платком, и прижимала его руками.

— Анна Фетисовна! Что с вами? — отнеслась к ней с доброй и ласковой шуткой княгиня.

Та продолжала плакать.

— О чем вы плачете?

Анна Фетисовна открыла глаза и проговорила:

— Так, ни о чем.

— Нет, в самом деле?

Девушка глубоко вздохнула и отвечала:

— Ихняя простота мне трогательна.

Княгиня подмигнула мне и, шутя, сказала:

— *Toujours serville! C'est ainsi que l'on arrive aux sieux.* (Всегда раболепна! Так заслуживают вечного блаженства — франц.)

Но шутка как-то не бралась за сердце. Волнение Анны Фетисовны давало иной смысл этому пустому случаю.

Мы возвратились в отель и застали здесь еще одного гостя. Это был австрийский барон, который собирался в Россию и учился по-русски. Мы пили чай, а Анна Фетисовна нам прислуживала. Говорили о многом: о России, о петербургских знакомых, о курсе наших денег, о том, кто у нас всех лучше проворовался, и, наконец, о нашей сегодняшней встрече с Францем-Иосифом.

Весь разговор шел по-русски, так что Анна Фетисовна должна была все от слова до слова слышать.

Княгиня рассказывала мне не совсем «легальные» вещи из придворных буколик и политических рапсодий. Барон улыбался.

Всего этого я не имею нужды вспоминать, но одно считаю уместным заметить, что многие черты характера австрийского императора собеседница моя старалась мне истолковать в смысле искания популярности.

Этот трактат о популярности или, вернее сказать, о популярничанье, был развит с особою подробностью и с примерами, в числе коих опять выпрыгнула сегодняшняя кружка пива. И, — моя вина, если я ошибаюсь, — мне казалось, что это делалось гораздо менее для нас, чем для Анны Фетисовны, которая во все время то входила, то выходила, подавая что-нибудь нужное своей госпоже.

Это был какой-то женский каприз, который увлек мою соотечественницу до того, что она перешла от императора к народу или к народам, к австрийцам и к нам. Ей даже нравилось, как «венские сапожники» держали себя «с достоинством», и затем она быстро переносилась на родину, к нашим русским людям, к их пирам и забавам, к зеленому-вину, и опять к слезам и к расстройству впечатлительной Анны Фетисовны.

Это уже говорилось по-французски, но барон все-таки только продолжал улыбаться.

— Мы еще спросим у моей почтенной Жанны ее мнения, — сказала княгиня.

Когда девушка пришла за чашкою, хозяйка обратилась к ней со словами:

— Анна Фетисовна, вам ведь сегодня очень понравился здешний король?

— Да-с, очень понравился, — скоро отвечала Анна Фетисовна.

Княгиня шепнула мне: «она злится», и продолжала вслух:

— А как вы думаете, если бы он приехал к нам в Москву, под качели?

Девушка молчала.

— Вы не хотите с нами говорить?

— Для чего же ему к нам, в Москву, приезжать?

— Ну, а если бы взял да и приехал? Как вы думаете: присел ли бы он к нашим мужичкам?

— Зачем же ему к нашим приседать, когда у него свои есть, — отвечала Анна Фетисовна и поспешно ушла с пустою чашкою в свою комнату.

— Она положительно злится, — сказала по-французски княгиня и добавила, что Анна Фетисовна пламенная патриотка и страдает страстию к обобщениям.

Барон все улыбался и скоро ушел. Я ушел часом позже.

Когда я простился, Анна Фетисовна, со свечою в руке, пошла проводить меня по незнакомым переходам отеля до лестницы и неожиданно сказала:

— И вы, сударь, согласны с тем, что нашей природы все люди без достоинства?

— Нет, — говорю, — не согласен.

— А зачем же вы ничего не сказали?

— Не хотел напрасно спорить.

— Ах, нет, сударь, это бы не напрасно... И еще при чужом бароне... Для чего всегда о своих так обидно! Будто нам что дурное, а не хорошее нравится.

Мне стало ее жалко, да перед нею и совестно.

Заграничное мое странствование продолжалось недолго. Осенью я уже был в Петербурге и однажды в одном из переходов гостиного двора неожиданно встречаю Анну Фетисовну с корзинкою гарусного вязанья. Поздоровались, и я ее спрашиваю о княгине, а Анна Фетисовна отвечает:

— Я о княгине, сударь, ничего не знаю — мы с нею расстались.

— Неужели там, за границею?

— Да, я одна вернулась.

Зная их долголетнюю свичку, почти, можно сказать, дружбу, я выразил непритворное удивление и спросил:

— Из-за чего же вы расстались?

— Вы эту причину знаете: при вас было...

— Неужели из-за австрийского императора?

Анна Фетисовна минуту промолчала, а потом вдруг отрезала:

— Что же мне вам сказывать: сами видели... Он очень вежливый и в том ему честь, а мне за княгиню больно стало — за их необразование.

— Да что же тут касалось образования княгини?

— А то, что он король, да умел, как сделать, встал да сел со всеми заровно, а мы, как статуи, в коляске напоказ выпятились и сидели. Все нас и осмеяли.

— Я, — говорю, — не видал, чтобы там над нами смеялись.

— Нет-с, не там, а в гостинице — и швейцар, и все люди.

— Что же они вам говорили?

— Ничего не говорили, потому что я по-ихнему не понимаю, а я в глазах их видела, как они не уважают нашу необразованность.

— Ну-с, и этого вам было довольно, чтобы расстаться с княгиней!

— Да... что же... чего удивительно, когда Господь точно смесил нам языки, и мы не стали ни в чем понимать друг друга... Нельзя оставаться, когда во всех наших мыслях стало несогласно, я и отпросилась сюда. Не хочу больше служить: живу по своей серой природе.

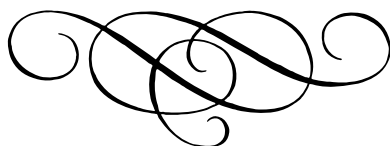
В этой «природе» чувствовалось настоящее достоинство, с которым ей тяжка необразованность.

Княгиня недаром называла ее «пламенной патриоткою». □

ЖИЗЕЛЬ

Ходко пожирая километры, машина неслась по раскаленной загородной трассе. Белый глаз солнца слепо таращился с высокого небесного лба, нахмуренного бледными росчерками перистых облаков. По сторонам тянулась иссушенная ветрами рыжая пустошь, изредка перемежавшаяся оазисами аккуратных, словно игрушечных поселков. Мелькали знаки, стрелки поворотов, аляповатые рекламные щиты. Дорога исходила дрожащим маревом. За окном было жарко, зато в кабине царила прохлада, к тому же пригодился, наконец, провалявшийся в бардачке больше года диск «Звуки дождя». Сергей сказал, что под него хорошо расслабляться и думать. Вот только расслабиться никак не получалось, в голове теснились воспоминания.

Вообще-то Яна никуда не спешила — она в отпуске с сегодняшнего дня. Театральный сезон закрылся «Жизелью», партию которой она впервые прожила, а не станцевала. Сколько слышала об этом от Сергея, а почувствовала только теперь, через год после премьеры. Раньше больше всего беспокоилась о том, чтобы точно исполнить вариации, удержать равновесие в адажио, не подвести партнера на подержках. Не пошатнуться, не дрогнуть, не навалить. Ведь за каждым движением примы следит не только притихший в зале зритель, но и вся балетная массовка. Случись что — пощады не будет. Пойдут шепотки за спиной по курилкам, уборным и домашним кухням. Мерзкие шуточки, походя брошенные в лицо, завуалированные

под лесть подколки и шпильки. Это скучающему мимансу можно тихонько обсуждать повседневные дела, пока несчастная Жизель сходит с ума у всех на виду, а для солистки каждый выход — экзамен на пригодность. Вот только вчера о технике танца не думалось вовсе, собственные переживания внезапно переплелись с судьбой ее героини, и было даже странно, что обманутая герцогом простушка Жизель умерла на подмостках, а Яна осталась жива.

— У тебя очень легкие ножки, — часто повторял Сергей на первых репетициях спектакля. — Только не знаешь ты, о чем танцуешь. Шаг свой вот здесь не выпячивай. Это танец, а не гимнастика, тонкое кружево, понимаешь? И Ларсу в глаза смотри, ты его до смерти любишь, забыла?

— Я помню, — отвечала Яна, с хитринкой поглядывая на партнера, крепко сложенного красавца Глеба, с чьей легкой руки сцены с участием массовки стали называться «выбежками».

Вообще в театре помимо разнообразных любовных интриг шла постоянная борьба за главную партию, второй состав, место в так называемых «шестерках» и даже в первой линии кордебалета.

Любая выпускница хореографического училища могла станцевать партию Одетты из «Лебединого озера», Китри из «Дон Кихота», да хоть ту же Жизель, и конечно, мечтала об этом. Все эти воздушные девочки положили на алтарь Терпсихоры свое детство, юность и годы, годы тяжелого ежедневного труда только для того, чтобы однажды быть удостоенной чести подняться на сцену в желанной роли. Впрочем, здесь слишком многое решал его величество случай: как и куда попадешь, амбиций ведь полно, но главных партий на всех не хватало, и потому капризная Фортуна поворачивалась спиной к подавляющему большинству. Если выбиться в солистки не получалось, эти хрупкие создания, оставаясь внешне волшебными феями в полупрозрачных одеяниях, частенько превращались в озлобленных мегер, готовых на все ради малейшего продвижения, незаметного зрителю шагжка вперед к заветной рампе, и тогда в ход шли родственные связи, козни, наушничество, клевета.

Яне повезло. Сергей увидел ее на выпускном концерте училища и пригласил работать в театр, где сразу и взял под свое крыло. Устроил в отдельную гримерку, помог недорого снять квартиру, заставил получить водительские права и три года терпеливо лепил из нее приму.

Поначалу он часто приглашал разгоряченную после репетиции Яну в свой кабинет — каморку метр на метр, где с трудом умещались два кожаных кресла, журнальный столик, с засохшими узорами пролитого кофе и бронзовой пепельницей-башмаком, полной ржавых окурков, усаживал ее напротив, разливал из термоса по картонным стаканчикам бодрящий

напиток, закуривал и рассказывал. О том, как в детстве ходил по грибы, как его едва не отчислили из Академии искусств за прогулы, о мучительной смерти отца от рака, о всяком и разном, но все больше о себе. Окутанная сизым туманом дыма, Яна впитывала тихий, будто шелестевший голос Сергея, смотрела в его ясные голубые глаза — то затухавшие до полной прозрачности, то загоравшиеся холодным синим пламенем, наслаждалась непрерывной игрой света и тени, изменявшей выражение скупого на мимику лица с крупными чертами и рыхлой красноватой кожей, изборожденной глубокими морщинами. Иногда Сергей увлекался и вскакивал с места, больно стучаясь коленками о низкую столешницу. Кофе невольно выпрыгивал из стаканчиков, добавляя присохшему рисунку новые детали. Сергей бросал на столик мстительный взгляд, пересаживался на подлокотник кресла к Яне, брал девушку за руку и, продолжая говорить, бережно сжимал ее в своей большой горячей ладони, отчего по коже пробегали приятные мурашки.

Священнодействуя таким образом, годившийся ей в отцы главный балетмейстер театра очень скоро оказался дома у Яны. Она очнулась на измятой постели с блаженной дрожью в горячем, сжавшемся в точку теле, еще недавно отзывавшимся на каждый поцелуй и прикосновение Сергея целым букетом ярких ощущений, как музыкальный инструмент под пальцами виртуоза, сильно отличавшихся от тех, которыми одаривал ее училищный ухажер Пашка.

Яна не знала, как отделаться от парня, выдумывала отговорки, что хочет отдохнуть перед экзаменом, почитать книгу, что соседка по комнате сегодня ночует дома, заранее уговорившись с Викулей, чтобы, в случае чего, подтвердила, объясняя нежелание видаться с ухажером все той же усталостью. Но Пашку вскоре отчислили — от нагрузок у него началось крыловидное изменение лопаток, обычно приводившее к горбу, и мерзкая необходимость изворачиваться отпала сама собой. Яна хоть и утешала Пашку на лестнице, за годы пропитавшейся реками горьких слез других, по разным причинам выброшенных на улицу из плотного балетного строя, новых отношений не завязывала принципиально. Пока... Пока не появился Сергей.

Свою связь они держали в тайне, ведь он недавно развелся с женой. Краем уха Яна слышала, что этому предшествовал грандиозный скандал, но разузнавать подробности не стала. Она была счастлива, чего еще желать? Настораживало только одно: насытившись ею, Сергей всегда отстраненно прощался и уходил в свою общаговскую берлогу. Яна терялась в догадках, но задавать вопросы не решалась. Зато в театре уже судачили, что партию Жизели молоденькая солистка получила через постель с главным.

Наверное, это была правда, только Яна пахала, как проклятая, оставалась в зале после репетиций, оттачивая каждую позу, движение, мимолетный взмах руки, только бы оправдать доверие Сергея. Так себя загоняла, что за день до премьеры сорвала спину. На последнем прогоне почувствовала некоторую неловкость, а ночью проснулась от дикой боли — будто раскаленный прут в позвоночник вставили, с трудом дотянулась до мобильника и набрала Сергея. Он примчался вместе с Мишкой Рукастым, тот был тромбонистом в оркестре, но прозвище получил не зря. Одним движением перевернув девушку на живот, мануальщик-самоучка начал экзекуцию. Привычная терпеть боль Яна истошно орала. Напоследок мучитель растер ее согревающей мазью, накрыл одеялом и приказал расслабиться.

— Завтра будешь летать, — хлопнув девушку по спине, хохотнул Мишка.

На следующее утро, вопреки обыкновению, Сергей пришел на класс и, пока танцовщики у станка дружно работали ногами, не сводил с Яны внимательных глаз, видно, решал, можно ли рискнуть, или сегодня обойтись вторым составом. После первого звонка к ней в гримерную явился Мишка, заморозил спину хлор-этилом, как он выразился — на всякий пожарный, и пожелал ни пуха ни пера. Яна с удовольствием послала его к черту.

Премьера прошла ровно, как сказал скупой на похвалы Сергей, нормально сделала все, после чего начал репетировать с ней «Спящую красавицу». Кое-кто из труппы стал заискивать перед Яной и даже набиваться в друзья. Девушке это было невдомек, так как весь ее внутренний мир начинался и заканчивался Сергеем. Близко она общалась лишь с однокашницей Викулей (той самой соседкой по комнате), приносившей на хвосте все театральные новости. Иногда девушка оставалась у Яны на ночлег, если грызлась со своим бизнесменом и хотела его уязвить, назло не отвечая на сонмы телефонных звонков и смс-сообщений.

— Пусть подергается, мужикам это полезно, — объясняла свое поведение подруга.

Полезно или нет, Яна не знала, но после каждой такой ссоры на проходной театра Вику дожидался роскошный букет. Не в пример едва не молившейся на Сергея Яне, в отношениях с противоположным полом Вика всегда была твердой, как скала. Усыпанная рыжими отметинами солнца девушка, ростом с кнопку (как ее и звали в театре), она производила на коллег впечатление безобидной хохотушки. Мало кто догадывался, что за этой забавной ширмой скрывается расчетливый ум, благодаря которому Вика без всякой посторонней помощи сумела дотанцеваться до повелительницы вилисс Мирты. Той самой, что приказывала привидению Жизели до смерти затанцевать пришедшего на ее могилу Альбера. Вчера у Вики

была премьера, после чего любимый толстосум презентовал ей квартиру в центре города и путевку на Багамы.

Жизнь Яны состояла из разговоров в дымном кабинете (теперь все чаще о работе), репетиций, спектаклей и постели. Месяц назад Сергей ездил в Германию, его пригласили на постановку «Кармен». Вернувшись, он неожиданно перенес свои вещи к Яне. Всех пожитков — две сумки и чемодан. Она обрадовалась — наконец-то! Баловала Сереженьку борщами и блинчиками, стирала репетиционные трико, наглаживала рубашки и брюки.

Но вот вчера на общем собрании театра директор неожиданно представил труппе нового главного балетмейстера.

— А как же Сергей Иванович? — растерянно спросила Яна.

— Сергей Иванович уволился по собственному желанию, у него долгосрочный контракт с Франкфуртским балетом, — строго глянув на нее, пояснил директор. Но прежде выдержал паузу и привычным жестом поправил очки, вечно сползавшие на кончик безвольного носа. Этот маленький человек с впалой грудью, всегда прилизанный и упакованный в идеально скроенный костюм с галстуком-бабочкой на тщедушной шее, твердо держал в кулаке все цеха и службы театра, и обладал той же шелестящей манерой говорить, заставлявшей вслушиваться в каждое слово, что и скалоподобный Сергей.

— То есть как, уволился... — не веря своим ушам, пролепетала Яна.

Немая сцена — к молоденькой солистке были прикованы все взгляды. Тем временем глаза ее безуспешно искали в зале Сергея. За завтраком он сказал, что будет на собрании... Дыхание сбилось, сердце заколотилось в висках. Уволился, значит, комнату в общежитии сдал театру, а к ней пришел перекантоваться перед отъездом — контрольным выстрелом ударило в голову. Он уезжает или уже уехал? Боже, какой кошмар!

Яна стала поспешно выбираться из середины ряда, цепляясь за подлокотники, и, отдавливая сидящим танцорам ноги, тихо повторяла:

— Простите... простите... простите...

Опрометью пронеслась через парадное фойе, сквозь длинный пустой коридор, к тесной гримерке. Закрылась там изнутри и лишь после этого дала волю слезам. Вдруг в дверь постучали. Яна вздрогнула и бросилась к умывальнику, процедив сквозь сжатые зубы:

— Сейчас, сейчас...

Холодная вода освежила лицо, но куда спрячешь глаза? Она схватила пуховку, припудрилась, подрумянила щеки. Долго возилась с не поддававшимся замком, а, открыв, увидела Сергея.

— Я принес ключи, — пробормотал он, почесывая в затылке и внимательно разглядывая порог. — Завтра уезжаю.

Яна взяла протянутую связку и, отшатнувшись от него, словно от привидения, захлопнула дверь, прижалась к ней всем телом. В коридоре раздались удаляющиеся шаги.

— Тук-тук, тук-тук, тук-тук-тук, — вторило им разбитое сердечко.

Яна тяжело опустилась на стул и уставилась в зеркало. Бледное скуластое лицо с глазами навывкат, носом-пуговкой и тонкими губами. Кому такая нужна? В дверь вновь поскреблись. «Вернулся!» — встрепенулось сердце. Ну, конечно, не мог Сереженька уйти, не объяснившись. Она рванулась к дверям.

— Как ты тут? — тихо поинтересовалась Сонечка, переступая порог.

Софья Михайловна, педагог-репетитор, ежедневно проводила с танцовщиками балетный урок. Безжалостная и крикливая в классе, за его пределами она перевоплощалась в человека добрейшей души. С ней можно было говорить о чем угодно, не боясь, что сказанное достигнет чужих ушей. Выбившись в солистки из кордебалета, она хорошо знала цену словам. Как рассказывала Вика, в тридцать лет, на пике карьеры, Соня получила insult и год лежала парализованная, узнав, что ее муж завел любовницу. До этого юная дива часто бывала у них дома в качестве друга семьи, а после перевоплотилась в верную сиделку для обездвиженной балерины. Вместе с мужем они терпеливо выхаживали Соню, на последние деньги приглашали к ней докторов и массажистов. И она не сдалась, а, восстановившись, протанцевала еще десять лет, только потом ушла на тренерскую работу. Своеобразное трио: она, муж и любовница существует до сих пор, ни о чем не догадывается лишь юная дочь Нина, подрабатывающая в пошивочном цеху театра. Несмотря на то, что эту «семейную» историю «любви и преданности» в театре знает последняя билетерша, Сонечку любят и уважают все. А ее вертлявого мужа, ныне помрежа сцены, с годами обрюзгшего, с внушительных размеров брюшком (лишь легкая походка выдавала в нем бывшего танцора), напротив, недолюбливали за острый язык. Кеша умел сводить стены с потолками. Третьего дня, мерзко усмехнувшись, он бросил Яне, как бы невзначай:

— Скоро Бориска грядет, посмотрим, как ты у нас попляшешь.

Значение этих едких слов разъяснилось лишь теперь, нового главного балетмейстера звали Борисом Петровичем. Яна как-то видела этого человека с опрятной рыжей бородкой в каморке у Сергея, но войти не посмела — широко жестикулируя руками, мужчины увлеченно беседовали, им явно было не до нее.

— Ты танцевать сегодня сможешь, или второй состав назначать? — осторожно, будто стесняясь, поинтересовалась Соня, ее зеленоватые глаза светились сочувствием и пониманием.

Яна замерла, прислушиваясь к звукам в коридоре и тщетно пытаясь уловить в этом нестройном хоре один-единственный, тот, которого (она знала это наверняка) уже не услышит.

— Смогу, — коротко отрезала она.

— Ну, вот и отлично, девочка моя, если сможешь. Вот и хорошо. — Соня повернула ручку замка и, порывшись в необъятной сумке, достала пачку сигарет, чекушку коньяка, одноразовые стаканчики и завернутые в тонкую бумагу горячие бутерброды из театрального кафе. Сдвинув косметику к зеркалу, разложила все это на гримировочном столике, потом открыла окно, плотно занавесила шторы и добавила, оглянувшись на сбитую с толку Яну: — До спектакля еще шесть часов. Надо расслабиться, иначе будешь потом, как я... — Лицо ее тронула мягкая улыбка. — Так что давай, не куксись, за тебя.

Яна проглотила обжигающую жидкость, закашлялась. Сонечка подала ей воды и, усадив на стул, сама села рядом, закурила.

— Не предлагаю, — махнула задымившей сигаретой. — Яд. Тебе еще долгонько ножками махать. И вот еще что, судить-рядить, думать там всякое сейчас не смей. Оставь всю гадость сцене, она лечит.

— За что он так со мной? — смяла в руке опустевший стаканчик Яна. — Слова не сказал... Я же его... Они же все... — Не удержавшись на ногах, она уткнулась в прикрытые легкой узорчатой тканью острые Сонечкины колени и заплакала:

— Как мне теперь жить?

— Ничего, детонька, не ты первая. Жить будешь и танцевать тоже, чай не калека, — спокойно проговорила Соня, взяла новую сигарету из пачки, чиркнула спичкой, пыхнула ароматным дымком. — Все теперь от тебя зависит, будешь прятаться — заклюют, а научишься завистникам в глаза смотреть — зауважают. А Серега... знаю я его, двадцать лет бок о бок тремся. Объясняться он не умеет, вон и от Машки в один день ушел, не предупредая. — Соня отняла у Яны измятый стаканчик, заменила его новым, плеснула еще по глотку и спрятала коньяк в сумку. — Давай, за Жизель, чтоб без сучка и задоринки.

Машину внезапно накрыла темная тень. Скрывавшаяся за ворохом переживаний реальность нагло полезла в глаза. Яна разглядела у дороги проржавевший нефтеналивной танкер, над ватерлинией которого ярко белело криво написанное от руки слово «Desperatio». (Кому пришло в голову баловаться латынью, забравшись на такую верхотуру?) Что это — памятник или фата-моргана? Медленно выплыв из тени корабля, девушка обомлела — повсюду, сколько хватало глаз, виднелись застрявшие в песке

суда, баржи, маневровые катера. Машина сунула нос на встречную полосу и неуверенно вильнула, прежде чем вернуться на верный путь — серебристый седан, замешкавшись, продолжил движение меж мрачных застылых громадин.

Господи, куда она заехала? Нечто похожее видела по телевизору, в фильме про Аральское море. Оно где-то в Узбекистане или Казахстане находится, Яна хоть и не сильна была в географии, понимала, за одну ночь добраться до Арала на машине уж точно никак не могла. И трасса пустая — как назло, ни души. Температура за бортом, если верить показаниям термометра, светившегося красным на панели управления, плюс сорок по Цельсию. Сбросив скорость до черепашьей, Яна запустила в мобильном телефоне приложение-навигатор. Услужливо показав заставку, он предупредил, что ищет спутники, и завис. Ну да, Интернета нет, сети тоже, девушка разглядела, наконец, беспомощно мигавшие значки. Неприятный холодок поднялся по позвоночнику, щипнул сердце, подкатил к горлу. Да ну, отмахнулась от подступавшего ужаса Яна. Дорога, как дорога, надо ехать и все. Может, указатель какой сыщется, или городок — она их проехала уйму. Бензина еще километров на двести хватит, не пешком же ей бродить по этой жутковатой пустыне, по этому кладбищу кораблей. Кто виноват, что она всю ночь и полдня мчалась, не разбирая дороги?..

Сергей поджидал ее возвращения из театра, скрываясь от мелкого промозглого дождя под козырьком подъезда, шагнул навстречу, стоило Яне приблизиться.

— Ты сегодня отлично танцевала, великолепно просто. Не ожидал, что так можешь, а то предложил бы тебя во Франкфурт в качестве примы ... — Прежде чем раствориться в луже, обидные слова: «не ожидал», «предложил», «Франкфурт» — ненадолго повисли в сыром воздухе.

Яна невольно сделала запрещающий жест рукой из первого акта Жизели. Темные декорации, подсиненные близостью склоненного над притихшим двором одинокого неоновом фонаря, отчего-то были из второго, по-смертного отделения спектакля, с той только разницей, что волшебное озеро, обычно нарисованное на заднике сцены, проливалось с небес унылой водяной крупой. Услышав голос, которого ждала весь этот дикий, сумбурный день, Яна почувствовала сильную усталость и больше ничего. Растерянно переступила с ноги на ногу, сжала и разжала кулачки, не зная, куда девать руки. Кутаясь в стылую от долгого ожидания спортивную ветровку, перед ней стоял чужой человек с кусочком непроницаемого мрака вместо лица, отчего-то нарядившийся Сергеем. Тот льстивыми обертонами не увлекался, а выкручиваться и вовсе не умел:

— Тут такое дело, — шмыгнув носом совсем не по-сергеевски, вновь заговорил чужак. — Я у тебя свой ежедневник забыл, там все наметки постановок, ну, ты знаешь...

Что у него с голосом? Раньше он ласкал ухо тихой задумчивой мелодией, а теперь скрипит, что несмазанная телега. Яна нашарила в кармане плаща и протянула застывшему в ожидании пришельцу ключи от квартиры, а сама кинулась назад, к машине. Кажется, он что-то кричал ей вслед, или то был ветер, бросивший в лицо пригоршню пахнувшей озоном воды и едва не сбивший ее с ног. Закрывшись в «домике на колесах», девушка вынеслась со двора и помчалась по мигавшему желтыми глазами светофоров ночному проспекту, представляя, как этот другой Сергей будет обшаривать полки и тумбочки, бормоча оправдания и оставляя на них темные мазки взглядов до тех самых пор, пока окончательно не вымарает Яну из своей новой жизни...

Хватит об этом! Сейчас надо выбираться из Аральской пустыни. Яна устремилась вперед по отделенной непрерывной белой линией и блестящей серебром полосе дороги. Трасса оставалась пустой — будто игравший с песком ветер сдул все указатели и знаки, прежде мозолившие глаза. Яна уже подумывала вернуться, но страх не найти в другой стороне прежних ярких картинок неудержимо гнал ее вперед...

Публика бесновалась, вызывая взмыленных солистов на поклон снова и снова. Когда занавес, наконец, закрылся, Яне пришлось пробираться к выходу со сцены сквозь толщу потных тел. Все что-то говорили, подбадривали, поздравляли, даже воцарившийся над балетом Борис надтреснутым тенорком выразил свое почтение. Рассеянно кивнув ему, Яна сбегала с лестницы, отделявшей сцену от рабочих помещений театра, и устремилась к себе в гримерную, на ходу расстегивая на спинке пачки бесчисленные крючки и выдергивая из волос заколки и шпильки. Будто старалась поскорее избавиться от Жизели. Умывшись и завернувшись в халат, она долго сидела перед зеркалом, вытянув под столик натруженные стопы ног с перевитыми пропитавшимся сукровицей пластырем пальцами. Его требовалось сменить, но Яна не могла пошевелиться.

Дверь часто хлопала, заходила угловатая костюмерша Ира, спешившая собрать костюмы, румяная уборщица Люся, вытряхнуть мусорное ведро, Мишка Рукастый, с упакованным в футляр тромбоном и поздравлениями, Сонечка. Вихрем внеслась Вика в облике Мирты, скороговоркой пригласила в малый репетиционный зал, где ждал заваленный деликатесами премьерный стол. Яна пообещала прийти, но не двинулась с места. Ждала,

когда за дверью ее мирка закончится людская возня, театр, наконец, уймется и перестанет нести околесицу на разные голоса, вздыхать и сетовать на нечто, недоступное пониманию присутствующих здесь людей. Изукрашенному лепниной зданию со стройными колоннами на фасаде больше двухсот лет. Он знает, что населяющие его исполнители всевозможных ролей один за другим уйдут в небытие, и давно не принимает всерьез их сиюминутные трагедии и радости, свободно утекающие сквозь пальцы времени, как вода смывает пот и грим, унося в океан любые личины.

Когда за дверью стихло, Яна сунула ноги в сланцы и пошлепала в душевую. Но прежде поднялась на сцену, бесшумно нырнула в полутьму спящих декораций «Жизели» — их уберут только завтра, а пока еще можно расслышать отзвуки печальных мелодий второго акта и даже разглядеть зыбкие призраки вилисс, застывшие в облаке пыли, поднятой десятками танцующих ног. Повинуясь внезапному желанию, девушка легла на теплые, напитавшиеся светом софитов подмостки, над которыми витали зыбкие картины недавно завершившегося действия. Пачки призрачных балерин рвались лоскутами, лица проваливались во тьму, тонкие руки вытягивались в бесконечность, приоткрывая изнанку потустороннего мира, обычно таившегося в темных уголках кулис. Душу скребло предательство, становившееся все гаже оттого, что совершено оно было, походя, без задней мысли, просто потому, что так было удобно ее великовозрастному любовнику. Он, тонкий творец изумительных пластических рисунков, чуткий к каждому музыкальному звуку, постановщик от Бога. Яна знала это не понаслышке, стояла у истоков рождения недавно нашумевшего, пронизанного экспрессией и чувством одноактного балета, ведь все свои придумки Сергей сначала опробовал на ней. Конечно, рамки классического театра сильно стесняли его могучий дар. Сколько смелых замыслов так и остались зарисовками в блокноте, жестоко отвергнутые худсоветом, а Франкфуртский балет — коллектив революционный, там Сергей сможет развернуться, творить без оглядки на мнения и каноны. Почему он оказался равнодушным к самому близкому, готовому ради него на все человеку? Сцена отмалчивалась, оставляя безответным витавший в воздухе вопрос...

Что это белеет там впереди? Солнце все еще ярилось в зените. Опустив козырек, Яна разглядела на дороге призывно размахивающую руками девушку в белом платье. Нет, это не платье, а длинная шопеновская пачка повелительницы вилисс Мирты. «Я сошла с ума?» — вихрем пронеслось в голове. Приблизившись, Яна узнала в девушке Вику, остановилась и опустила окно, успев язвительно подумать: «Не удивлюсь, если и Глеб оты-

щется где-то рядом, а кордебалет притаился за кораблями и ждет, когда оркестр начнет играть увертюру».

Виктория просунулась в кабину вместе с полуденным жаром. Дыхание пресеклось, под ярким сценическим гримом Яна разглядела на левом глазу подруги бельмо, придававшее ее лицу странную озлобленность.

— Что это у тебя? — выдохнула она.

— Ерунда, пустяки, понимаешь? — хихикнула Вика и повернулась к ней правой чистой стороной. Свисавшие с тонкой короны вилиссы кристаллики чешского стекла преломили свет, рассыпав его по мрачной холодной кабине яркими цветными бликами. — Так узнаешь? Ну, вот и славно. Слушай внимательно, твоя Жизель понравилась. Тебя хотят вознаградить. — Она запустила руку в бардачок и подмигнула вжавшейся в сиденье Яне пустым глазом. — Ну, где же ты запропастился? А, вот, нашла!

В ладони Мирты блеснул ключ, похожий на тот, которым запирают гаражи. Не успела Яна удивиться, откуда он там взялся, вилисса причмокнула красными губами и приказала:

— Идем!

— Куда? — Яна кивнула на застывший пейзаж. — Я думала, ты заблудилась, до дома подвезти надо...

— Ага, заблудилась, как же, — всплеснула руками Вика, дотронулась до Яны холодными пальцами и выкрикнула: — Пошли, говорю!

Яна не успела понять, как оказалась рядом с машиной. Горячий ветер заставил зажмуриться, бросив в глаза пригоршню песка.

Очнувшись, она увидела, что бежит вслед за Миртой по широкому светлому коридору, стуча пуантами по деревянному полу. Прозрачные слои фатина ее воздушной пачки путались в ногах, замедляя движение. По сторонам тянулись стены, задрапированные все тем же фатином, сквозь который проглядывала могильная чернота земли с обрывками тонких корней. Яна задохнулась и отдернула руку, сделав попытку освободиться. Вика обернулась, глянула строго зловещим глазом и выкрикнула на бегу:

— Юбку подхвати, а не-то опоздаем!

Мчались без усталости до тех пор, пока не очутились перед разрисованной золотыми амурами высоченной двухстворчатой дверью, рядом с которой нашелся плоский ящик с дробленой канифолью. Перед выходом на сцену балерины натирают ею пуанты, чтобы не скользили, что и сделала Мирта. Потом начала разминаться. Уставшая удивляться Жизель, отдышавшись, последовала ее примеру. Похрустев канифолью, она поднялась на пальцы и поняла, что стелька на левой опорной ноге сломалась — пируэты не покрутишь, особенно если подряд, можно завалиться. Хорошо, хоть не Черный лебедь, тридцать два фуэте вращать не надо. Яна вышла в арабеск

и замерла, проверяя устойчивость — на первую сцену хватит, а потом переобуется в пару поновее, их еще две за кулисами припасено. Господи, какие еще кулисы?

— Ну что, готова? — не дала времени на раздумья Вика. — Первым номером адажио с Альбером, — и, отворив дверь ключом, толкнула Жизель в голубоватую темноту сцены. Яна оказалась в луче прожектора, повинувшись звукам скрипки, скрестила на груди тонкие руки, вышла на середину и стала в исходную позицию адажио. Точеная ножка медленно поднялась в воздух, затем легко, будто во сне, перешла в высокий арабеск. Завершив поворот, Яна почувствовала присутствие партнера. Нет, это был не Глеб — некто совсем иной, сильный. Боже, как с ним хорошо, каждый шаг — в невесомость волшебной музыки, каждая поддержка — в невообразимую высь, из которой не хочется возвращаться. Да он и не торопит, дает ей испытать все оттенки ощущений, позволяет свободно парить меж спутанных рукавов Галактики, отталкиваясь от звезд для следующего прыжка и вплетая в узоры созвездий тонкое кружево танца. Вот что значит быть на седьмом небе.

Не успела объять его — музыка оборвалась. Яна, совершенно земная и во плоти, осталась одна в холодной синей пустоте.

— Благодарю тебя, о, великолепная Жизель! — Мягкий, вкрадчивый голос слышался будто бы отовсюду. — Проси, чего желаешь.

— Хочу вернуться туда, — Яна указала на тонкий шлейф дрожавшего наверху Млечного пути.

— В одну реку нельзя войти дважды, но теперь ты знаешь, к чему стремиться. Вопрос не в этом. Возможно, ты хочешь вернуть его или наказать? Желай, не стесняйся.

— Наказать? — Ощущая во рту горьковатый вкус непривычного слова, Яна почувствовала, что стоит на твердом полу.

— Ну да, наказать, — согласились с ней. — Ведь он тебя предал. Человек — очень хрупкое существо, его может случайно сбить машина, оставив калекой до конца дней, или поразить внезапная болезнь. Сердечный приступ, к примеру, инфаркт. Никто не удивится, работа нервная, кроме того, он слишком много курит, или...

— Нет, что вы — не надо! — прервала поток измышлений потрясенная Яна.

— Тогда можно отомстить искусней, выгонят из Франкфурта взашей, обнаружив пакетик с кокаином в его сумке. А? Как тебе? Депортируют с «черным билетом», еще и неустойку за невыполнение условий контракта придется платить, а место в театре занято. Ваш директор предателей не любит, так что, конечно, возьмет обратно... сторожем на проходную. Ты будешь ходить мимо него каждый день.

Яна представила себе эту картину и резко мотнула головой.

— Ладно, вижу, ты все еще его любишь. Тогда можно устроить тебе место во Франкфуртском балете. И все вернется. Продолжится так же, как было.

— Нет, не вернется. — Она опустилась на пол, расправила складки на пачке, вдохнула расплавленный в воздухе лед. — Как было, уже не будет, а как может быть... Я этого не хочу.

— Отчего же? — заискивающе поинтересовались сверху.

— Сергей меня не любит.

— Ты знала это и раньше...

— Тогда я могла себя обманывать — теперь не смогу.

— А хочешь, он влюбится в тебя без памяти?

Яна задумалась, принявшись чертить на полу кружки и крестики, долго чертила, потом посмотрела вверх:

— Нет, он так не умеет. Это будет морок, а не любовь. Я буду знать... и не смогу...

— Тогда чего тебе надо? Быть может, всемирной славы? Уверю, ты этого достойна. Только скажи, и каждый спектакль будет как наше адажио! Никакого напряжения, боли и страха. Тебе ведь понравилось, правда?

Издвательские нотки в чистом мелодичном голосе заставили девушку вздрогнуть.

— Каждый раз я так не сумею, — пожала плечами Яна, закашлялась и набросила на озябшие плечи верхние слои пачки.

— Я сделаю так, что сможешь. Что тебе все эти театральные черви, их бесконечные дрязги и сплетни?! Ты сможешь творить по-настоящему, одна в своей вышине. Я сделаю тебя Этуалью в Ла-Скала, примой в Большом. Тебе будут дарить цветы президенты, у тебя будут брать бесчисленные интервью, преклоняться перед тобой, в конце концов. Хочешь?

Яна написала на полу: дарить, брать, преклоняться, цветы... Стерла, написала еще раз, снова стерла, затем написала: театр, Сонечка, моя сцена, сама... Я сама.

— Я очень замерзла, — пожаловалась она, поднимаясь на окоченевших ногах.

— Согреешься, раз так! — озлобился голос.

Девушка вдруг очутилась под палящим солнцем, посреди уходившей за горизонт пустыни, гладкой, как стол, и едва не задохнулась. Ноги обожгло — она босая? Пританцовывая, будто на углях, сделала несколько шагов, огляделась — ни одного деревца, под которым можно было бы укрыться, ни дороги, ни машины. Она здесь одна, без капли воды, в стесняющем дыхании одеянии Жизели. Хоть кричи, хоть плачь — никто не

услышит. Лишь ветер прозрачной рукой играл с шариком перекасти-поля, да нагое солнце посылало выжженной земле горячие потоки своей смертоносной любви. Больше свидетелей не было. Яна вытерла со лба катившийся градом пот, оторвала от пачки длинную полоску ткани и соорудила на голове подобие чалмы, еще одной полоской перевязала нос и рот — дышать стало легче. Теперь ноги. Накрутив на босые ступни подобие портянок, она оторвала от юбки еще один слой сетчатой ткани и набросила его на плечи. Вот и все. Можно идти дальше.

Первые шаги давались нелегко, но постепенно Яна начала привыкать к размеренному движению. Обрадовалась, разглядев впереди темное пятнышко, через некоторое время стало видно, что это корабль, формой напоминавший тот самый танкер с «отчаянием» на борту. Значит, и машина там, неподалеку. Яна побежала, стараясь не упускать корабль из виду. Ноги вязли в песке, каждый шаг давался все труднее. Она принялась их считать:

— Раз, два, три... четыре... пять. Вышел зайчик погулять. Вдруг охотник...

И вдруг осеклась. Корабль стал другим, он ничем не напоминал виденный прежде танкер.

— Откуда здесь парусник? — остолбенела Яна, до рези в глазах вглядываясь в даль. Потом усмехнулась, подняла голову к небу и проговорила: — Издеваешься? Согреюсь, говоришь, да? Вот и согрелась. Перегрелась, можно сказать. Этуаль, да? Прима? Какая из меня прима? Слова никому поперек сказать не могу. И ему не сказала, а ведь хотелось, очень хотелось. Влепить хотелось так, чтобы понял, что он наделал, гад! — Она сплюнула, забыв, что к губам прилипла шершавая ткань, и расхохоталась. Пустыня ответила ей многоголосым эхом.

— Что ж, пусть будет бригантина, хоть подводная лодка, мне все равно. Вот вам и адажио, и полетали. Вот и... Ненавижу, я ненавижу тебя, солнце... Солнце... я не-на-ви-жу... Нет, не то... А, да... охотник выбегает, прямо в зайчика стреляет. Пиф-паф. Ой-ой-ой. Ха-ха-ха... Умирает... Ну уж нет, вот еще. Я все равно до тебя дойду, слышишь? Ты слышишь меня? — Яна, пошатываясь, брела к кораблю: — Раз... два... три... че-ты-ре...

Корабль на горизонте вдруг задрожал и превратился в великолепную белую яхту с темной надписью на боку. Интересно, как зовут эту красавицу? Не иначе, как Счастье. Да ну, вряд ли, Миранда какая-нибудь, скорее всего. Ой, да это же...

Яна резко села на постели, тяжело дыша, стянула с себя налипшую простыню. Вот так, вроде ничего, терпимо. Сможет подняться. Очертания комнаты еще терялись в сумерках, но за окном занималась заря. Рядом, уткнувшись носом в подушку, спал Сергей. Она прижалась к нему, вслу-

шиваясь в размеренное дыхание, осторожно тронула губами плечо, затем потянулась, распрямляя занывшую спину. Так вот откуда кошмар. Машины у нее не было сроду, только водительские права. Кофе бы сейчас и болеутоляющее. Нет, сначала в душ. Она еще раз взглянула на Сергея. Он здесь, рядом, ничего плохого не было. Приснится же такое.

Яна набросила на голое тело тонкий атласный халатик с яркими маками по подолу — подарок из Франкфурта — и уже подходила к двери, но заставшая врасплох мысль вынудила ее вернуться и схватиться за телефон. Высветившаяся на экране дата говорила сама за себя — последний спектакль сезона будет сегодня, общее собрание театра тоже. Вика, если что-то нужно, может позвонить ей в два часа ночи, а сейчас уже семь утра. Пусть принимает ее за сумасшедшую, Яна видела Бориса в театре, и слова Сониного мужа ей тоже не приснились.

Спустя час Сергей, позевывая, выбрался на кухню. Сел напротив, пробормотал:

— Чего вскочила в такую рань?

Яна подняла на него глаза, спросила:

— Кофе будешь? — и добавила, не дожидаясь ответа. — Завтра едешь во Франкфурт?

— Что за ерунда! — Он хлопнул ладонью по столу и потрянул головой, отчего на макушке вздыбились седые кудри. Вытащил сигарету из пачки, закурил и, отгородившись от Яны облачком дыма, бросил. — Да, уезжаю, а что?

— Спасибо, что предупредил. Тебе не кажется, что это бесчеловечно?

— Я давно собирался тебе сказать. Замотался как-то. И потом, это же не навсегда, всего на три года.

— Всего на три, — медленно повторила Яна, потянулась через стол, пригладила ему волосы, поднялась и поставила на огонь турку с водой. Сказала, не оборачиваясь: — Ежедневник свой у меня не забудь, и ключи в театр приносить не надо. Когда будешь уходить, брось их, пожалуйста, в почтовый ящик.

Публика бесновалась, вызывая взмыленных солистов на поклон снова и снова. На сцену невесомой походкой поднялась утонченная женщина со скрытым под густой вуалью лицом, с поклоном вручила Яне букет белых роз. Их тонкий аромат сопровождал ее всю дорогу до гримерки. Все повторилось почти как во сне, с той только разницей, что, быстро разгримировавшись и приняв освежающий душ, Яна пошла в малый репетиционный зал поздравлять Вику с премьерой. Широко улыбнувшись рассевавшемуся за столом балету, она приветственно кивнула уже поднявшему тост Борису Петровичу и заняла место рядом с Сонечкой, на миг прижавшей ее к своей груди... □

У каждого свой Данил Корецкий. Для кого-то он профессор, криминолог и очень крутой эксперт в области закулисья преступного мира. Для кого-то — знаменитый писатель, автор таких нашумевших романов как «Антикиллер», «Оперативный псевдоним» и «Рок-н-ролл под Кремлем».

Данил Корецкий:

Сам он с удовольствием совмещает все свои ипостаси и все успевает: читает лекции будущим асам юриспруденции, пишет романы, сценарии и даже снимается в кино.

«Парижу предпочитаю Ростов»

— Данил Аркадьевич, лет десять назад на вопрос, есть ли у вас «литературные рабы», вы ответили, мол, если есть, то, сволочи, очень ленивые, пишут мед-

ленно. За последние шесть лет из-под вашего пера вышел 21 (!) роман. Неужели все-таки...?

— Да нет! Просто это можно сопоставить еще с другими события-

ми. В 2008 году я закончил службу в органах внутренних дел, оставил руководство диссертационным советом, перестал руководить диссертантами, и теперь я — сугубо гражданский человек! Отчитал лекции в университете, и — свободен. Конечно, появилось больше времени, что положительно сказалось на моем литературном творчестве.

— А я подумал: может, сын и внуки пришли на подмогу...

— На внуков, кстати, есть надежда. Старший — мой полный тезка Данил Аркадьевич Корецкий — только что закончил школу. А младшая, Арина, ей шесть лет, уже рассказы пишет и сама их печатает. Сыну пока не до прозы — он федеральный судья и пишет, в основном, апелляционные определения. Когда я работал следователем, тоже ничего не писал, кроме протоколов и обвинительных заключений.

— Если кратко подвести итог вашей ученой карьере полковника МВД...

— Она удалась! Может, это нескромно прозвучит, но ни в России, ни за ее пределами вы не найдете писателя с такими тиражами, который не просто занимается параллельно другой профессиональной деятельностью, но и достиг в ней определенного уровня. Я — действующий профессор, подготовивший 35 кандидатов наук, 10 тысяч офицеров, издавший более 250 на-

учных трудов, создавший новое учение о правовом режиме оружия — криминальную армалогию.

— Среди личных профессиональных достижений есть особый повод для гордости?

— Я производил когда-то служебно-уставную экспертизу по уголовному делу о применении оружия сотрудниками милиции. На ее основании сержант милиции Т., которому прокурор просил дать 12 лет лишения свободы, был освобожден в зале суда. Вот я считаю: то, что реально материализовалось в судьбе человека — это главное, что я сделал. Этот случай описан мною в романе «Антикиллер-2» и вошел в одноименный фильм.

— Кстати, как вы относитесь к фильмам и сериалам, снятым по вашим книгам?

— Мне очень нравится сериал «Оперативный псевдоним», первый «Антикиллер». А самый высокий рейтинг — у картины «Рок-н-ролл под Кремлем». Она за год была показана раз двенадцать, то есть по количеству показов переплюнула даже «Антикиллера». Я там сыграл небольшую роль, между прочим. Генерала ФСБ Ефимова.

— И как вам актерский хлеб?

— Тяжеловат, конечно.

— Интересно, в вашем детстве что-нибудь предвещало судьбу «профессора преступно-

го мира» и писателя с миллионными тиражами?

— «Профессора преступного мира» — нет. И профессора юриспруденции, кстати, тоже. Но журналистом я быть хотел. Скажу больше: когда лет в 16 начинал писать прозу, я чувствовал, что придет время, когда она будет востребована. Не могу объяснить, на чем основывалось это ощущение, но оно было. Первый мой рассказ опубликован в 1968 году в журнале «Техника — молодежи» — скорее, не рассказ, а микроминиатюра, но довольно оригинальная. Я считал публикацию в таком журнале колоссальным успехом.

— После окончания юрфака у вас была рекомендация в аспирантуру, но вы предпочли реальные дела, и пошли работать следователем в прокуратуру...

— Тогда многие мои знакомые считали, что это просто глупо. Работа действительно незавидная. Знаете, что такое дежурство по городу с миллионным населением? После дежурства спрашиваю у жены: «Как дела? Что случилось?» «Да ничего не случилось. Ты же утром ушел, вечером пришел...» Говорю: «А у меня впечатление, что война идет!» В дежурке каждые пять-десять минут звонит телефон: то человек выпал из окна, то задохнулся угарным газом, то обнаружили труп в подвале, то кто-то повесился, то кража, то разбой... А если криминальный труп — значит, выезжает следователь прокуратуры. Я так отработал три года.

За это время направил в суд порядка полтора сотен уголовных дел, и, конечно, несчетное число раз проводил осмотры мест происшествия, очные ставки, допросы. Поэтому знаю, как убивают людей, что говорят при этом, что думают.

— Много уголовных дел, которыми вы занимались на практике, послужило сюжетами для ваших книг?

— Ни одного. Я вообще считаю, что интересных уголовных дел в принципе не существует. Интересным оно может быть, если применен какой-то необычный способ (но это очень редко), или когда преступник — неординарная личность (что бывает еще реже), или же хитроумный способ раскрытия. Вот это бывает, но такая следовательская кухня, как правило, не оглашается. По крайней мере, раньше так было. Правда, лично у меня было несколько громких дел — для тех времен.

— Например?

— Самый большой «хозяйственный» преступник, которым я занимался, служил начальником квартирного бюро. Он был очень влиятельный человек в городе, дружил с начальством, в том числе, и с моим прокурором. И прокурор, конечно, когда поручал мне проверку заявления, предупредил, что это «его личный друг, честнейший человек». Он даже не подозревал, что я, совсем «зеленый» следователь, докажу его виновность и, в итоге, поса-

жу за взятки. У моего подозреваемого изъяли фантастические по тем временам деньги — около 30 тысяч рублей. Но доказать, как взятку, удалось лишь 1400 рублей и две норковые шкурки. Ему дали 12 лет, с конфискацией имущества, лишением орденов и медалей... Сейчас это выглядит как жесточайшее наказание за «мелкую шалость», но тогда — в середине семидесятых — за хищение 10 тысяч рублей или неоднократную взятку могли и расстрелять!

— Значит, вы были упертым следователем?

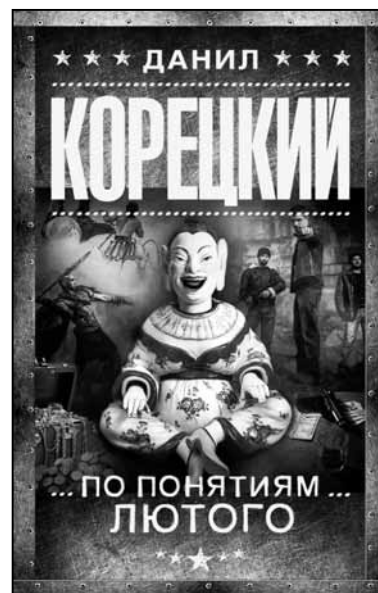
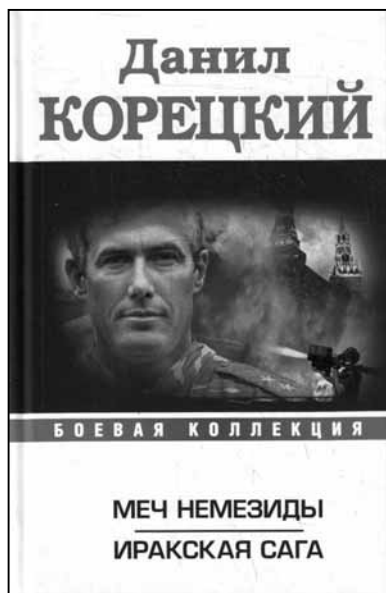
— Я поступал так, как считал справедливым, и чувствовал, что устанавливаю справедливость. Сейчас вряд ли так можно работать... У меня был, например, такой случай. Внештатный инспектор квартирного бюро подозревался в том, что составил фиктивный акт обследования жилищных условий за две бутылки коньяка. Я вызвал его на допрос 9 мая, тогда это был рабочий день. И вдруг он заявляет: «Тридцать лет назад в этот же день я сидел перед следователем гестапо...» Ну, я молодой, вспылил: «Что за сравнения?! Хотите сидеть перед следователем КГБ? Могу позвонить...» А он, оказывается, никаких оскорбительных параллелей не проводил и объяснил: «Я воевал летчиком, самолет фашисты сбили, и 9 мая 1943 года меня допрашивал следователь гестапо». Тут до меня дошло... Конечно, я понимал, что он эти две бутылки коньяка выпил. Типичный выпива-

воха: нос красный, руки ходуном. И акт фиктивный он, конечно же, составил. Попадет под суд, надолго упекут фронтовика. Тогда роли не играло, две бутылки или тысяча рублей, факт взятки доказан — и все, тюрьма. Но он раскаялся, изобличил настоящего хищника, и я дело в отношении него прекратил, он остался свидетелем... Что любопытно, мы случайно встретились через несколько лет — если бы он не подошел, я бы его не узнал. В форме гражданской авиации, вид совсем другой, крепкий, здоровый, и нос нормального цвета. Оказалось, бросил пить, переучился и работает в наземных службах аэропорта. Как в назидательном кино прямо! Но это реальный факт. Таких, честно скажу, бывает немного.

А потом был создан первый в России отдел криминологических исследований в системе Минюста, в Северо-Кавказской лаборатории судебной экспертизы. Это был первый научный отдел, изучающий преступность. И я ушел туда.

— Сегодня возникли совсем другие формы криминала. Какковы, на ваш взгляд, «особые приметы» современного криминального мира?

— Он уже лет двадцать принимает другие, легализованные формы деятельности. Раньше как было? Уголовник — он весь в татуировках, судим, он не может прийти в райисполком или в райотдел к начальнику уголовного розыска и там решать

какие-то вопросы. Исключено! А теперь появились фигуры, которые не только везде вхожи, но и сами служат. Было одно громкое дело... Один руководитель УВД наслал преступников на другого руководителя, и те его искалечили. Я прослужил в органах тридцать лет, и такого никогда не было, чтобы внутри системы милиции одни калечили других с целью захвата зоны влияния.

— Все чаще в сводках фигурируют компьютерные мошенничества, один из главных сегодняшних «героев-разбойников» — хакер... Современные преступники используют нанотехнологии?

— Думаю, да. Но многие такие преступления фактически выпадают из статистики преступности, оставаясь в сфере латентности. Потому что о них или никто не узнает, либо они на таком крутом техническом уровне, что их просто не могут рас-

крыть. Но сейчас преступность в масштабе России падает. И очень сильно. Правда, только статистически.

— То есть только на бумаге? А в реальности?

— А в реальности объяснить такое снижение специалисты не могут, ибо предпосылок для этого нет. Число убийств снизилось за последние годы в два раза. Но растет число пропавших без вести, число погибших в результате сомнительных несчастных случаев (выпал из окна, упал с лестницы, отравился суррогатом алкоголя). Сколько среди них действительно несчастных случаев, а сколько замаскированных или «спрятанных» убийств? Известный криминолог профессор Владимир Семенович Овчинский неоднократно публиковал выкладки, согласно которым благополучные цифры вызывают большое сомнение. Есть еще ряд криминологов, которые открыто говорят, что эти цифры «глаз радуют», но они не

основаны на каких-то реальных антикриминогенных процессах.

— **Благодаря одноименному роману Серила Хэйра мы знаем, что такое «чисто английское убийство». А что такое «чисто русское убийство»?**

— Двое встретились, выпили, поспорились. И тот, к которому нож ближе лежал, его в своего приятеля засадил... Встретились втроем, двое знакомых, один незнакомый. Пили, крепко подружились, пошли «в гости», продолжили распивать напитки. И тут обнаружилось, что у одного пропали часы. Кто взял? Новый! Его забили насмерть. А потом часы нашлись... Два человека выпивали и поспорились. Один другому нанес 64 ранения половинкой ножниц. Пострадавший выжил и ничего не запомнил! Тоже типично русское покушение.

— **Герои ваших книг — люди самых разных специфических,**

порой закрытых грифом «секретно» профессий. Как вам удается столь убедительно и достоверно описывать нюансы их профессиональной кухни?

— Я общаюсь с разными людьми. Например, пил чай с боевым пловцом. У американцев он называется «тюлень», «силз» — это спецподразделение подводников. Он может подплыть к лодке, выпрыгнуть из воды, зарезать часового, взорвать корабль. Помните, как герой Стивена Сигала один перебил захватившую линкор банду? А это был обычный скромный парень, который свою профессию не считал героической.

В числе моих собеседников были оперуполномоченный контрразведки «Смерш», ответственный сотрудник НКВД СССР, работавший под началом Л.П. Берия, участники группы, приводившей в исполнение смертные приговоры, контрразведчики, следователи, оперативники, прокуроры и судьи. И, конечно, лю-

ди из противоположного мира. Многие из них вполне адекватны и очень откровенно рассказывали о том, что меня интересует, избегая, конечно, конкретики, но на меня они особого впечатления не произвели. Да и разговаривал я «по душам» лишь с бывшими сотрудниками милиции. С настоящими уголовниками я наобщался, когда работал следователем. Мы как сидели по разные стороны стола, так и остались.

— В нашей нещадно ругаемой полиции сегодня есть люди, достойные стать супергероями детективов 21 века?

— Вне всякого сомнения, есть. Например, прототипом моего героя по кличке Лис («Антикиллер») был реальный опер уголовного розыска Анатолий Рублев, человек удивительный. У Анатолия действительно была кличка «Лис», он отличался не только умом и хитростью. Однажды в одиночку задержал троих грабителей на левом берегу Дона. Одному выбил глаз пистолетом, другого приотопил в Дону, у третьего отобрал документы, и тот ходил вокруг него, жалобно просил отпустить до приезда опергруппы. Вот такой он был, знаменитый Лис. К сожалению, он рано умер. Инфаркт!

Это я к тому, что герои, смелые и порядочные люди есть всегда. Но как-то во время встречи с ветеранами и руководителями угро меня спросили: а кого ты описал в книге? Отвечаю: такого-то. «А кто это?»

Его никто не помнит, потому что он больших должностей не занимал, пахал себе в районе и все. Когда он со мной общался и много чего рассказывал, я был еще студентом и даже сам не предполагал, что часть его жизни попадет в книги. А скольким подобным людям не встретились будущие писатели?! Они уходят, и ничего после себя не оставляют. Вся жизнь на стрессах, им положена психологическая разгрузка, профилактическое лечение. Этого нет, а водка есть. Вот и снимают стрессы, некоторые спиваются, и их увольняют. А ведь это боевые, талантливые офицеры. Я еще одного такого знал — настоящий российский Рэмбо, даже покруче, да еще стихи писал, песни... Трагическая фигура... Спрашивают: откуда материалы? Да вот от таких людей!

— Раньше вы говорили, что в вашем любимом Ростове есть места, куда бы вы не пошли без пистолета. Сейчас цивилизации стало больше?

— Про пистолет — это, конечно, некоторое преувеличение — для экзотики. Раньше всех приезжих телевизионщиков, писателей, режиссеров я водил посмотреть «душу» криминального Ростова в так называемый «Шанхай» — жутковатый бидонвиль в центре города. Место весьма специфическое — когда-то местная голь строила там дома из фанеры, кусков жести — всего, что под руку попадет. Тут и там чернеют пепелища, развалины, кучи мусо-

ра. Как-то зимой я туда водил сына, когда ему было лет семь.

— С какой целью?

— Показать ему изнанку жизни...
Прошло с тех пор 35 лет, но там мало что поменялось...

— Никогда не рассматривали вариант пожить в какой-нибудь другой криминальной столице типа Лондона, где давно поселились наши сбежавшие богачи, куда ведут полониевые следы, и написать цикл романов с натуры?

— А разве Лондон криминальная столица? Нет, вас обманули, это очень благополучный город! А чтобы пожить там, мне нужно вначале безнаказанно украсть, скажем, миллиард долларов. Иначе придется только на бирже труда в очереди стоять. Вы сами там были? Колоссальные цены, во-первых. Во-вторых, Лондон называют, знаете, как? Кашмир на Темзе! Идешь по Оксфорд-стрит, это центральная улица, навстречу тебе — марокканцы, индусы с пятнами на лбу, женщины в чадрах, негры самые разные: африканские, ямайские. Заходишь в сувенирный магазин — а там ямайские негры, с кошечками... Не мой город! Я не люблю и Париж. Помню, в интервью корреспонденту французской «La Gazette» Мадлен Д. честно в этом признался. Она удивилась: «Вы первый человек, которому не нравится Париж». «Может, в следующий приезд он мне понравится больше». Потом

я приехал еще раз, но он мне понравился еще меньше. Правда, имя этой француженки и даже немножко ее облик я использовал в одном из своих романов.

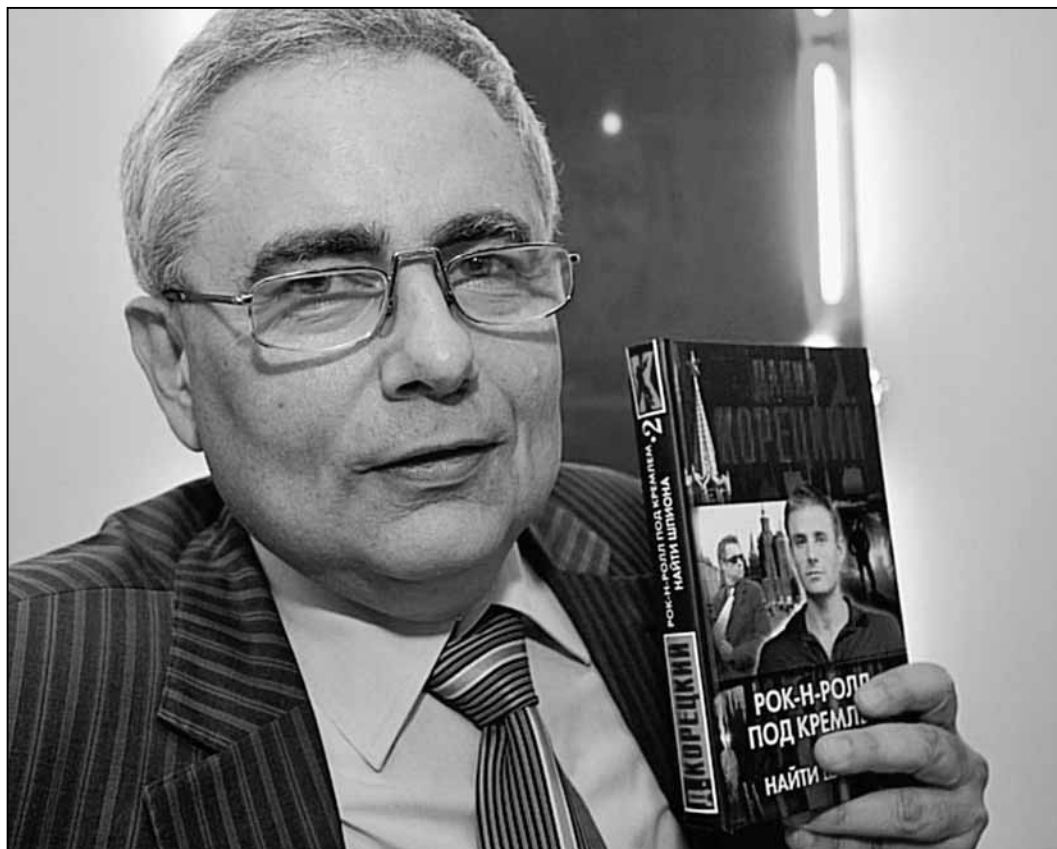
Кстати, почему-то многие считают, что я живу или в Москве, или в Европе, или в Америке? У нас, как ни странно, вообще считается, что высшая цель у человека — переехать в Москву и отдать детей учиться в МГУ. Знаменитый Дэн Браун разве переехал в Нью-Йорк? Нет! Так и живет в своем маленьком Нью-Гэмпшире. И таких примеров — много.

— Не совсем с вами согласен. В большом городе больше возможностей...

— Да, но это те возможности, без которых можно обойтись. Хотя... Недавно позвонили, пригласили попробоваться ведущим в новую телевизионную программу. Но узнали, что я не москвич, — и вопрос отпал. Жаль немножко... Ну, что ж делать! Москва все-таки суетной город. Я написал в одной книге, что люблю в Москву приезжать, и через четыре-пять-шесть дней люблю из Москвы уезжать. Здесь, в Ростове, я чувствую себя как рыба в воде.

— Вы много путешествуете по миру?

— В основном, по Европе. И многие мои книги базируются на впечатлениях от конкретных поездок. Например, повести «Русская зима в Вене», «Бехеровка на аперитив», «Жаркое рождество в Дубае» по-

явились в результате вот таких путешествий, только, в отличие от меня, герой этих книг не отдыхает, а совершает невероятные подвиги. Иной раз сам думаю: если бы в тихом городке Карловы Вары в реальности произошло то, что я описываю, у всех волосы бы на голове зашевелились.

— Какой вид отдыха вы больше всего предпочитаете?

— На море мы с семьей практически не ездим. Германия, Австрия, Чехия... Горы, озера, термальные курорты. Тиры! Я обязательно хожу в тиры везде, где бываю, очень люблю стрелять.

— Так вы — охотник?

— Скорее, ганфайтер — стрелок-любитель. Теоретически и охотник. Я охотился, когда мне было 18–19 лет. «Подстрелил» несколько фуражек и очень много пустых бутылок, кстати, не нами выпитых. Есть охотничий билет, разрешение, коллекция ружей, но нет желания.

— В жизни оружие применять приходилось?

— Нет, Бог миловал, тем более и служба была другая. И надеюсь, что не придется. Это ведь не такое веселое дело, как в фильмах показывают. Пожалуй, теперь и коллекция моя оружейная будет уменьшаться, потому что былой интерес пропал.

— Пора собирать картины, антиквариат...

— Собирать антиквариат, наверное, было бы интересно. Но это другие деньги! Писатель, даже с 20-миллионным тиражом, антиквариат не может себе позволить... Да и нет знаний необходимых.

— А что может себе позволить писатель Данил Корецкий?

— Могу себе позволить достойную жизнь. Ходить в рестораны, покупать все, что хочется, хорошо одеваться, путешествовать. То есть нормально жить! Потом, у меня семья — восемь человек. Мама, слава Богу, жива — ей нужен уход. Очень важно, что могу помогать всем своим близким.

— Летом вы с женой, Анной Вячеславовной, отметили сапфировую свадьбу — сорок пять лет как женаты. Ваше знакомство — захватывающий сюжет для романа?

— Чтобы сюжет захватывал, надо, чтобы там обязательно были какие-то трагические события — несостоявшаяся любовь, крушение надежд, конфликтная ситуация, коллизия... А если у героев все нормально, то никакой роман не получится. Слава Богу, у нас все было нормально. Анна — радиофизик по образованию... Мы три года встречались, потом, еще будучи студентами, поженились. И вот с тех пор столько лет прожили, сына родили и вырастили. Он сейчас солидный человек, у него трое детей.

— Получается, вы — однолюб? Для творческого человека — это почти нонсенс.

— Есть такая присказка. «Он был однолюбом. У него была пятая жена и все — Любы». Но у меня одна жена — Анна.

— Давайте немного помечтаем: преступность на планете победили, и писатель Корецкий остался без работы. Чем бы вы занимались — перешли бы на любовные романы?

— Думаете, подошел подходящий возраст? Нет. Так бы и преподавал, наверное, и писал так же. Ведь за много лет сложился определенный жизненный стереотип, ломать его трудно, да и не нужно.

— А как вам такой сюжет для романа? Россия победила коррупцию и стала самой процветающей страной, где люди живут долго, счастливо, а капиталисты от зависти давятся слюной...

— Это не для меня сюжет. И не для моих читателей. Можно, конечно, написать книжонку, которая разоидется тиражом в три тысячи экземпляров. Но есть классический труд на эту тему — «Город Солнца» Томмазо Кампанелла. Правда, есть и фантастический рассказ, в котором описано, что было бы, если бы такой город существовал. Там все сошли с ума! □

Беседовал **Андрей Киселев**

ЛЕГЕНДА

В русской истории, богатой еще не раскрытыми тайнами, есть легенда «о старце Федоре Кузьмиче», которая касается обстоятельств смерти императора Александра I. Это — многочисленные слухи и рассказы о том, что он не умер в Таганроге,

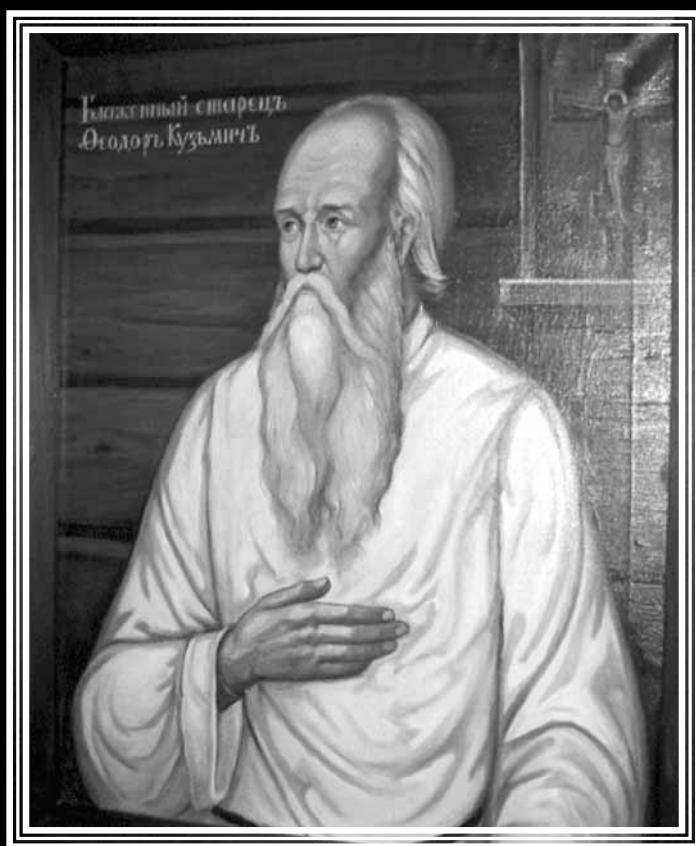

Корни этой легенды уходят... в самое начало жизни Александра. Еще совсем молодым он заявил своему воспитателю Лагарпу, что больше всего на свете хотел бы тихо жить рядом с ним в Швейцарии и не думать ни о каком престоле в будущем.

Заметьте, все-таки, в Швейцарии, а не за Уралом, о котором он вообще мало знал. Если знал вообще.

Девятнадцатилетний Александр в письме к другу юности В.П. Кочубею писал:

О СТАРЦЕ

а выздоровел, приказал положить в гроб вместо себя другого человека, а сам отправился в неизвестные края, и через несколько лет появился в Пермской губернии сначала под видом бродяги, не помнящего родства, позже — под именем старца Федора Кузьмича.

«Я знаю, что не рожден для того высокого сана, который ношу теперь, и еще менее для предназначенного мне в будущем, от которого я дал себе клятву отказаться тем или другим способом... Я обсудил этот предмет со всех сторон. Мой план состоит в том,

чтобы по отречении от этого трудного поприща (я не могу еще положительно назначить срок сего отречения) поселиться с женой на берегах Рейна, где буду жить спокойно частным человеком, полагая мое счастье в обществе друзей и изучении природы».

Это не было блажью молодого человека, хотя первоначально именно так было воспринято окружающими высказанное вслух пожелание Александра уехать от двора как можно дальше, хоть в Америку. Когда императрица Екатерина пожелала возвести на престол внука, минуя собственного сына — Павла Петровича, великий князь Александр немедленно довел это намерение до сведения своего отца, доказав тем самым искренность своего отказа.

Более того, много позже, в 1814 году, находясь за границей, уже император Александр Павлович заявил прилюдно о невозможности править страной, если на это нет сил. Еще через несколько лет, в 1819 году, после маневров в Красном Селе, император озвучил намерение передать трон брату Николаю, чем поверг того в настоящую оторопь.

О своем желании оставить трон Александр говорил также брату Константину и зятю, Вильгельму Оранскому, весной 1825 года. Но есть и письменное свидетельство, на которое мало кто обращал внимание, поскольку оно появилось уже в 1826 году.

Речь идет о дневниковой записи жены Николая I — императрицы Александры Федоровны. 15 августа 1826 года, августейшая чета находилась в Москве по случаю коронации и восшествия на престол, новопомазанная императрица записала в тот самый торжественный день:

«Наверно, при виде народа я буду думать и о том, как покойный император, говоря нам однажды о своем отречении, сказал: "Как я буду радоваться, когда увижу вас проезжающими мимо меня, и я, потерянный в толпе, буду кричать вам «Ура!»"»

Десятки историков вот уже полтора века пытаются ответить на вопрос: умер Александр в Таганроге в 1825 году или же 20 января 1864 года в Томске совсем под другим именем. Но дневниковая запись императрицы Александры Федоровны недвусмысленно подтверждает намерение Александра, уйдя от власти при жизни, спрятаться среди пятидесяти миллионов своих прежних подданных и со стороны наблюдать за ходом событий.

(Вот только из тех мест, куда якобы забрался бывший император, наблюдать за ходом событий в России было, мягко говоря, сложно).

Но, вообще-то, вполне правдоподобно. Тем более что сторонники правдивости версии об идентичности Александра и Федора Кузьмича подвергают сомнению официальную версию о смерти императора в Таганроге, выдвигая идею, что вместо Александра в гроб был положен другой человек.

Правда, неоспоримых доказательств у них нет, поэтому выдвигаются сразу три персонажа, положенных в гроб вместо императора:

1) Фельдъегерь Масков, умерший накануне, 19-го, после чего и был положен в постель выздоровевше-

го Александра и выдан за якобы умершего императора.

2) Забитый шпицрутенами солдат, похожий на Александра (такой точки зрения придерживался Л.Н. Толстой в незавершенной повести «Посмертные записки старца Федора Кузьмича»).

3) Скончавшийся от болезни солдат из Таганрогского гарнизона.

В то, что все трое были похожи внешне на императора Александра, как-то верится с трудом, а просто

для подтверждения того, что Александр не умер 19 ноября 1825 года, а оставался жить дальше.

В отличие от первого лейб-медика Василия Яковлевича Вилье, опытного врача и не менее опытного царедворца, Дмитрий Клементьевич Тарасов вторым достоинством не обладал. Он был сыном бедного священника, и только случай сделал его царским лейб-хирургом. Но так случилось, что именно Тарасов находился у постели Александра пять

Десятки историков вот уже полтора века пытаются ответить на вопрос: умер Александр I в Таганроге в 1825 году или же в 1864-м в Томске совсем под другим именем. Но дневниковая запись императрицы Александры Федоровны недвусмысленно подтверждает намерение Александра, уйдя от власти при жизни, спрятаться среди пятидесяти миллионов своих прежних поданных и со стороны наблюдать за ходом событий

положить в гроб какого-то покойника — нелепо, подмена сразу же открылась бы. Но все-таки заметьте — в крохотном городке нашлось сразу три(!) человека, похожих на императора.

Самым надежным источником сторонники этой точки зрения считают не распространившиеся слухи, в которых фигурировали все эти версии, а воспоминания и рассказы доктора Тарасова, поведение и позиция которого давали основания

последних суток — с 14 по 19 ноября 1825 года.

В своих воспоминаниях он резко расходится со всеми другими очевидцами смерти Александра, утверждая, что еще за час до кончины император был в сознании, спокойным и умиротворенным. И больше ничего Тарасов вспоминать не хочет: ни последнего вздоха, ни последних слов, ни-че-го. Это убеждает сторонников «версии старца» куда сильнее, чем подробное описание царской аго-

нии, сделанное впоследствии теми, кто у одра умирающего также присутствовал.

Дальше — больше. Когда врачи, вскрывавшие тело Александра, подписали об этом свидетельствующий акт, то Тарасов его не подписал, а подпись его была подделана. Сомнительно, поскольку не того полета птица был Тарасов, чтобы отказываться подписывать официальный документ. Он обязан был это сделать — и наверняка сделал, хотя потом подпись была объявлена поддельной.

А когда князь Волконский попросил Тарасова бальзамировать тело, он отказался, мотивируя свое несогласие тем, что всегда испытывал к государю «сыновнее чувство и благоговение». Опять же странно: лейб-медик не мог не выполнить приказание вышестоящего лица.

А затем Тарасов сопровождал гроб Александра из Таганрога в Петербург, после чего остался служить придворным врачом. Но так и не проронил ни слова о последнем часе императора Александра. Ни устно, ни письменно.

Воспоминания оставил его племянник — воспитанник Петербургского Императорского училища правоведения, ставший затем профессором Московского университета. В бытность Тарасова в Царском Селе племянник иногда навещал его. А, уже ставши профессором, Иван Трофимович Тарасов оставил воспоминания о том, что его дядя, касаясь Александра I, всегда говорил:

«*Это был святой человек*» или «*Это был человек святой жизни*».

Так все-таки был? О живых так обычно не отзываются.

Доктор Тарасов охотно рассказывал об Александре, но никогда ни слова не произнес о его кончине, а как только распространилась весть о старце Федоре Кузьмиче, то он и здесь всячески избегал каких бы то ни было разговоров.

Вот это как раз понятно. Сказать ему по этому поводу было, скорее всего, нечего. А загадочное молчание всегда производит большее впечатление, чем самый красноречивый рассказ.

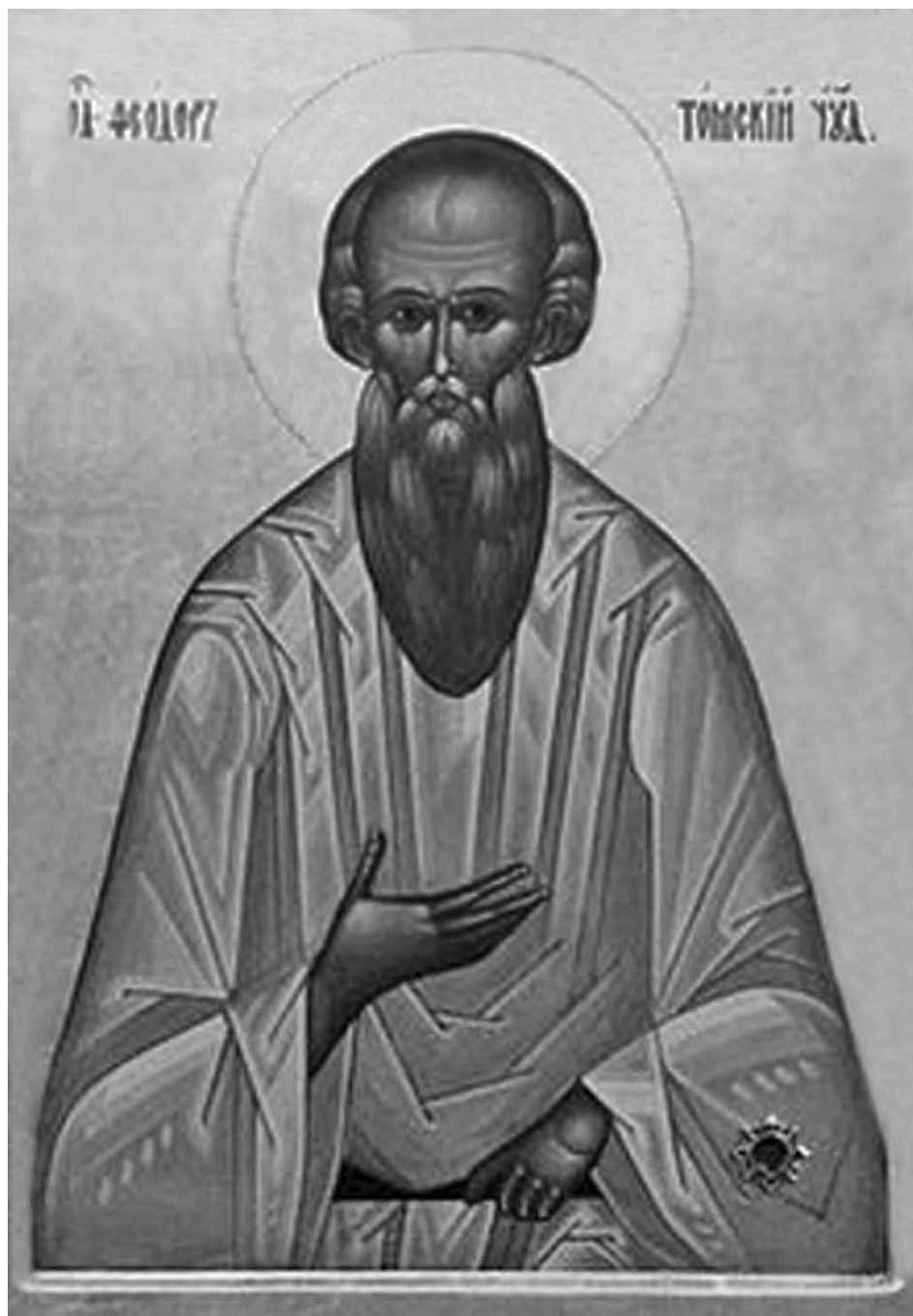
Однажды мать профессора И.Т. Тарасова сказала в присутствии тогда уже пожилого Дмитрия Клементьевича:

— Отчего же император Александр Павлович не мог принять образа Федора Кузьмича? Всяко бывает, судьбы Божии неисповедимы.

Доктор Тарасов страшно взволновался, как будто эти слова заделли его за больное.

И еще на одно обстоятельство, касающееся доктора Д.К. Тарасова, обращают внимание сторонники этой версии: он был богат, имел и большой капитал, и собственные дома, которых не смог бы нажить самой блестящей медицинской практикой.

Помимо загадочного молчания Тарасова существуют записи других свидетелей. Два медика государя — Вилье и Штоффреген — зафиксировали утром 12 ноября острый при-

*Икона старца
Федора
Кузьмича*

ступ лихорадки, которая мучила (в легкой форме) их пациента уже дней десять. На следующий день жар уже не спадал, лихорадка стала постоянной, Александра мучила жажда, он почти непрерывно требовал то лимонада, то вишневого сока.

14 ноября государь попытался встать с постели и приказал подать

бриться, но из-за сильной слабости рука его так дрожала, что он сильно порезал щеку, а затем упал в обморок. Больше император не делал попыток встать.

«Все идет дурно, — писал Вилье, — хотя у него нет еще бреда. Мне хотелось дать лекарство, но по обыкновению отказано: "ступайте прочь".

Я плакал; заметив мои слезы, Государь сказал мне: «Подойдите, любезный друг, надеюсь, что вы на меня за это не сердитесь. У меня свои причины так действовать».

Довод в пользу сторонников версии о том, что Александр не собирался умирать? Да. Тогда что же, сильный жар, слабость, обморок — это талантливая симуляция? Вряд ли император мог так натуралистически сыграть тяжелую болезнь. Актер он был никакой. Просто — терпеть не мог принимать лекарства.

«В девять часов вечера больной позвал к себе лейб-хирурга Тарасова, — продолжает Вилье, — и, когда тот явился, государь ему сказал: вот, любезный Тарасов, как я заболел; останься при мне, Якову Васильевичу одному трудно, он устает; и ему по временам нужно успокоиться, посмотри мой пульс».

При входе к государю доктор Тарасов был поражен видом государя, вид этот означал решительный и роковой приговор. Вилье и Волконский решились объявить государыне о роковом исходе и, во всяком случае, склонить государя к принятию святых тайн.

Императрица уговорила супруга причаститься, хотя он согласился не сразу. Сначала Елизавета Алексеевна убеждала его принимать аккуратнее лекарства, а затем добавила:

— Я хочу предложить тебе лекарство, которое всем приносит пользу. Я более всех знаю, что ты великий христианин и строго соблюда-

ешь все правила нашей православной церкви, советую тебе прибегнуть к врачеванию духовному, оно дает благоприятный оборот в тяжелых наших недугах.

— Кто тебе сказал, что я в таком положении, что уже необходимо для меня это лекарство? — спросил государь.

— Твой лейб-медик Вилье.

Тут же позвали Вилье.

— Я очень плох? — обратился к нему Александр.

Тот залился слезами.

Император пожал его руку и повернулся к государыне:

— Благодарю тебя, друг мой; прикажите, я готов.

Тотчас был приглашен местный соборный протоиерей отец Алексей Федотов. Все присутствовавшие вышли. Исповедь и причащение продолжались час с четвертью. По окончании причащения отец Алексей сказал:

— Государь, вы исполнили долг христианина, надобно исполнить долг императора.

— Что это значит? — удивился Александр.

— Жизнь ваша принадлежит государству, от нее зависит счастье миллионов людей, вверенных вам Богом, а вы ею пренебрегаете, не хотите принимать лекарства.

Но лекарства уже помочь не могли. Ему ставили пиявки, прикладывали горчичники и холодные примочки, но все-таки ночь на 16 ноября выдалась тяжелой и беспокойной. Следующая была немного спо-

койнее, жар спал, пульс стал не такой учащенный.

Между тем день начинался роскошным солнечным утром. Животворные лучи осеннего солнца падали прямо в кабинет больного, который попросил поднять шторы. Александр Павлович всегда любил солнце и любовался им.

— Какой прекрасный день и как благотворны лучи солнца, — сказал он.

Присутствующие уже надеялись на счастливый перелом болезни, но, к сожалению, они ошибались. Улучшение длилось недолго, к вечеру припадки болезни ожесточились, и признаки угнетенного состояния мозга были очевидны. Ночь под 18 ноября больной провел в забытьи. Иногда открывал глаза и, устремляя их на Распятие, крестился и молился.

Кабинет государя был опечатан, двор находился в тревоге и волнении; к цесаревичу Константину Павловичу уже были отправлены два фельдъегеря и снаряжали третьего. Елизавета Алексеевна не отходила от больного, держала его руку и все время плакала.

Наступило утро 19 ноября, хмурое, сырое, ветреное. Вся площадь перед дворцом была запружена народом, который, после ежедневно совершаемых молитв о здравии царя, приходил узнать о состоянии здоровья своего дорогого гостя и царя.

А больной все слабел, он часто открывал глаза и устремлял их то на Распятие, то на императрицу, но ли-

цо его было спокойно и без страдания. При благоговейной тишине у одра умирающего слышны были сдержанные рыдания, но ему уже все было чуждо, мирно и спокойно испустил он свой последний вздох в 10 часов и 47 минут утра.

Императрица опустилась на колени и молилась, потом поцеловала усопшего, перекрестила его, закрыла его веки, своим платком подвязала ему подбородок, еще раз поцеловала его, отерла слезы и вышла. Когда Волконский хотел последовать за ней, она его остановила, сказав, что его присутствие нужно здесь.

У смертного одра государя присутствовали следующие лица: императрица, князь Волконский, Дибич, Чернышев, Лонгинов, Вилье, Штоффреген, Тарасов и Рейнгольд. Этот скорбный момент точно передан на известной и в настоящее время гравюре художником князя Волконского.

Достаточно убедительная картина смерти тяжело больного человека, при которой присутствовало почти десять человек. Почему решили, что возле умирающего государя был один только Тарасов — неизвестно...

А теперь перейдем к житию старца Федора Кузьмича.

Ранней осенью 1836 года (то есть одиннадцать лет спустя после кончины императора Александра I) к одной из кузниц, расположенных на окраине города Красноуфимска

Александр I

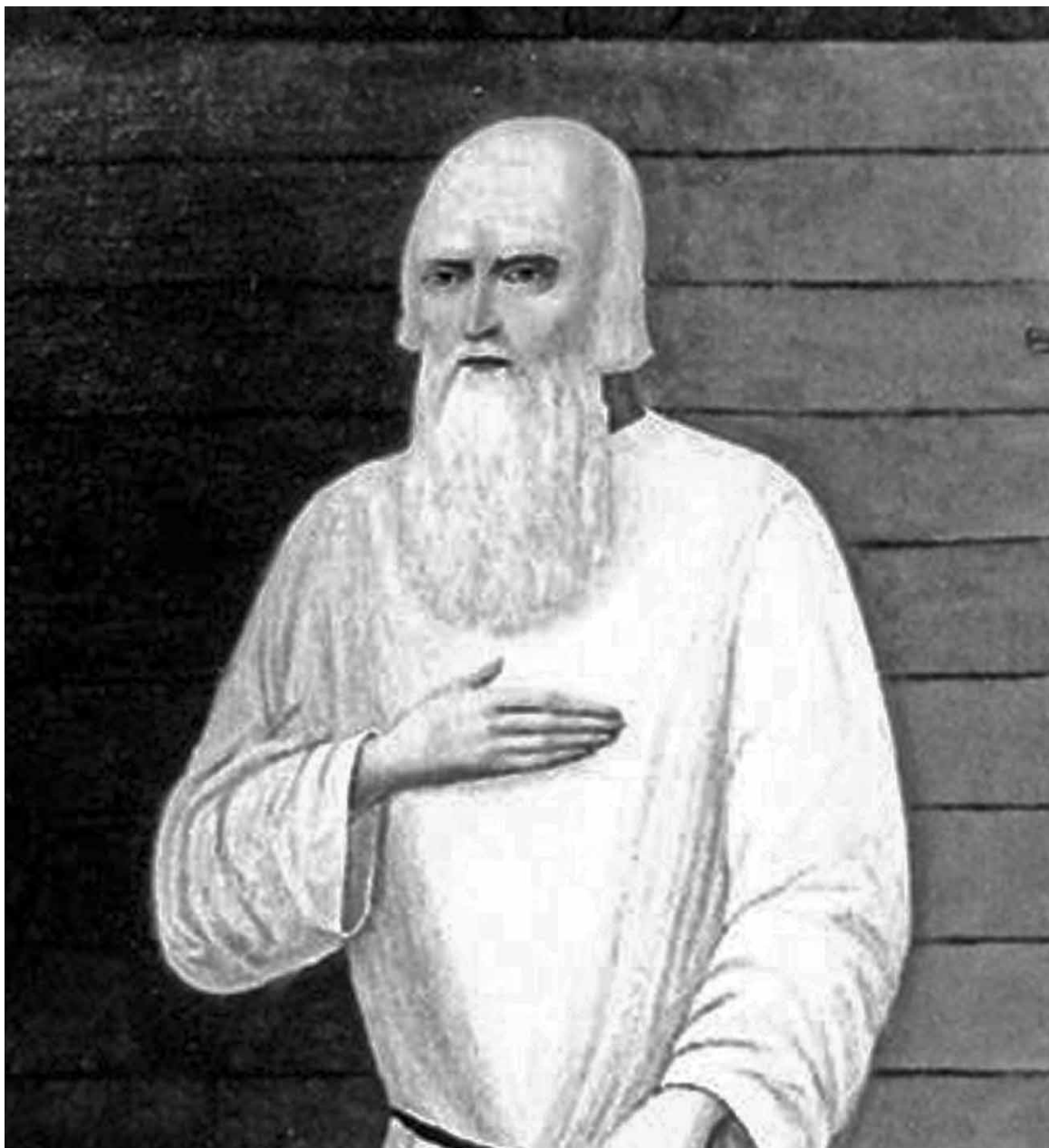
Справа:
*старец
Федор
Кузьмич*

Пермской губернии, подъехал высокий старик-крестьянин с длинной окладистой бородой. Кузнец обратил внимание, что лошадь под стариком была хорошей породы, а его внешность и манера речи крестьянскими отнюдь не были. Кузнец начал расспрашивать старика, где он купил такую лошадь, откуда едет, но старик отвечал так неохотно и неопределенно, что кузнец ре-

шил задержать его и отвести в полицию.

Старик при этом ни малейшего сопротивления не оказал.

На допросе он назвался крестьянином Федором Кузьмичом и объявил, что он — бродяга, не помнящий родства. (Кстати, одно исключает другое — либо крестьянин Федор Кузьмич, либо бродяга, родства не помнящий.)

Дальше начинается почти приключенческий роман. Старика посадили в тюрьму, затем высекли плетьюми и сослали в Сибирь. И все это — без суда и следствия, исключительно по прихоти полицейских. 26 марта 1837 года Федор Кузьмич был доставлен 643-й партией каторжан в село Зерцалы и определен в работу на каторжный Красно-реченский винокуренный завод.

Он отличался от других каторжан незлобивостью, смирением, грамотностью и слыл за человека праведной жизни.

Стоит заметить, что при всей жестокости царского режима такое развитие сюжета было просто невозможно — нужно украсть или убить, чтобы попасть на каторгу. Бродяг — да, секли кнутом для острастки и настойчиво рекомендо-

вали сменить образ жизни. Но чтобы схватили прилично одетого, явно не бедного человека только за то, что у него лошадь слишком хороша, — это уже чересчур!

А вот теперь начинается самое интересное.

В 1842 году казак соседней с селом Краснореченским Белоярской станицы С.Н. Сидоров уговорил старца переселиться к нему и построил для него избушку-келью.

Старец согласился, и некоторое время спокойно жил в Белоярской.

тые прииски и проработал там простым рабочим несколько лет. Позже он стал жить у богатого и набожного крестьянина И.Г. Латышева, который построил для Федора Кузьмича возле своей пасеки маленькую избушку. В ней были топчан с деревянным брусом вместо подушки, маленький столик и три скамейки. В переднем углу висели иконы Христа, Богородицы и маленький образок Александра Невского.

Уместно будет заметить и еще одну любопытную подробность: осо-

---

Старец спокойно жил в Белоярской, пока однажды в гостях у его хозяина Сидорова не оказался казак Березин, долго служивший в Петербурге, и не опознал в Федоре Кузьмиче императора Александра I. Вслед за ним опознал его и отец Иоанн Александровский, бывший полковой священник. Он сказал, что много раз видел императора и ошибиться не мог

Однажды в гостях у Сидорова оказался казак Березин, долго служивший в Петербурге, и он опознал в Федоре Кузьмиче императора Александра I. Вслед за тем опознал его и отец Иоанн Александровский, служивший ранее в Петербурге полковым священником. Он сказал, что много раз видел императора Александра и ошибиться не мог.

После этих встреч старец решил скрыться в Зерцалах, а оттуда переехал в енисейскую тайгу на золо-

бенно торжественным для себя днем Федор Кузьмич почитал день святого Александра Невского и отмечал его так, как если бы это был день его именин.

Во время жизни Федора Кузьмича в Краснореченске его однажды посетил иркутский епископ Афанасий и на удивление многих долго говорил с ним по-французски, когда же уходил, то выразил Федору Кузьмичу знаки особого уважения.

Потом епископ рассказывал, что старец сообщил ему о благословении на подвиг к такой жизни московского митрополита Филарета.

В это же время еще один человек признал в Федоре Кузьмиче императора Александра. На сей раз это был один из дворцовых пetersбургских истопников. Он был сослан в соседнюю деревню, заболел и попросил, чтобы его привели к старцу, излечивавшему многих недужных. Его товарищ по ссылке, тоже бывший придворный истопник, привел больного к старцу. Когда больной услышал знакомый голос императора, то упал без чувств. И хотя старец попросил не говорить о том, что он узнал его, молва об этом вскоре широко разнеслась по окрестностям.

После этого фантастического случая десятки людей потянулись... за исцелением к Федору Кузьмичу со всех сторон...

Он снова решил перебраться в другое место и поселился возле деревни Коробейниково. Но и здесь его не оставляли в покое. Местный люд не раз замечал возле избышки старца знатных господ, дам и офицеров, приезжавших к старцу за советом или исцелением.

Прожил Федор Кузьмич возле деревни Коробейниково три года, а потом снова вернулся в Краснореченское. Латышев на этот раз построил ему еще одну новую избышку, в стороне от дороги, на самой горе, у обрыва.

В 1858 году богатый золотопромышленник С. Ф. Хромов уговорил Федора Кузьмича переехать к нему в Томск. В доме Хромова Федор Кузьмич прожил шесть лет.

Когда великий князь Николай Михайлович, внук Николая I, задумал писать двухтомный труд об Александре I, включив туда сюжет и о старце Федоре Кузьмиче, он прислал в Томск своего доверенного Н.А. Лашкова. И хотя в этом труде — «Император Александр I. Опыт исторического исследования» — автор отверг идентичность Федора Кузьмича Александру I, он все же добросовестно отнесся к сбору материала и к его проверке.

Известный томский краевед И.Г. Чистяков, близко знавший Федора Кузьмича, писал, что тот хорошо владел иностранными языками и был в курсе всех современных политических событий:

«Рассказывая крестьянам или своим посетителям о военных походах, особенно о событиях 1812 года, он как бы перерождался: глаза его начинали гореть ярким блеском, и он весь оживал... Например, рассказывал он о том, что, когда Александр I в 1814 году въезжал в Париж, под ноги его лошадей постилали шелковые платки и материи, а дамы бросали на дорогу цветы и букеты; что Александру это было очень приятно; во время этого въезда граф Меттерних ехал справа от Александра и имел под собой на седле подушку».

*Старец
Федор Кузьмич
на смертном
одре*

В конце 1863 года силы стали покидать старца, которому, по его словам, шел уже 87-й год. (Вспомним, что Александр родился в 1777 году — и здесь возраст и того, и другого совпадает.)

19 января 1864 года С. Ф. Хромов зашел в избушку к Федору Кузьмичу и, помолившись, сказал, встав перед больным на колени:

— Благослови меня, батюшка, спросить тебя об одном важном деле.

— Говори, Бог тебя благословит.

— Есть молва, что ты, батюшка, не кто иной, как Александр Благословенный. Правда ли это?

— Чудны дела твои, Господи. Нет тайны, которая бы не открылась, — ответил Федор Кузьмич и замолк.

Скончался Федор Кузьмич в своей избушке 20 января 1864 года. Его похоронили на кладбище томского Алексеевского мужского монастыря. На кресте была выбита надпись: «Здесь погребено тело Великого Благословенного старца Федора Кузьмича, скончавшегося 20 января 1864 года».

Обращает на себя внимание еще одна деталь: появление Мол-

чальницы Веры в Сырковском монастыре совпадает по времени с первым упоминанием о Федоре Кузьмиче. Разумеется, тут же разнеслась молва, что это — императрица Елизавета Алексеевна, которая тоже инсценировала собственную смерть, а затем ушла в монастырь.

Ей-то это зачем понадобилось? Спокойно могла уехать на родину и доживать там свой век в привычных условиях. Не так уж набожна была бывшая баденская принцесса, чтобы совершать подвиги во имя святой веры.

«Бросается в глаза, что с сентября 1825 до мая 1826 года все события вокруг Александра I и Елизаветы Алексеевны происходили при минимальном количестве участников и вдали от двора. И то, что Александра привезли к месту погребения через четыре месяца, — тоже не случайно. По-видимому, не случайно и то, что гроб с телом императрицы был накрепко запаян», — написал один из сторонников версии об идентичности императора и старца.

Разумеется, ничто не происходит случайно, для всего есть какие-то причины. Расследовать эти причины никто не торопился и не торопится, всех устраивает красивая легенда о Федоре Кузьмиче. В которой, кстати, нестыковок больше, чем правдивости. Да и оставшихся без ответа вопросов — не меньше.

Где был Александр одиннадцать лет после своей кончины (подлин-

ной или мнимой) в Таганроге? Если это — просто очень похожий на императора человек из высшего общества, то все выглядит более или менее логично: устал от светской жизни, получил благословение митрополита на отшельничество, уехал в Сибирь.

Если же это — сам император, то где они с супругой обретались эти одиннадцать лет? Уж не на берегах ли Рейна, куда оба так стремились? А потом решили резко изменить свою судьбу: супруг ушел странствовать, супруга отправилась в монастырь. Возможно? Вполне. Только...

Только зачем такие сложности, если можно было просто отречься от опостылевшего престола, передать корону младшему брату и жить, как частное лицо, где угодно? Тем более, что отношения с императрицей в последние годы их совместной жизни совершенно наладились, они вновь стали близкими друзьями, как в юности, и много времени проводили вместе.

Зачем? — вот вопрос, который до сих пор не дает покоя историкам.

А был старец императором или не был — уже не столь интересно. Тем более что никто из Романовых за триста лет существования династии не дожил даже до семидесяти лет, а Федор Кузьмич дотянул почти до девяноста. Гены таких фокусов обычно не выкидывают.

Так что загадка императора Александра и сибирского старца еще ждет своего разрешения. □

Эта высокая блондинка с модельной внешностью так стремительно взлетела на Олимп нашего кинематографа, аж дух захватывает! Уже дебют в картине Станислава Говорухина «Благословите женщину» принес Светлане Ходченковой «Нику» за главную женскую роль. А дальше все шло по нарастающей. Она блеснула в роли шпионки в британском детективном триллере «Шпион, выйди вон!» и шумно-скандальном проекте «Краткий курс семейной жизни» Валерии Гай Германики. Следом — мировая премьера голливудского боевика «Росомаха: Бессмертный», где она сыграла главную злодейку... Талантливая, нетипичная и очень-очень упорная.

ХС Светлана Ходченкова!

— Светлана, ваша актерская история во многом уже известна: учились в Щукинском театральном неординарная студентка, налегала между занятиями на любимые пышки с пончиками, пахала на занятиях, и тут Станислав Сергеевич Говорухин,

проявив невероятный профессиональный нюх, снял вас в своей новой картине. И это перевернуло вашу жизнь. Все было так?

— Приблизительно так, но человека никогда не меняет один случай, он просто может стать последней каплей.

— То есть?

— Мне кажется, я подсознательно всегда двигалась к своей цели, и именно это привело к успеху. Жизнь у артиста складывается из целого ряда случайностей. Спасибо моей маме, которая мне ничего не запрещала, во всем только поощряла. Благодаря ей я прошла через модельные школы, баскетбол, танцы, балет, фигурное катание, занятия — иногда через «не могу», буквально из-под палки — английским... Все это мне очень помогло в дальнейшем. А потом я оказалась в нужное время в нужном месте и не отказалась от предоставленной Стани-

знанию, именно благодаря вашим аппетитным формам Говорухин вас утвердил...

— Что было, то было... Вообще-то я от природы не склонна к полноте, но за время учебы я на нервной почве набрала лишний вес — так переживала, что отчислят из Щукинского училища. Зато мои лишние килограммы понравились режиссеру. Более того, Станислав Сергеевич строго следил, чтобы за время съемок я не скинула ни одного лишнего грамма. Откармливал бутербродами, шоколадками и восхищался моими женственными формами.

— В вашей жизни был период, когда вы готовы были сниматься хоть бесплатно, лишь бы работать?

— Нет, никогда такого не было. Если я работаю, то только потому, что мне это интересно, и я верю в потенциал проекта.

«Мой счастливый билет еще впереди»

славом Сергеевичем возможности проявить себя.

— Но пышки с пончиками были? Ведь, по собственному при-

— Вы строите свою карьеру, скрупулезно, как математик, просчитывая шаг за шагом, или вы как корабль — в свобод-

К/ф «Росомаха». Светлана Ходченкова и Хью Джекман

ном и немножко авантюрном плавании?

— Безусловно, в авантюрном. Потому что только после того, как фильм снят, можно математически оценить — стоило ли в нем участвовать, потому что даже если сценарий высшего уровня, и режиссер прекрасный — всегда что-то может пойти не так. Кино — слишком коллективная работа, чтобы все можно было спрогнозировать.

— В вашей коллекции — Гран-при за «Лучшую женскую роль», вы дважды признавались «Актрисой года». И вообще за 10 лет из юной артистки преврати-

лись в настоящую звезду, популярную и востребованную. Что было самое сложное на этом пути?

— Самое сложное — это съемки в «Росомахе». Я три месяца не видела своих близких, не могла никуда уехать и находилась на другом конце земного шара — в Австралии

и Японии. Для меня это было тяжелым испытанием.

— Зато вашим партнером была мировая знаменитость — Хью Джекман. Как вам этот голливудский опыт? Что больше всего показалось необычным?

— Меня удивило одинаковое ко всем отношение: к Хью Джекману, звезде мировой величины, и ко мне — девочке из России. И вообще, атмосфера на съемках была отличная: никто не мешал, можно было сосредоточиться и думать только о роли. Все очень профессионально. А Хью — супер! Дружелюбный и гостеприимный, абсолютно простой и адекватный чело-

век, он очень здорово меня поддерживал.

— У вас за плечами три зарубежных фильма. Как думаете, почему западные режиссеры приглашают вас в свои ленты?

— Они хотят видеть настоящую русскую женщину, героиню Достоевского, Толстого, Чехова, одержимую любовью и страстями, которая, если любит или ненавидит, то всей душой.

— Теперь многие считают, что предел ваших мечтаний — «бросить якорь» в Лос-Анджелесе...

— Нет, я не собираюсь переезжать в Голливуд. Я хочу работать с интересными людьми и делать за-

поминающиеся образы. Если это произойдет в США или в Европе — прекрасно, если в России — еще лучше. Я убедилась: если им человек нужен, они найдут, позовут, утвердят... Мне очень нравится то, что у меня есть сейчас — российские проекты, и этого вполне достаточно. И вообще, я пытаюсь из

всего получить максимум пользы для себя — от съемок, от отдыха, от встреч с близкими мне людьми.

— Узнаваемость на улице добавила проблем в вашу жизнь?

— Не особо. Просто иногда тяжело летать в самолете, и в кафе спокойно не посидишь. Но не могу сказать, что я от этого страдаю. В свою личную жизнь стараюсь никого не пускать — это мой принцип.

— За 10 лет вы снялись примерно в 50 фильмах. Какие вам особо дороги и почему?

— Наверное, это «Благословите женщину», потому что с этой картины все и началось. После — «Шпион, выйди вон!» Не только потому, что с него началась моя настоящая карьера за рубежом, это вообще один из лучших фильмов, в котором мне довелось участвовать. Вот если бы вы меня спросили, было ли в моей жизни предложение, получив которое я прыгала до потолка в прямом и переносном смысле — это как раз роль в «Шпионе», потому что это было очень неожиданно для меня... Обязательно среди любимых — «Краткий курс семейной жизни», потому что к тому времени мне невероятно наскучили образы хороших девушек, а с помощью этой картины мне удалось сломать стереотип актрисы, играющей исключительно положительных героинь. Ну, и «Росомаха», наверное...

*К/ф «Василиса».
Роль Василисы
Кожиной*

— В выборе ролей, режиссеров вы часто ошибались? Это же всегда игра втемную!

— Ошибалась, и не раз, но у нас работа такая — ты соглашаешься на роль, только прочитав сценарий и немного пообщавшись с режиссером, этого вполне достаточно, чтобы ошибиться, когда подходит время съемок.

— Свои критерии жесткие есть — вот это буду играть, это нет?

— Знаете, я в начале карьеры делала много заявлений в духе «это делать не буду», «в таком виде на экран не появлюсь». В итоге делала и появлялась. И не всегда это было ре-

зультатом сделки с самой собой. Я выросла и понимала, что некоторые табу вроде съемки в обнаженном виде — проблема, не стоящая серьезного обсуждения. Если это нужно для роли, я на экране разденусь. Это всего лишь вопрос зрелости актера и умения режиссера обосновать свою позицию. Поэтому сейчас у меня жесткий критерий один: не буду играть однозначного персонажа — это не интересно.

— Вы из тех актрис, кто за классную роль «душу дьяволу продаст»?

— Нет, конечно! Ничего я продавать не собираюсь, даже за интересную роль.

К/ф «Пять невест».

— Кстати, почему, по-вашему, актрисы с хорошими внешними данными с удовольствием играют разных страшилищ и женщин с искореженной жизнью?

— Лично мне всегда интереснее отрицательная героиня, потому что все-таки девушка воспитанная, доброжелательная и приличная, а тут тебе предоставляется замечательная возможность стать совершенно другим человеком. И потом, зло иногда бывает, как ни парадоксально это звучит, очень привлекательным!

— Все чаще представляя вас на подиумах и фестивалях, фамилию «Ходченкова» сопровождают эпитеты типа «сексуальная»... Готовы стать новым секс-символом от кино? Или, скажем по-другому, для вас это звучит гордо?

— Нет, не гордо. Это ничего для меня не значит!

— Съемки в западных картинах — это действительно другой, заоблачный, художественный уровень? Или просто классная раскрутка для актера и другие деньги?

— Да, это другие деньги, да, это классная реклама, да, это немного другой уровень, наверное, потому что эти картины делаются, в первую очередь, как отменный продукт. А будет ли это искусством или не будет — решают зритель и критики. У нас проблема в том, что мы не готовы признать, что мы делаем продукт — для нас важно, чтобы это искусство присутствовало в картине априори — вот тут и начинаются проблемы.

— Для съемок в картине «Василиса Кожина» вы наняли тренера и тренировались скакать на лошади, играя конькобежку в фильме «Чемпионы», всерьез встали на коньки, не говоря уж об уроках рукопашного боя

для «Росомахи»... Где для вас предел риска? Или вы вообще ничего не боитесь?

— Боюсь, естественно. Я — страшная трусиха! Но если я понимаю, что та или иная сцена — не просто прихоть режиссера, а необ-

К/ф «Благословите женщину».

ходимость, без которой история не получится, то готова участвовать. Причем, готова на многое! Иногда мне кажется, что я не в кино снимаюсь, а зачеты по физкультуре сдаю.

— Можете сформулировать три самых главных ваших «не люблю» в жизни?

— Банальность, ложь и менторство.

— Для вас важнее личное благополучие или профессиональный успех?

— Для меня важна гармония. Профессиональный успех без личного благополучия — слишком односторонний признак успеха.

— Поэт сказал: «Красивая женщина — это профессия». Что

помогает всегда отлично выглядеть? И много ли вы уделяете сил и времени внешнему виду?

— По утрам стараюсь делать зарядку, люблю плавать. Я в постоянном движении. Моя жизнь — это вечный спорт и забег на длинную дистанцию. На секунду расслабился, и ты проиграл. А если серьезно о моем главном рецепте... Любовь! Только любовь питает женщину и делает ее привлекательной.

— Без чего не представляете своей жизни? И в каком удовольствии не смогли бы себе отказать?

— Без работы, без кино. А в удовольствии... без вкусной еды... Я стрессы снимаю всем тем, что запрещают диетологи, — мучным, сладким, шоколадом. За пельмени душу продам, причем не только свою...

— Чем любите заниматься в свободное от работы время?

— Раньше я ненавидела, когда оно у меня появлялось, я просто не знала, чем себя занять. Потом пристрастилась к чтению — я очень люблю читать. А еще люблю шопинг. Покупаю новые вещи и не могу остановиться! Я — настоящий шопоголик.

— А где вы предпочитаете отдыхать? Ведь наши туристы есть везде — покоя вам не будет...

— На Бали. Обожаю это место! Только там я могу себе позволить такое счастье, как сон до полудня,

завтрак в постель, выключенный телефон и весь день на берегу океана! Правда, долго там не выдерживаю, особенно зимой. Потому что без снега своей жизни не представляю, я — настоящий зимний человек. Обожаю большие шумные компании, чтобы было с кем пошутить, побеситься, посмеяться, покататься на лыжах, коньках или куда-то уехать с друзьями, но опять же в зиму, в снег. Люблю прогулки по морозному лесу, когда снег хрустит под ногами, приятно морозит щеки, воздух свежий. Развести костер на снегу и жарить шашлык, веселиться беззаботно — как в детстве.

— А как вы относитесь к Новому году, Деду Морозу, праздничному столу?

— К Деду Морозу — прекрасно! В него и в то, что новогодние мечты сбываются, верю до сих пор. Новый год вообще особенный праздник для меня. Все-таки я родилась 21 января, и, сколько себя помню, — это месяц радости, безумно приятных встреч, подарков. А главное — отдыха! Ведь в это время у меня съемок практически никогда не бывает.

— Так в чем, по-вашему, ваш счастливый билет? Его Величество Случай, талант, трудолюбие?

— Мой счастливый билет? Мне кажется, он ждет меня впереди! □

Беседовал **Андрей Колобаев**

Георгий Кричевский

Илья Глазунов.

*Дорога
к себе*

Трудно, пожалуй, отыскать другого нашего известного художника, который вызывал бы и при социализме, и после распада СССР такой шквал противоречивых откликов, как Илья Глазунов, — от восторженных чувств до полного неприятия. Писатель Валентин Распутин сказал, что он был «просветителем многих национально просветившихся». А либеральная интеллигенция клеймила его за воспевание канувшей в прошлое «патриархальной Руси», за «религиозный мистицизм» и проповедь «достоевщины».

Одни утверждали, что искусство Глазунова блестяще продолжает великие реалистические традиции русской живописи. Другие называли художника ярким шовинистом, одиозным «прихлебателем» вла-

Народный художник СССР, полный кавалер ордена «За заслуги перед Отечеством», действительный член Российской академии художеств и почетный член двух старейших королевских художественных академий — Мадридской и Барселонской, лауреат Государственной премии РФ, Илья Сергеевич Глазунов родился 10 июня 1930 года в Ленинграде.

Его отец, Сергей Федорович, был историком. Мать, Ольга Константиновна (в девичестве Флуг), вела свою родословную от чешской королевы Любаши, правившей в VI веке и, по преданию, выбравшей себе в мужа простого пахаря — отсюда и фамилия Флуг, то есть «плуг». С Россией судьба этой родовой ветви сомкнулась при Петре I, когда прадеда ху-

---

сти, наживающимся на заказных портретах советской правящей верхушки и европейских монархов. Он отвечал: «Меня приглашали и приглашают для написания портретов короли, президенты, главы многих государств. Раньше богатые русские и даже императоры приглашали для этого иностранцев. И я горжусь, что теперь за рубежом приглашают меня, русского художника. Официозом у нас раньше считался соцреализм. Я был против соцреализма, за что меня в течение 15 лет не принимали в Союз художников. Сегодня я опять неофициальный, ибо я — монархист. Ненавижу такую демократию, которая несет гибель моему народу».

«Меня по-прежнему возбуждает обнаженная натура», — признавался Глазунов в канун своего 85-летия. О его любвеобильности ходили легенды. Импозантный, с холеным породистым лицом, знаменитый художник и сегодня еще волнует женское воображение.

Официально он был женат один раз — на красавице Нине Виноградовой-Бенуа, которая принадлежала к старинному роду с французскими корнями, подарившему России прославленных живописцев и архитекторов. Нина являлась музой своего мужа и часто позировала ему. Она любила Глазунова до самопожертвования и родила ему двух детей. В мае 1986 года Нина Бенуа выбросилась из окна их московской квартиры на пятом этаже, предварительно надев на голову ушанку, очевидно, чтобы муж не увидел ее после смерти обезображенной... Илья Сергеевич, впрочем, до сих пор не верит, что Нина сделала это сама: не было у них в доме подобной шапки...

дожника Готлиба Флуга пригласили из Шварцвальда в Санкт-Петербург преподавать фортификацию.

Первые детские впечатления Ильи были связаны с матерью. Она открывала ему красоту родного города, водила по музеям, соборам, паркам и исподволь прививала сыну основы

дворянского воспитания. «Художником меня сделал Ленинград с его громадами стройных домов, его Дворцовая площадь, Нева, мосты, ветер... Эрмитаж — мерцание будто бы свечей, отраженное в паркете, темные прорывы картин в золоченых рамах...»

«Великий эксперимент»

Ну а страстным, до самозабвения, патриотом России, преклоняющимся перед русской историей, русской славой и русским искусством, он стал благодаря духу глазуновской семьи, где служение и преданность Отечеству было возведено в культ. Двоюродный дед ху-

дожника получил известность как иконописец, а дед по линии отца удостоился чести стать почетным гражданином Царского Села. По воспоминаниям матери художника, один из ее близких родственников был воспитателем императора Александра II, а дру-

гой — директором Петербургского кадетского корпуса.

Ленинградская блокада явилась тяжчайшим потрясением и испытанием для 12-летнего мальчика, неотступным кошмаром терзавшим затем его память. Он потерял тогда почти всех родных, видел, как крысы ползали по лицу умиравшей от голода бабушки. Та же участь постигла и маму, стонавшую перед смертью: «Илюша, Илюша...» Илюшу успели вывезти из осажденного города через Ладогу по Дороге жизни, под непрерывными бомбежками врага.

Так начиналась для впечатлительного мальчика суровая школа жизни. Осиротев, он оказался в старинной деревеньке Гребло, затерявшейся в новгородских лесах. Жил впроголодь, копал с деревенскими сверстниками картошку, работал на гумне, пас скотину.

Эти годы сформировали бойцовскую натуру будущего художника, научили его понимать националь-

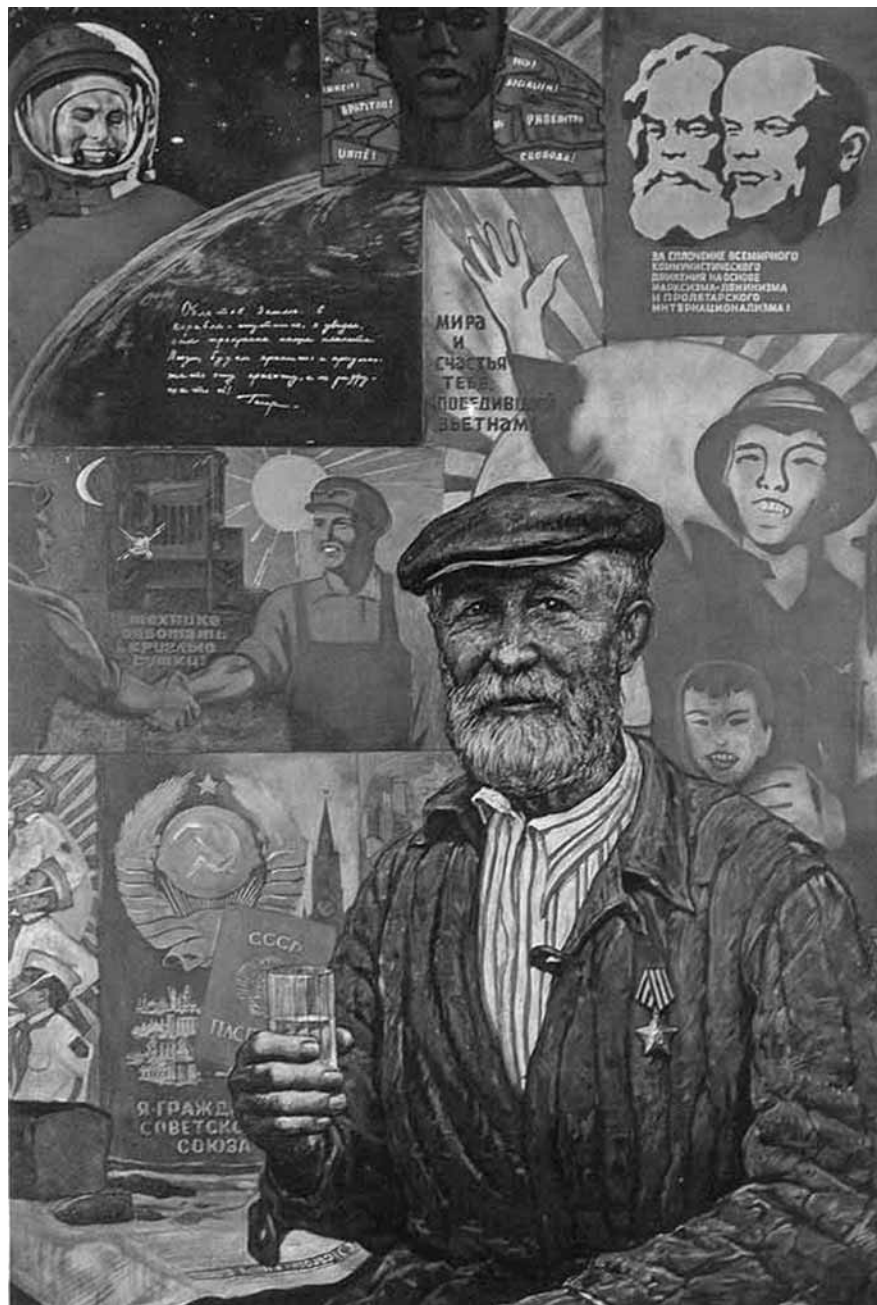
ное своеобразие народного характера, ценить неброскую красоту русского пейзажа.

«Школа жизни» продолжалась и после войны. Еще до ее окончания Илья вернулся в родной Ленинград и поступил в художественное училище при институте им. И.Е. Репина Академии художеств СССР, а потом и в этот институт. Занимался в мастерской академика Б.В. Иогансона, ведущего соцреалиста, но искал свой путь в реалистической живописи, стараясь выражать внутренний мир человека через правдивое изображение мира внешнего, следуя традициям русской национальной школы. Днем — этюды, построения композиции. А ночами — работа в котельной ради пропитания...

Он был дерзким, пылким, влюбчивым и, бесспорно, талантливым, что отмечали педагоги живописи и рисунка. Особенно рисунка, который ему легко давался. Огромное честолюбие, стремление удивить

Слева:
«Дороги
войны»

«За ваше
здоровье»

мир уже овладевали им — пока еще без опоры на идеологическую концепцию, которую он изберет себе. В институте 25-летний Глазунов встретил свою спутницу жизни, полностью разделявшую его убеждения.

Незаурядность личности начинающего художника, вокруг имени которого потом десятилетиями не затихали яростные споры, проявилась

в первой большой картине «Дороги войны», предложенной им в качестве дипломной работы и единодушно отвергнутой институтским художсоветом за «антисоветчину». Вердикт начальства гласил: «Война характерна победой, а вы смакуете отступление наших войск — такого еще не было в советском искусстве».

Глазунов несколько лет тщетно пытался выставить картину, отра-

жившую его детские впечатления военных лет. С большой экспрессией он показал трагическую дорогу отступления 41-года, когда победы Красной армии были еще впереди, а лица сведенных здесь вместе простых людей выражают не только горе, но и проблеск надежды. Впоследствии даже ярые недоброжелатели Глазунова признавали, что «Дороги войны» — произведение подлинно реалистического искусства.

На памятной пятидневной выставке в Манеже в 1964 году картину рискнули вывесить. Однако по распоряжению Хрущева выставка была закрыта. Картину «Дороги войны» передали в Дом офицеров и там уничтожили... К счастью, художник успел сделать авторское повторение этого монументального полотна. Начало, прямо скажем, не слишком триумфальное. Но оно принесло Глазунову скандальную известность. Атмосфера скандала будет и дальше сопровождать его выставки, его книги, интервью и публичные высказывания.

Переехав жить в Москву, молодой художник, между тем, работал как одержимый. Уже через год после окончания института, в 1957 году он представил на персональной выставке в Центральном Доме работников искусств (ЦДРИ) на Кузнецком мосту 80 графических и живописных работ. Основанием для проведения выставки уже полуопального в СССР художника послужило вручение ему Гран-при на

Всемирном фестивале молодежи и студентов в Варшаве (1955 г.). Выставка имела сенсационный успех. Поток ее посетителей нарастал с каждым днем. Чтобы избежать давки, устроителям приходилось вызывать конную милицию. Официальная критика поначалу пребывала в шоке, потом развязала в прессе яростную полемику, разделившую сторонников и противников Глазунова на два непримиримых лагеря.

Крамола дерзкого отхода художника от «священного» метода социалистического реализма была налицо, и в живописи, и в графике. Реализм «по-Достоевскому» стал отныне творческим кредо Глазунова. Как говорил один из его любимых художников Михаил Врубель, «нет ничего фантастичнее реальности» и «только реализм родит глубину и всесторонность».

Ворвавшись, подобно метеору, в советское изобразительное искусство, Илья Сергеевич шаг за шагом отвоевывал в нем свои позиции. Фрондирование в те десятилетия было в моде, но откровенно антикоммунистическая фронда Глазунова оказалась явлением исключительным, подогревавшим как интерес публики, так и ожесточенные нападки официоза. И все же его обращение к историческому прошлому русского народа было продиктовано обостренным чувством патриотизма. РОССИЯ становится для Ильи Глазунова любовью и верой всей жизни. Россия такая, какой он ее видел и понимал. Он зачитывался

*Портрет
жены
художника*

Достоевским, начал большой цикл иллюстраций к его произведениям, и вообще, сделал его своим кумиром. Мир образов и идей автора «Преступления и наказания», «Подростка», «Братьев Карамазовых», «Идиота» предстает на офортах Глазунова во всей своей сложности и полноте. Более того, эстетикой Достоевского он начал руководствоваться, создавая на масштабных полотнах «мыслеобразы», подсказанные гениальным писателем. Недаром после проходившей в Ита-

лии выставки картин местная пресса назвала Глазунова «Достоевским в живописи».

Но книжные иллюстрации не ограничивались только Достоевским. Круг литературных пристрастий художника оказался весьма широк. Мельников-Печерский, Никитин, Лесков, Островский, Некрасов, Лермонтов, Блок, Куприн... Их произведения, прочитанные вдумчиво, с любовью, получали в глазуновских иллюстрациях зримые образы сокровенной России, и серия

таких картин составила своеобразную художественную энциклопедию былой русской жизни.

Вместе с тем, Глазунов никогда не уходил в своем разностороннем творчестве от современности, от жизни большого города. Обосновавшись с семьей в столице, обзаведясь широким кругом друзей и знакомых, достигнув материального процветания, он не превратился в «небожителя», почивающего на лаврах в загородном особняке-замке. Неустанный труд, поиски и эксперименты, душевная отзывчивость, по словам близко знающих его людей, всегда отличали Илью Сергеевича.

Потому-то таким интересным и свежим получился у художника городской цикл картин и акварелей 70-х — 80-х годов. «Город», «Последний автобус», «Ушла», «Ленинградская весна» — эти живописные работы зрелого мастера отмечены тонким лиризмом, психологической достоверностью, они передают настроение героев, чьими глазами мы видим окружающий мир.

Совсем другие чувства вызывает одна из самых скандально известных картин Глазунова «За ваше здоровье», ставшая сенсацией на выставке художника 1979 года. Очередь желающих попасть туда дважды опоясывала Манеж. Картина эта представляла собой коллаж советских плакатов с Марксом и Энгельсом, героями труда, Гагариным... А на переднем плане, зажав стакан водки в мозолистой пятерне, смотрит в упор на зрителей седобородый ве-

теран с орденом Славы на телогрейке и добрыми глазами из-под кепки. Никому больше не нужный.

Тревожное, мятущееся состояние духа внешне столь благополучного художника передает цикл картин «История России», в котором Глазунов, рискуя многим, вновь пошел против течения. Он руководствовался тут словами Пушкина: «Гордиться славой своих предков не только можно, но и должно». Более 40 лет посвятил мэтр этому циклу, как бы являющемуся его «визитной карточкой», в котором он воспекает трудную и героическую судьбу Отечества и сокрушается над его катаклизмами.

Недоброжелатели называли историческую живопись Глазунова китчем, высмеивали ее слащавость, искусственное приукрашивание изображения, одинаково «бездонные» глаза легендарных персонажей, находили в этой живописи компиляцию чужих полотен, обилие почти плакатных политических и идейных аллегорий, демонстративный отказ от решения пластических и композиционных задач... А сотни тысяч посетителей глазуновских выставок подолгу простаивали перед картинами «Проводы войска», «Два князя», «Олег с Игорем», «Канун» (Дмитрий Донской и Сергей Радонежский в канун Куликовской битвы), «Андрей Рублев».

К этому же циклу примыкают огромные многофигурные портретные композиции «Мистерия XX века» и «Вечная Россия» (первоначальное название «Сто веков»). Они

были написаны в период перестройки и являются апофеозом творчества художника, принеся ему поистине всемирную известность.

Ранний вариант трагической «Мистерии» Глазунов создал еще до начала эпохи гласности, в 1977 году. Он представил на своем полотне основных действующих лиц и ключевые события уходящего столетия в беспощадно-обличительном свете, поместив в центре Ленина рядом с Гитлером, а высланного из СССР Солженицына изобразил на переднем плане в арестантской робе.

Картина вызвала гнев и угрозы со стороны Министерства культуры, Союза художников и ЦК партии. Нужно было обладать особым мужеством и неустранимостью, чтобы не уступить давлению властей и стоять в своих убеждениях до конца. Илья Сергеевич даже отказался от персональной выставки, которую долго ждал и готовил, так как не желал убрать «Мистерию» из экспозиции. Однако запретить картину властям не удалось. Ее фотокопии расходились по необъятному Советскому Союзу. Западные журналы массовыми тиражами печатали репродукции эпохального произведения Глазунова с подзаголовком: «Картина, которую русские не увидят никогда». Но «никогда не говори никогда». Увидеть картину зрители смогли с наступлением перестройки, на выставке художника в московском Доме молодежи. А в 2000-м году обновленный и расширенный вариант «Мистерии XX века» укра-

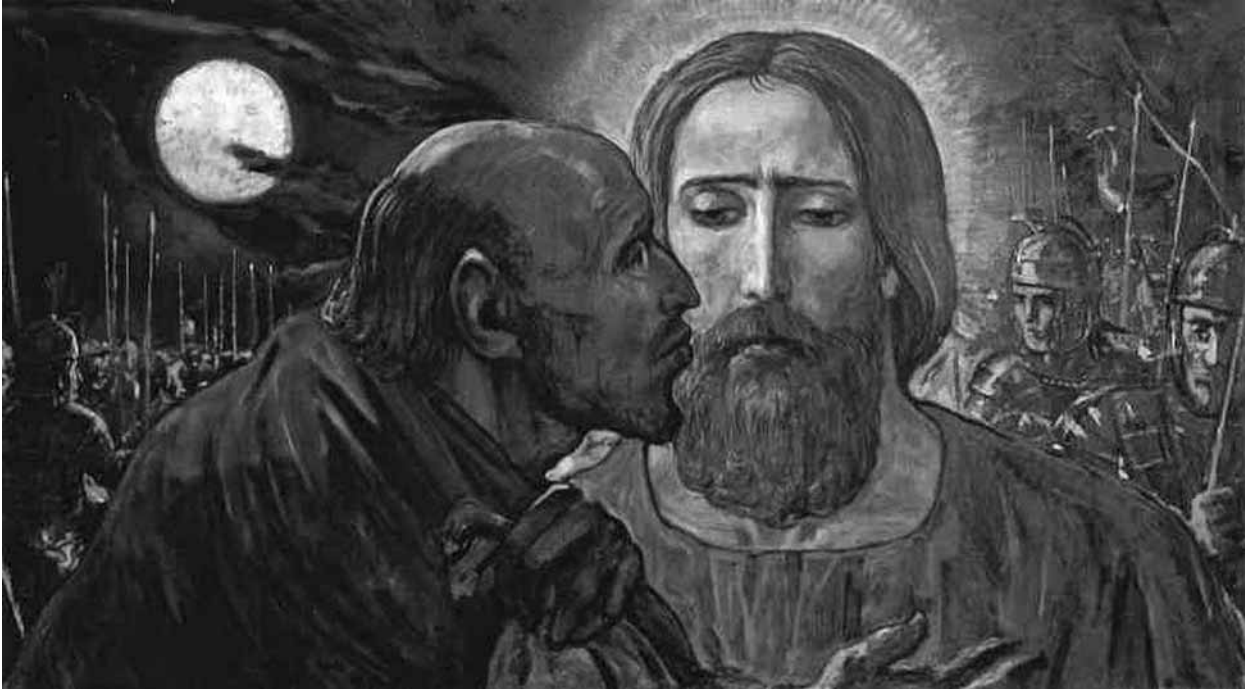
сил юбилейную выставку 70-летнего мастера.

К скорбному образу России Илья Глазунов возвращался в своем творчестве неоднократно. Порой им двигал гнев, порой — печаль, порой — надежда на возрождение Отчизны. Названия картин «Раскулачивание», «Разгром храма в пасхальную ночь», «Великий эксперимент» (на костях убиенных под знаком пылающей пентаграммы) говорят сами за себя.

Извечной борьбе добра и зла, света и тьмы посвящены работы середины 60-х годов. Тогда Глазунов впервые обратился к библейским сюжетам, тщательно отбирая стилизованные детали для достижения пронзительности звучания картин «Пророк», «Давид и Саул», «Изгнание из храма».

Среди картин художника на темы Ветхого и Нового Завета выделяется глубиной философского осмысления «Христос и Антихрист». В мировой живописи они никогда рядом не изображались. У Глазунова свечение над их головами разное, но их лики схожи. Тем самым автор напоминает, что зло нередко является в мир под маской добра. Образ «сына дьявола» здесь скрывает туманная пелена, а Спаситель ближе к зрителю, предвещая победу светлых сил над силами мрака.

...«Христос! Родной простор печален! \\ Изнемогаю на кресте! \\ И челн твой — будет ли причален \\ К моей распятой высоте?» Стихотворная строфа Блока служит раз-

«Поцелуй Иуды»

вернутой подписью к удивительной картине, где край креста и распятый на нем Иисус вознесены над излучинной реки, которая несет утлый челн. А в нем стоит богочеловек с сияющим на сплошном оливковом фоне сновидения золотым нимбом...

...Сам Александр Блок с Незнакомкой встретились на другом глазуновском полотне под пасмурным предгрозовым небом Петрограда на Сенатской площади, в проеме арки Главного штаба. И еще одна экспрессивная картина «Закат Европы» навеяна блоковской строкой: «...идут, идут испуганные тучи, \ \ Закат в крови!..» Печальный Пьеро со следами туши на щеках от слез, а за ним поднимаются гурьбой от пристани венецианской лагуны те, кто символизирует распад европейской цивилизации, предпочтя земное духовному. И не спасут уже эту цивили-

лизацию, по мысли автора, ни романтические гондолы на лунной дорожке Большого канала, ни величественный собор вдали, ни фрагмент классического произведения живописи в правом углу картины.

Как ни относишься к творчеству Ильи Глазунова, нельзя не признать, что он впечатляюще воссоздал сложнейший жанр картины-мировоззрения, размышляя на своих огромных коллажных полотнах о судьбах старой и новой России и выбирая с этой целью ключевые исторические сюжеты и события.

Исключительная плодовитость была и остается его фирменным знаком. Наряду с исторической, философской, религиозной живописью и графикой, книжными иллюстрациями, городским циклом работ, ранними лирическими пейзажами Плеса и Кинешмы важное ме-

сто в творчестве художника занимают портреты современников. Портрет — жанр, где не спрячешься за темой и формой. Здесь, что называется, нужно предьявлять товар лицом, владеть мастерством.

Начиная с выразительного автопортрета в молодости, проникновенного портрета жены Нины, художник десятилетиями совершенствовал свой стиль портретиста, добиваясь максимальной психологической достоверности лица, позы, цветовой гаммы. Позировать ему почитали за честь сильные мира сего и неприступные знаменитости. Так родилась уникальная галерея глазуновских портретов советских и зарубежных политических деятелей, людей искусства. Среди них Сальвадор Альенде, Индира Ганди, Леонид Брежнев, космонавт Виталий Севастьянов, Федерико Феллини, Джина Лоллобриджида, Альфарио Сикейрос, Иннокентий Смоктуновский.

Из многочисленных заграничных поездок Илья Сергеевич привозил новые серии работ — «Сражающийся Вьетнам», «Чили глазами художника», «Никарагуанский дневник», «Русский Север», «БАМ»... В 1980 году он создал живописное панно «Вклад народов Советского Союза в мировую культуру и цивилизацию», украсившее здание штаб-квартиры ЮНЕСКО в Париже. В Мадриде написал интерьер советского посольства. Его хватало на все. В том числе, и на превосходное сценическое оформление постановок оперы

Римского-Корсакова «Сказание о невидимом граде Китеже» в Большом, «Князя Игоря» Бородина и «Пиковой дамы» Чайковского в Берлине, балета «Маскарад» Хачатуряна в Одесском оперном театре...

Никто не ожидал, что в Глазунове откроется талантливый театральный художник. А ведь в 70-е годы было еще его почетное и ответственное участие в реставрации и реконструкции Большого Кремлевского дворца. Эта долгая кропотливая работа стала камертоном для нового плана воссоздания интерьеров 14-го корпуса, отделанных в советское время под унылые казенные помещения. Художественный руководитель проекта, Илья Сергеевич подготовил серию эскизов оформления анфилад, залов, коридоров и приемной Президента Российской Федерации, напоминающих державные интерьеры Зимнего, Царского Села, Павловска в Петербурге. За эту работу Илья Глазунов был удостоен Государственной премии РФ.

В последующие годы Илью Сергеевича назначили руководителем реконструкции и воссоздания Александровского и Андреевского залов Большого Кремлевского дворца в том виде, в каком их задумал К. Тон. Кроме того, он возглавил группу художников и архитекторов, занятых проектированием новых помещений пятиэтажной гостевой пристройки к Большому Кремлевскому дворцу, в том числе Аванзала, Петровского, Николаевского и других парадных залов. Невероятно трудоемкая ра-

бота, отнимавшая у Глазунова уйму сил и времени. Но, несмотря на это, он смог еще создать и возглавить Музей декоративно-прикладного искусства, выпустить наделавшие много шума острые мемуарно-пуб-

лицистические книги «Россия распятая» и «Дорога к тебе». Даже официально признанный и увенчанный лаврами, Глазунов оставался бунтарем, не изменяя своим принципам и идеалам. Это он первым

«Рынок нашей демократии»

осмелился в 70-е годы открыто выступить против Генерального плана реконструкции Москвы, угрожавшего почти полным уничтожением исторической части города, и совместно с другими представителя-

ми творческой интеллигенции добился его отмены.

Общественный темперамент и неумная энергия Ильи Сергеевича, прежде всего, нашли себе примене-

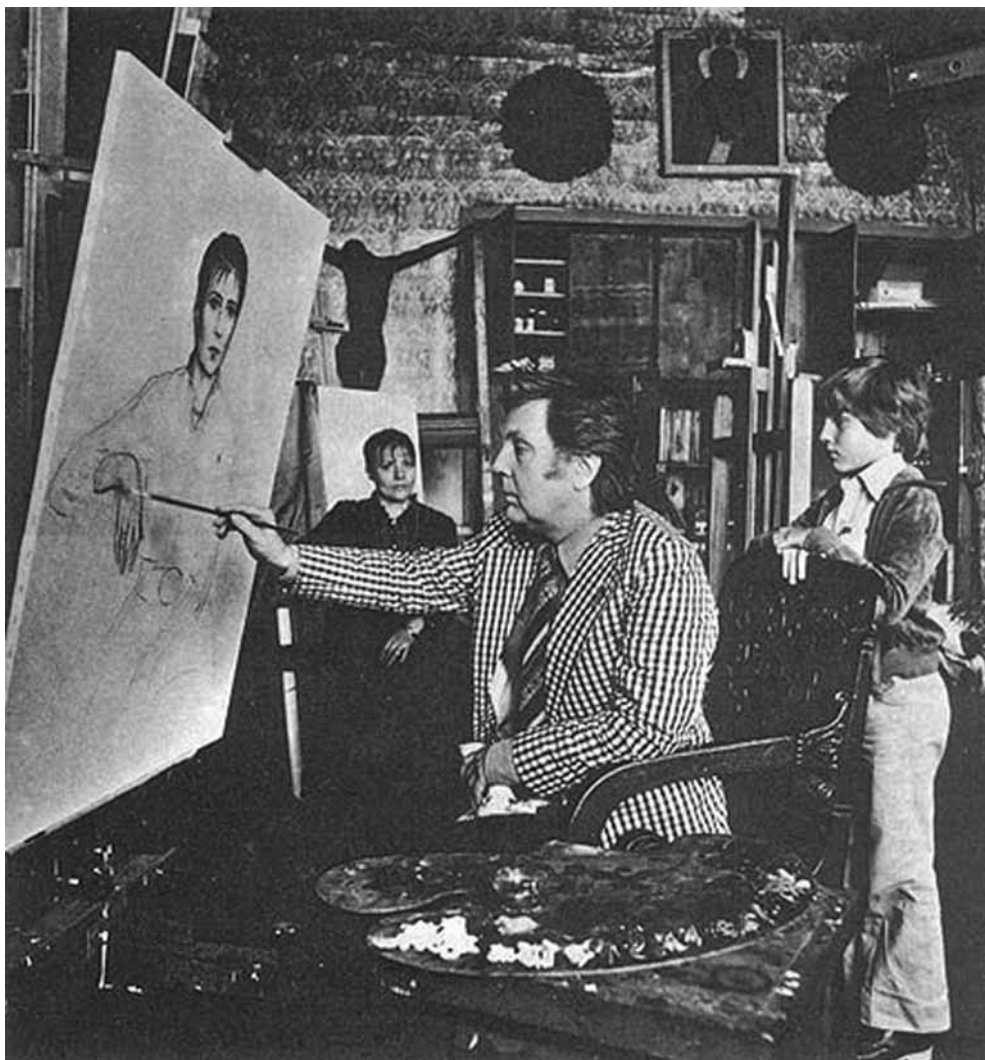
ние в преподавательской деятельности. Он возглавлял мастерскую портрета в Суриковском институте. А в 1989 году по его инициативе и при самом деятельном участии было открыто уникальное учебное заведение — Российская академия живописи, ваяния и зодчества. Илья Глазунов стал ее бессрочным ректором. Размещается академия на углу Камергерского переулка, в архитектурном памятнике XIII века, построенном по проекту В.Баженова. С 1843 года, вплоть до Октябрьской революции, в этом здании располагалось Московское художественное училище, с которым связаны имена многих замечательных русских живописцев.

История и теория изобразительного искусства, курс основ реставрации памятников истории и культуры, методология их охраны преподаются в академии наряду с профильными дисциплинами. Выбил своим питомцам Илья Сергеевич, как это было в дореволюционной Российской академии художеств, стажировку в Италии, нередко доплачивая на нее выпускникам из собственных средств. «Мало самому гореть, — говорит он, — надо других научить горению. Полагаю, что миссия педагога-художника — воспитать личность, которая понимает свое время и владеет всем арсеналом высокого реализма школ прошлого».

...Вечером после занятий в академии Илья Сергеевич возвращался к себе в мастерскую, к своим холстам и гравюрам, к планам персональных выставок, с которыми триумфально путешествовал по всему

миру. Можно услышать от снобов, что Глазунов-де привнес в отечественную живопись вульгарность, что он потакает вкусам толпы. Но почему тогда по опросу ВЦИОМ 1999 года его признали «самым выдающимся художником XX века»? Допустим, тут есть известное преувеличение. А «Золотая медаль Пикассо» и «Золотая медаль ЮНЕСКО» за «выдающийся вклад в мировую культуру»? От них ведь не откажешься. Главное же — Глазунову было и есть что сказать зрителям.

Он всегда хранил верность друзьям и ученикам. А на врагов старался не обращать внимания. «Собака лает, караван идет». Друзья отвечают ему тем же, студенты же его просто боготворят. Верность Илья Сергеевич хранит и любимой Москве, для которой сделал так много. К 850-летию столицы подарил городу все свои картины, созданные за сорок лет. По решению Правительства Москвы в 2004 году в старинном особняке на Волхонке, дом 13 была торжественно открыта Московская государственная картинная галерея И.Глазунова. За прошедшее время ее посетили тысячи зрителей. Побывал там и Владимир Путин, высказавший, между прочим, мнение, что меч Олега на картине «Князь Олег с Игорем» коротковат и выглядит «как перочинный ножик... будто им колбасу режут». Художник похвалил хороший глазомер российского президента и обещал внести исправление в картину.

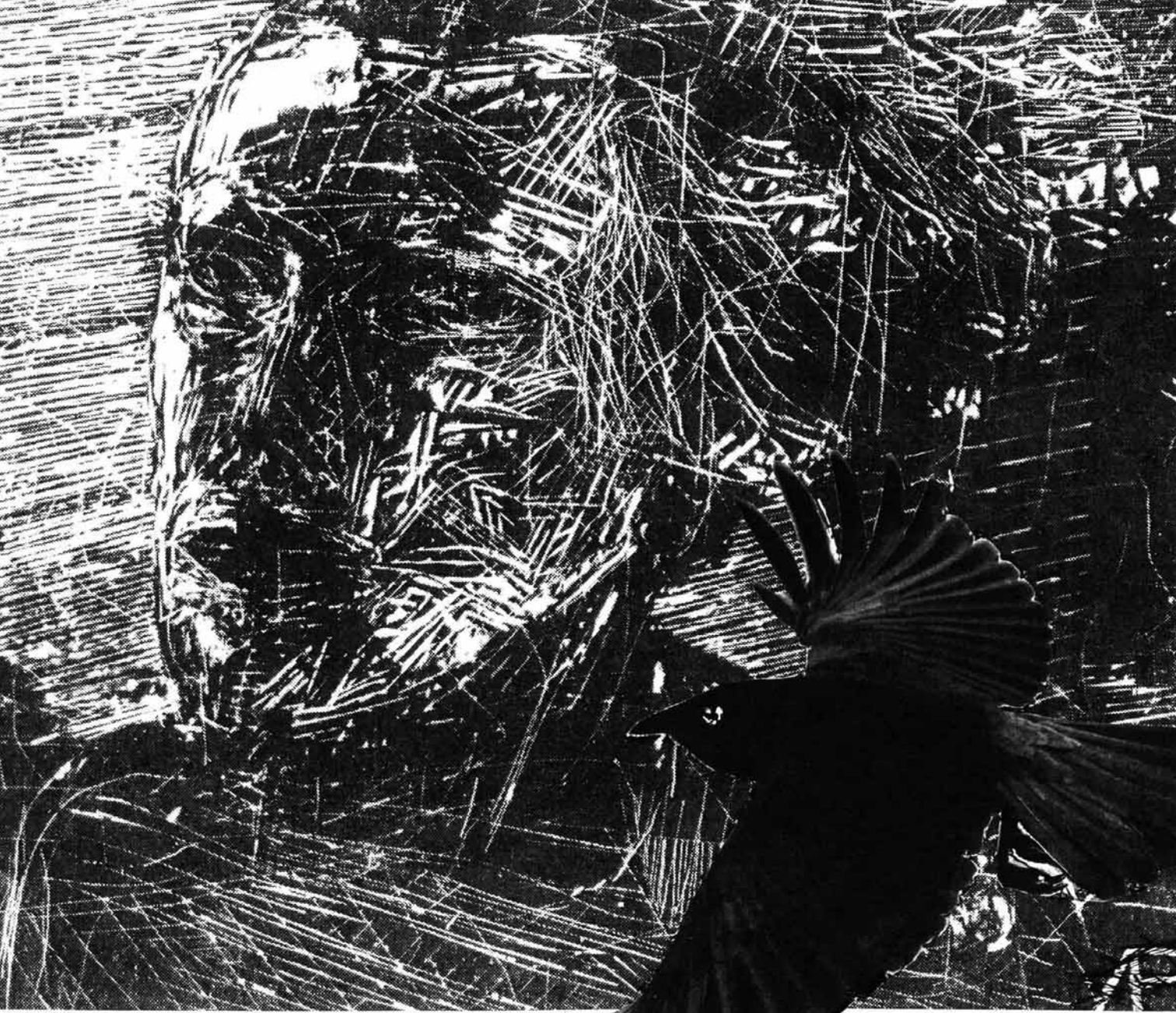

*Илья
Сергеевич
Глазунов
за работой*

Человек, именем которого названа одна из планет, Илья Глазунов и сегодня является одним из самых востребованных российских художников, чьи выставки триумфально проходят от Парижа до Токио, а в Москве и Петербурге они всякий раз — событие. Недоброжелателям сводить с ним счеты бесполезно, хоть они и пытаются. Свое заметное место в отечественном искусстве и культуре этот художник занял давно и прочно.

В прошлом году он перешагнул порог 85-летия, но по-прежнему полон творческих сил и планов. Много

путешествует, встречается с людьми, выступает по телевидению, пишет. Слушать Илью Сергеевича интересно, собеседник он увлекательный, искренний. Его волнуют судьбы страны, судьбы молодого поколения. «Не надо внушать молодежи, что жизнь — это рынок. Не рынок главное, а созидание. Дух — вот основа всего! Художники и люди искусства призваны бороться за возрождение в нашем обществе былой духовности и национального самосознания», — не устает повторять он. И убежденно добавляет: «А русским я считаю того, кто любит Россию». □

Серафим Чихладзе еще очень молод — ему всего 18 лет. Он учится в Московском спортивно-педагогическом колледже на тренера по легкой атлетике. Но при этом не писать он не может, и, на наш взгляд, у молодого прозаика впереди интересное творческое будущее.

Серафим Чихладзе

АЗБУДИ МЕНЯ, КОГДА СЕНТЯБРЬ ЗАКОНЧИТСЯ...

Я открываю дверь ключом найденным
И попадаю сразу в темноту.

Ника Турбина (По гулким лестницам)

.....

24 сентября, 2013 год

7:30 утра

Я ненавижу ворон. Терпеть их не могу! Не знаю более отвратительных созданий, чем эти. Сейчас я уже 12 лет как не в Сербии, но этих гадских птиц в Старо Грацке помню до сих пор. Они собирались в деревне целыми стаями, особенно много их было в сентябре, уж не знаю, с чем это связано. Может, с плакучей ивой, которая росла прямо напротив нашего с Милошем окна, птицы собирались на ней и галдели с самого утра. Мне было 9 лет, и я отлично помню, как они мешали мне спать по утрам, атакуя бедное дерево с самого рассвета. Сон у меня был довольно чуткий, и я,

конечно, просыпался и три часа ворочался в кровати, пока мама не приходила. А Милош спал как убитый, и ему было наплевать на птиц.

В Москве я ворон вообще не слышал до этого утра... Вообще я хотел начать с того, что всю ночь не спал. Три месяца я не брал в руки дневник, последняя запись была сделана в июне, просто как-то не хотелось особо ничего писать. А сейчас есть повод — бессонница. Чего-чего, а ее у меня раньше никогда не было.

Время 7:36, сижу на кухне в халате, пью вторую чашку растворимого кофе. Сейчас вроде спать не хочется, посмотрим, что будет к вечеру. Я немного отвлекся. Так вот, вчера не мог уснуть, лег вроде бы как обычно — до двенадцати, сон не шел, смотрел телевизор, почитал книгу, не помогло. В 2 ночи пошел на кухню искать снотворное, Ольга всегда держала его в шкафчике рядом с вытяжкой. Я облазил каждый уголок, но не нашел ничего, хотя оно оставалось, это я прекрасно помню! Вернулся в постель, попытался расслабиться. Минут двадцать лежал, не двигаясь, потом со злости ударил рукой по батарее. Когда начинается отопительный сезон, и пар только собирается в трубах, металл нагревается и слегка расширяется, и весь процесс сопровождается этим противным стуком. Я просто взбесился и не сдержался, теперь вот костяшки слегка опухли и ноют.

После этого я просто лежал, пока не услышал карканье ворон. Это было похоже на издевательство, добротное, хоть и подлое. Как будто эта жирная птица знала, где именно ей нужно сесть и открывать свой мерзкий клюв. Я еще немного полежал, встал и пошел в душ, стоял под горячей водой минут сорок, до тех пор, пока кожа на теле не покраснела, потом пошел на кухню пить кофе. Даже не стал вытираться. Скоро надо уходить, думаю, что к вечеру буду валиться с ног, потому что долго не спать я не могу, но снотворное все равно куплю, только я в них совсем не разбираюсь. Ольга разбиралась, но ее уже нет. Все. Мне пора.

.....

24 сентября, 2013 год
19:30, вечер

Кто-то может посчитать меня старомодным, ну и пусть. Я люблю записывать то, что думаю, или то, что хочу записать. Пишу от руки, потому что нравится чувствовать, как шуршит бумага, я пробовал печатать на клавиатуре, но как-то это бездушно, и я каждый раз возвращался к обычной шариковой ручке. Мне это доставляет удовольствие или... даже радость. В последнее время мало что могло меня радовать, но не потому, что я

какой-то угрюмый и мрачный тип, а по вполне конкретным причинам. Каждый раз, когда я вспоминаю ее, у меня глаза начинают чесаться, и ком, такой толстый ком в горле, как будто у меня кадык сейчас вылезет наружу, вот снова... рука начинает дрожать. Мне нужно успокоиться.

Сейчас уже лучше, я выпил немного виски, и приятное тепло разлилось по всему телу, как всегда бывает после него. Приготовлю себе яичницу на ужин и попробую еще что-нибудь написать.

Когда я вернулся домой, состояние было ужасное, но теперь чувствую себя значительно лучше. Был в трех аптеках, ни в одной не отпустили снотворное без рецепта. Я подумал, что хрен с ним, устал как собака, так что, наверное, и так спокойно усну. Сажу на кухне — ем. На часах 20:00, думаю, что после ужина поработаю еще час, а затем пойду спать.

Пока работал, выпил еще виски, забавное состояние. Обычно один я не пью, но сейчас захотелось, уж не алкаш ли я? Глупости! Алкоголик — это тот, кто физически зависим от градусов, а я что? Я, скорее, «пьянчужка», как говорят русские. Зависим я был только от Олички, хотя почему был...

Выпил еще стопку, ухх, на сегодня мне точно хватит. Ручка еле держится, координация у меня явно нарушилась. Пора спать.

.....

25 сентября, 2013 год

2:05 ночи

Я снова не могу уснуть, пичку мать! Я уже протрезвел, а в трубах продолжает стучать. Монотонно, отвратительно, как стук метронома. Сел и снова пишу. Чувствую, что это будет вторая ночь без сна. Голова сообщает очень плохо, но я пока держусь. Подсчитал, сколько я уже не спал, получилось ровно 42 часа. Это мой рекорд. Не знаю, что не так с этой батареей, но стук продолжается, и такое чувство, что, как только я закрываю глаза и пытаюсь заснуть, он усиливается. Я несколько раз вставал и прислонялся к ней ухом — тишина, но как только ложился обратно, стук снова появлялся. Может быть, она надо мной издевается? Могут ли неодушевленные предметы влиять на человека? Зеленые купюры ведь управляют сознанием людей, почему бы, в таком случае, батареям не доводить человека до бессонницы. Нашел вату в ванной под раковиной и заткнул уши, но стук, казалось, стал еще громче. Грешу на свое воспаленное бессонницей подсознание. Мне вспомнился фильм, который я смотрел на русском языке в прошлом году — «Машинист». Скелет Кристиана

Бейла, страдающего бессонницей. Сколько он не спал по сюжету? Полгода? Год? Помню, что очень долго... А я не сплю всего-то около двух дней, осталось потерпеть всего-то 6 месяцев а, может, 12, а потом окажется, что на моей совести мама с маленьким мальчиком. Отлично, главное, только не стать таким же тощим...

.....

3:10, ночь

Звонит телефон... сердце колотится как бешеное, я просто не ожидал... звонок оборвался, как только я взял трубку в руки...

Успел взять, когда телефон зазвонил во второй раз. Я три раза сказал «алло», в ответ только гудение. Я положил трубку, лег и стал думать, а кто мне мог звонить в такое время. Пришел к выводу, что только один человек может... мог... Оличка. Господи, как ей нравилось, когда я ее так называл! Она была без ума от моего мягкого сербского акцента, а я был, в свою очередь, без ума от нее. Мы часто ругались, но это нормально, когда два таких взрывных характера живут вместе, рано или поздно они обязательно вступают в химическую реакцию между собой. И мы взрывались, реагировали, но без осадка, чистая энергия, как взрыв водорода. Мы кричали друг на друга, и она уезжала к матери, но я знал почти наверняка, что Оличка позвонит в эту же ночь и скажет, что она — полная дура и наговорила много лишнего. Если она не звонила, это делал я. Нам было плевать, кто прав, кто виноват, мы в этом никогда не копались, жили сегодняшним днем, сегодняшней минутой. Я срывался с места и привозил ее к себе домой... любимую мою Оличку, она была одна такая, темноволосая, но с необычайно светлой и такой приятной на ощупь кожей. Я просто сходил с ума когда видел ее, мне не хватало воздуха, мне было тесно в своем теле... Ничего не осталось... остался только я один... Не могу, снова чешутся глаза...

.....

6:00, утро

Двое суток без сна. Сидя на кухне, листаю различные форумы. Везде одно и то же, сплошная чепуха, я уже пробовал все, что там советуют, но эти идиотские упражнения в постели больше напоминают попытки дождевого червя передвигаться вертикально. Голова тяжелая как набивной мяч.

Пью кофе, сегодня на работу я не поеду, записался к психиатру, может, он сумеет мне помочь, главное, это правильный настрой. Батарея стучит, даже когда я не в комнате. Мне уже начинает казаться, что дело не в ней.

.....

17:00, день

Пуци ми курац! Ничего нового я от него не услышал, зато он мне выписал рецепт на феназепам. Скоро выпью таблетку, немного поработаю за компьютером и пойду спать.

.....

20:00, вечер

Состояние утомленности, координация нарушилась. Лег в теплую ванну, Боже, как приятно! Главное, не заснуть здесь, а то блокнот намокнет, и я захлебнусь, будет жалко... блокнот.

.....

26 сентября, 2013 год

1:30, ночь

Бре! Я не сплю! Я слышу стук, он усилился и стал чаще, но он не из батареи, клянусь! Я не знаю, что со мной, он ужасный... я вставил наушники в уши, включил музыку на полную громкость и все равно слышу стук сквозь басы — частый-частый стук. Со злости выкинул наушники, зря, они ведь ни в чем не виноваты... Батарея молчит, молчит и смотрит на меня.

.....

3 часа ночи

В дверь звонят, или мне кажется?.. Нет, не кажется. В дверь звонят. Это жутко, ночные посетители, как в дешевом ужастике. Пойду, посмотрю.

.....

3:10, ночь

Господи, Боже мой, господибоже Мой!!! Я схожу с ума, она стоит на пороге, она назвала меня по имени — Сашенька, только она называла меня так. Что происходит? Я успел захлопнуть дверь, перед тем как она шагнула в квартиру, и спрятался в туалете. А в голове — тук-тук-тук... Буду сидеть здесь до рассвета. Сердце бьется слишком часто, слишком. Оличка, за что ты так со мной?!

.....

26 сентября, 2013 год

6:00, утро

72 часа без сна. Чувствую себя ужасно. Посмотрелся в зеркало, глаз почти не видно, веки сильно опухли и покраснели, щеки впали. Лицо белое как сахар, я сильно оброс, нашел на голове седые волосы. Руки трясутся, как у алкаша. Из туалета я пока не выходил, боюсь. Мне трудно понять, что происходит на самом деле. Видел ли я Оличку? Это невозможно, она умерла! Пора выйти отсюда...

.....

23 июля, 1999 год

Сербия, Старо Грацко

Он стоял на коленях вместе со всеми. Вокруг такая высокая золотистая пшеница, что ничего кроме нее не видно. Закатное солнце придает ей красноватый оттенок. Красиво. Таким же красноватым оттенком полыхало небо Белграда два месяца назад, когда истребители гремели в небе, а они втроем смотрели по телевизору горячие новости. Мама плакала навзрыд, когда ей сообщили, что ее сестра Мира погибла под завалами. Ему было страшно, до безумия. Война казалась чем-то нереальным, чем-то обходящим стороной. Американские истребители, сочувствующие глаза ведущей вечерних новостей, и эти слова, смысл которых был до конца не понятен, и от которых веяло холодом и паникой — «этническая чистка». Сейчас они все стоят в ряд на коленях лицом к горизонту. Им так приказали, а еще приказали держать руки за головой. Ему почему-то холодно, дрожат пальцы, как будто он играл в снежки без перчаток. Он слышит

плач и тихую жалобную мольбу справа, просьбы не трогать хотя бы детей, слышит навозную муху, которая села на плечо и перебирает лапками в отчаянной попытке согреться, словно ее тоже знобит. Он знает, стоит ему чуть-чуть дернуть плечом, и муха улетит. Улетит по своим мушиным делам, ведь ей нет никакого дела до людей, она вольна летать, где ей вздумается, и делать, что ей вздумается. Он слышит удар приклада, слышит хруст костей и крик такого до боли знакомого голоса. Мама!

— E heshtur! — приказал по-албански автоматчик и пнул женщину ногой.

Александр без труда узнал язык. А как не знать? Он часто метал в соседские крыши подгнившие яблоки, надетые на конец длинной палки, вместе с Гджергджем — албанским мальчиком из своей деревни. Тот всегда метал дальше и ругался громче, по-албански. Славный парень, интересно, чем он занят сейчас? Что означает это слово, он не понял. Вот только в этом не было необходимости. Оно было полно тупой желчной ненависти, вложенной албанцем в первый удар тяжелым натовским сапогом, который пришелся прямо в живот Драгане Джуканович. Второй удар сломал ей нос, и из него тут же хлынула кровь.

— E hesthtur lavire! — повторил автоматчик, выстрелил в небо и смачно харкнул на согнувшуюся от боли женщину.

Из глаз сами по себе брызнули слезы. Он знал, что мужчины не плачут, и дал себе обещание никогда не плакать, но слезные мешки не слушались, они просто выделяли влагу, стекавшую по щекам. Рядом стоял Милош, он молчал, просто молчал и слушал второго из десяти албанцев, который изъяснялся на ломаном сербском языке.

— Сербска гниль будет уничтожена! Прокляти сербы, которые возомнили себя хозяевами, будут стерты с лица великой Косовской республики...

Сашка не видел его, потому что все они стояли к ним спиной, зато он видел мать. Краем глаза, но этого было достаточно. Драгана лежала на земле, приложив сломанные пальцы к животу. Она уже не кричала, а только хрипло тянула ртом воздух в лужице собственной крови, смотря своими большими карими глазами куда-то в сторону. Он видел Милоша, который глядел вдаль сквозь колосья пшеницы, как будто ничего не происходит, как будто бы он просто встал на колени в эту странную позу, чтобы отдохнуть, и только губы его мелко дрожали. Он видел албанца, который держал за волосы Любомира, приставляя край зазубренного мачете к шее. Саша пытался вспомнить, как он оказался здесь, как оказался здесь дядя Братислав, тракторист Слободан и все остальные, но не мог. Он просто стоял, а муха лениво перебирала лапками у него на плече.

— Ваша смерть станет отличным уроком для продажного Белграда. Слава Республике Косово!

Последние слова албанец произнес на своем языке, но смысл их был понятен, как и то, что им всем уготовано. Муха дернулась, словно хотела ускориться напоследок, и взлетела, исчезнув среди густых колосьев. Любомир, схватившись за шею, повалился набок, затем загремела автоматная очередь, совсем рядом, так что у Саши чуть не лопнули уши. Слободан упал навзничь. Еще одна стучащая очередь из русского автомата АК-74. Откуда-то со стороны деревни каркнула ворона. Снова автоматная очередь — на этот раз Братислав. Очередной выстрел унес жизнь кого-то еще...

Сашка скосил глаза вправо. Мамину голову встряхнуло несколько раз. Шумное дыхание тут же пропало, словно пули — это черные дыры, которые не давали шанса ни одному звуку пройти мимо, поглощали и засасывали все в себя, оставляя после себя бесконечную пустоту. На долю секунды, на какой-то крошечный миг в голове у него промелькнула мысль, хорошо, что маму застрелили, а не зарезали, наверное, это не так больно.

Милош все так же смотрел вдаль поверх пшеницы, только губы дрожали сильнее.

Взгляд Сашки был прикован к телу матери, к телу человека, который значил для него все и даже чуточку больше. От него словно оторвали что-то, жестоко, не церемонясь, выдрали с мясом, растоптали. Он был в ступоре, поэтому, когда Милош заорал ему прямо в лицо: «Бежи, братка!!!» — он не сразу понял, что это значит, словно на какое-то время забыл сербский. Спустя секунду вскочил, управляемый подсознанием, потому как сознание его было где-то далеко, оно улетело вместе с той мухой, беззаботно кружиться над полями.

Он бежал, спотыкаясь в высокой траве, которая скрывала его полностью, а рядом, высоко поднимая ноги, пытался бежать Милош. Старший брат был слишком высокий, трава не скрывала его. Раньше Сашка всегда спрашивал, чувствует ли он, как высоко находится его голова, тот, в свою очередь, смеялся, хватал его за руки и сажал к себе на плечи. Головокружительная высота! Сидя на нем, Саша мог схватиться за верхнюю ветку яблони и повиснуть на ней, мог видеть макушку церкви, мог делать все, что угодно.

Черная дыра настигла Милоша метров через сто, создав еще один кусочек вакуума, и он упал, забрызгав кровью правую щеку Саши.

Сашка слышал крики албанцев, слышал, как пули какое-то время трассировали путь по бокам, выкашивая тонкие стебли. Он бежал так быстро, как только могли позволить ноги и вязкая трава под ними. Потом все стихло, полный вакуум. Только в голове назойливо твердит брат сквозь стук автоматных очередей: «Бежи, братка, бежи, братка!» Сашка упал, зацепив-

шись то ли за кротовую нору, то ли просто за какую-то земную неровность. Легкие разрывало огненными прутьями. Ничего не осталось, только он один в безжизненном пространстве, здесь нет ни одной живой души, тут только черные дыры, жадно жрущие друг друга, в ожидании новой подачи. Он лежал на сырой от вечернего полива земле, чувствуя холод, как от тех двух непонятных слов, и рыдал, как не должен был, ведь он дал себе обещание, что никогда не заплачет, но сдержаться сил больше не было...

.....

26 сентября, 2013 год

12:30, день

Включил музыку на полную громкость и просто сижу в кресле, ничего сегодня не делал, из меня словно высосало всю энергию. Хватило сил взять в руки ручку и блокнот. Я буду писать, пока могу. Стук в моей голове не перебивает даже Green Day, который играет на полную мощность. За окном ветер, я бы даже сказал ураганный, и холодно. Я запер дверь на два замка и придвинул к ней шкаф, никто сегодня не сможет ко мне войти, по крайней мере, я очень на это надеюсь. Выпивки больше не осталось, чувство голода тоже куда-то пропало. Я вспомнил мамину еду — плескавицы и чевапи. Как мы ужинали вместе каждый вечер, как Милош за столом показывал новые фотографии автомобилей, как мама с неподдельным интересом их разглядывала. Я помню ее взгляд, такой выразительный, такие большие бездонные зрачки, они зачаровывали, притягивали к себе... в них была доброта и ответственность, казалось, что они напрямую соединены с сердцем. Когда эти «глаза-сердце» смотрели на нас... ее сердце билось за нас троих, оно билось на троих и для троих. Я сделаю погромче Wake me up when September ends...

.....

16:00, день

У меня в голове уже не стучит, я слышу автоматную очередь, моя голова скоро лопнет!!!

...

Они стоят у меня за спиной! Оба, я боюсь оборачиваться... в них огромные дыры. Они что-то говорят, но автоматные очереди я не слышу... из-за них ничего не слышно.

...

Я на кухне, все ножи пропали. Ну, ничего, это мне не мешает, я разобью стекло и закончу то, что должен был сделать еще давно, обязательно закончу. Прощай!

.....

27 сентября, 2013 год

Трамвай плавно и бесшумно катился вниз по улице Матросская Тишина, уменьшаясь и становясь едва различимым. Почти белые щеки, с нежной, но безумно красивой кожей, сейчас розовели румянцем. Она осталась стоять на остановке, пропуская машину, чтобы перейти дорогу. Автомобиль так же плавно прошелестел мимо, и она, тихонько цокая каблучками по бетону, перебежала на другую сторону, поправила шапку на густых темных волосах. Осталось совсем немного. И снова рой мыслей набросился на нее. Почему? Главный вопрос. Ее перестали понимать практически все, кроме разве что родителей, хотя и те наверняка поддерживали только потому, что им воспитание не позволило бы высказываться иначе. Отец вообще перестал обращать внимание на все, что происходило, а матери, с ее пожизненным лицемерием и желанием ставить себя выше других, она не верила. Оставалось надеяться. Тешить себя мыслью, что надежда, хоть и должна по закону жанра умереть, но, по тому же неписаному закону, — последней. Перед надеждой была она сама, всеми силами пытаюсь сберечь ее, отважным защитником подставлялась под все удары. Она чувствовала в себе ту самую пружину, которая так помогала ей раньше в спорте. Когда ты уже не можешь, тело просит тебя остановиться, но ты прекрасно знаешь, что нужно сделать еще один раз, еще один гребок, вот тогда и срабатывает пружина, она выстреливает и движет тебя вперед. Преодоление себя ради чего-то большего. Так и здесь, нужно лишь натянуть ее до предела, и тогда она даст новые, гораздо более мощные силы, и пусть все видят, на что она способна.

Охранник на проходной молча взял протянутый паспорт у нее из рук, старательно записал в журнале имя, фамилию и время, затем отдал ей паспорт и снова уткнулся в телефон. Она толкнула дверь и оказалась на территории. Несколько ворон, громко каркая, кружили над желтыми кронами деревьев. Сердцебиение произвольно участилось, когда она шла по асфальтовой дорожке, мимо тополей и декоративных елей, усаженных по обеим ее сторонам, — к зданию. Построенное еще в 19 веке, оно больше походило на усадьбу какого-нибудь князя. Анфилада окон на втором

этаже, треугольная крыша и выдающийся вперед парадный вход-арка с полукруглым козырьком. Она могла бы пройти этот короткий путь с закрытыми глазами, могла бы, да только вот отдала бы очень многое, чтобы этого не делать.

Девушка потянула дверь на себя и оказалась внутри. В холле почти никого не было, только в самой глубине в кресле сидел старик; прикрыв глаза и качая головой, он что-то нашептывал. Она сняла пальто, надела бахилы и поднялась по широкой старинной лестнице на второй этаж. Там было оживленно, всюду сновали люди. Она вздохнула, как обычно вздыхают люди, когда сердце начинает работать на повышенных оборотах, без видимой на то причины, — после вчерашнего звонка она только так и дышала.

Девушка свернула налево, пройдя по длинному коридору, остановилась у кабинета с табличкой «Полевой О.А.» и постучала.

— Войдите, — ответил на стук голос изнутри.

Невысокого роста, полный, но с удивительно тонкими, почти изящными губами, совсем неподходящими его внешности, он сидел за столом, что-то печатая на компьютере. Врач напоминал ей скорее повара какой-нибудь дешевой забегаловки, чем...

— А, Ольга, здравствуйте! — улыбнулся он. — Рад вас видеть.

— Добрый день, Олег Александрович.

Она тихонько присела в кресло напротив. Улыбка быстро сползла с его лица, он понял, что она сейчас совсем не к месту.

— Вчера по телефону я все вкратце вам объяснил, — снимая очки, проговорил врач.

— Да я помню.

— Не сказал я вам только о том, что мы перевели его в отдельную палату. Пришлось вколоть ему диазепам и, к сожалению, на время обездвижить его.

— То есть? — вопросительно посмотрела на него Ольга.

— То есть его руки и ноги привязаны к койке.

Она все так же продолжала смотреть на психиатра, и, как ему казалось, со смесью обиды и злости.

— Поймите, он переживает глубочайший делирий, — вздохнул Олег Александрович. — Что-то послужило катализатором, понять — что, я не в силах. Всю неделю он не выпускал свой блокнот из рук, иногда что-то записывал туда. Вчера он хотел покончить с собой. Разбил стекло, пытался перерезать себе горло осколком, санитары вовремя остановили его. Нам пришлось связать его, иначе неизвестно, что еще он попытается сделать. Ему надо выйти из этого состояния как можно скорее, только вот на это

нужно время. — Он пристально посмотрел на нее, ударил ребром ладони по столу и добавил: — И вы.

Локти упирались в стол, а пальцами Ольга терла лицо, пытаясь не расплакаться. Ей хотелось вскочить и закричать: «Нет, он не псих!», затопать ногами, разбить что-нибудь, например, нос этому недоумку, но нужно держать себя в руках и натягивать, натягивать пружину, чтобы потом она выстрелила на полную. Она думала, не слишком ли пафосно прозвучит то, что собирается сказать. Нет. Все как есть, ни лжи, ни бахвальства, так и должно быть.

— Олег Александрович, поймите, я единственный человек, который у него остался, и я сделаю все, что в моих силах, а иначе... иначе я просто недостойна жить.

Он протянул ей руку и, крепко сжав холодную дрожащую ладонь, произнес:

— Все будет хорошо.

Ольга слышала, как Полевой уходил по коридору, и шаги его становились все тише и тише. «Я должен оставить вас наедине» — она уже и вспомнить не могла, когда последний раз оставалась с ним вдвоем. Это точно было задолго до того, как он перестал узнавать ее на прошлой неделе. Вот он лежит на кровати перед ней с забинтованной шеей. Даже сейчас крепко сжимает в левой руке мятый блокнот в матовой обложке, с которым так и не смог расстаться, словно это перекладина, которую стоит только отпустить, и он отправится вниз со скоростью света, где вопящие черные дыры с открытыми пастями уже ждут его.

Он спал, как объяснил врач, впервые за последние три дня. Глазные яблоки беспокойно крутились под закрытыми веками, а губы что-то еле слышно шептали. Он изменился — и без того худое лицо еще больше осунулось, появились морщины, седина. Их было не много — седых волос, но они были белые как сахар.

Ольга сделала еще один шаг к кровати. Шаг вперед. Она надеялась, что вперед, — в последние полгода один такой шаг сопровождался пятью прыжками назад...

Все такой же красивый. Щемящее чувство безысходности. Вдруг он не узнает ее? Все, что у него осталось, это он сам, и его погруженный в пучину фантазий и надежд разум, с каждым днем теряющий связь с ее миром — настоящим, где когда-то, хоть и периодически, они были так счастливы. Ему больше никто не нужен, ведь она, скорее всего, умерла для него.

Что-то привлекло ее внимание в окне за железной решеткой. Она подняла голову. На ветке тополя сидела черная ворона и пристально смотрела

прямо на нее большим блестящим глазом. Сердце забилось еще быстрее. Перестань! Она сделала еще один шаг, чувствуя себя Армстронгом, впервые ступившим на поверхность Луны. Ради чего все это? Ради чего? Он болен, безнадежно болен! Нет, она не может позволить себе надломиться! Его кадык ходил под бинтами вверх-вниз, как будто приводя в движение губы и приоткрытый рот.

Стараясь не смотреть в окно, она сделала последний шаг и села на краешек кровати. Он лежал на спине. На запястьях и ногах — пластиковые зажимы. Слезы непроизвольно потекли по щекам. Она уже не могла сдерживаться, да и не хотела. Глаза все так же бегали под веками, кадык гулял вверх-вниз, а губы беззвучно шевелились. Ольга наклонилась над человеком и нежно поцеловала его в лоб.

— Бежи, бежи, бежи...

Она плакала, прильнув губами к его горячему лбу, а он шептал и шептал во сне. Она выпрямилась. Пружина выстрелила, быстро и мощно. Девушка нащупала его холодную ладонь под пластиковым зажимом своей горячей ладошкой и сжала ее так крепко, как только могла. Глаза перестали описывать круги. Ворона истошно каркнула и, сорвавшись с ветки, улетила прочь. Вот он — последний рывок истощенного организма.

— Здравствуй, Сашенька!

23 июля 1999 года в Сербии, рядом с деревней Старо Грацко, были жестоко казнены 14 мирных жителей, возвращавшихся с полевых работ. Все убитые являлись этническими сербами. Преступление было совершенно албанскими радикалами. Виновные до сих пор не наказаны. □

Алла Зубкова

Королевские

Игры

«Терпеть не могу эти грандиозные постановки на исторические сюжеты!» — грузно откинулся на спинку кресла король Эдуард. На сцене упитанные немецкие певцы старательно, хотя и несколько флегматично, изображали страсти, бушевавшие во дворце распутного царя Ассирии Сарданапала. «Ну, что же, — саркастически оттопырил он губу. Его племянничек, германский император Вильгельм II или Вилли, как он привык называть его еще с детства, всегда питал слабость к помпезным зрелищам. — В конце концов, почему бы и не Сарданапал?» — И, вздохнув, подумал, слава Богу, его официальный визит в Германию подходит к концу. Бесчисленные банкеты, приемы, смотры войск утомили его. Наверное, он все-таки стареет. Скорее бы домой, в Лондон.

Ему показалось, что дремал он всего несколько секунд. Внезапно Эдуард почувствовал резкий запах гари и дыма. В горле запершило. Открыв глаза, он увидел, что сцена буквально полыхает огнем.

— Это пожар? Мы горим? Где пожарные, черт подери? — хриплым со сна голосом вскричал король.

— Не волнуйтесь, дядюшка Берти, — успокоил его статный, затянутый в форму адмирал британского флота Вильгельм, — никакого пожара нет. Просто мы, немцы, любим реализм во всем. Вы ведь не забыли, что осажденный своими взбунтовавшимися сатрапами царь Сарданапал решил свести счеты с жизнью, превратив свой дворец со все-

ми его обитателями в огромный погребальный костер? Что ж, наши пиротехники потрудились на славу. — На губах кайзера играла насмешливая улыбка.

Эдуард с трудом сдержал крепкое словцо, которое любил употреблять друг его молодости маркиз Гастингс в тех редких случаях, когда проигрывал пари.

Да ... Гастингс ... Незабываемое время. Как славно развлекались они тогда. Маркиз, страстный лошадиный и азартный игрок, заключал пари на огромные суммы по самому ничтожному поводу. Он мог поспорить на то, сколько дождевых капель стечет по оконной раме во время дождя, на какой кусок в сахарнице сядет муха, или сколько крыс загрызет в час его любимый фокстерьер. Да и другие молодые аристократы из окружения принца Уэльского были ему под стать. Ну а он, Эдуард, Берти, как до сих пор называют его все родственники, тогда словно с цепи сорвался. Да, впрочем, так оно и было, причем едва ли не в буквальном смысле. Его отец, принц Альберт, и матушка, королева Виктория, да будет земля им пухом, держали его в ежовых рукавицах. Желая сделать из него образцового правителя, они не давали ему никакого продыху. Дни были расписаны буквально по минутам. Скучные монотонные занятия лишь изредка прерывались чинными прогулками по парку, и еще реже — верховой ездой и греблей. Никаких игр со сверстниками. Чтение только античных

авторов и книг религиозного содержания. Даже романы Вальтера Скотта были запрещены, как слишком фривольные. Разумеется, он частенько бунтовал. «Принц опять вел себя совершенно неподобающе — плевался, корчил рожи, кидался камнями. Доктор Беккер жаловался на то, что принц снова выкрикивал нехорошие слова», — такими записями пестрели письменные доклады, которые его воспитатели ежедневно подавали отцу.

Свое образование он продолжал в Оксфорде, Кембридже и Эдинбургском университете. «*Gaudemus igitur?*» Черта с два! Со студентами он почти не общался. Профессора занимались с ним отдельно. Впрочем, совсем потерянными эти годы считать нельзя, самодовольно усмехнулся старый король. В Кембридже ... да-да, именно в Кембридже он стал потихоньку выходить из-под опеки воспитателей и наверстывать упущенное. В Лондоне ему строжайше запрещалось всякое общение с дамским обществом. Ха-ха! Можно представить себе, каким шоком для мамы было сообщение о том, что по его вине одна из местных девиц оказалась в интересном положении. Ну, а потом пошло-поехало. Маркиз Гастингс, виконт Чаплин, лорд Ройстон, гусарский полковник Валентайн Бейкер не давали ему скучать. Скачки в Ньюмаркете, Аскоте и Эпсоме, веселые попойки, игра в бридж по-крупному. Нередко он покидал берега туманного Альбиона ради более изысканных и фривольных раз-

влечений «столицы мира». В Париже в «Cafe Agnlais» у него была своя гостиная, где он устраивал приемы для друзей. Подавали изысканные блюда лучших поваров и кондитеров, а как-то на огромном серебряном подносе в зал внесли одну из самых очаровательных кокоток Парижа, Кору Перл.

Он всегда обожал театр, но, разумеется, не такие дурацкие представления, каким сегодня попотчевал его племянничек Вилли. Ну и хорошеньких актрис, разумеется. Его часто видели за кулисами многих парижских театров. Не секретом было его увлечение прелестной мадемуазель Шнайдер, исполнявшей главную роль в пьесе «Великая герцогиня Герольштейнская». Он и сам сыграл в модной тогда пьесе Сарду «Федора». Да не с кем-нибудь, а с самой Сарой Бернар, другом и верным поклонником которой он себя до сих пор считал. Правда, роль его была не совсем обычной. Он изображал ... труп убитого вельможи, над которым на сцене обливалась слезами Бернар. «Ну, кто еще может похвастаться столь великой жертвой богине Мельпомене? — шутивно хвастался он тогда. — Ведь я бросил на ее алтарь не только актерский талант, которого у меня, по правде говоря, маловато, но и саму свою жизнь!»

— Ваше Величество, — словно издали донесся до старого короля голос секретаря сэра Фредерика Понсонби, — с вами все в порядке?

— Разумеется, Понсонби. — Эдуард молодецкато выпрямился. Это

Эдуард в детстве и юности

далось ему не без труда — с утра он чувствовал симптомы сильной простуды, но решительно отказался нарушать регламент визита и пропустить поездку в оперу. Конечно же, весь этот кавардак и дым на сцене совсем некстати. «Впрочем, — не без юмора подумал он, — этому проклятому Сарданапалу не удалось-таки утянуть меня в преисподню вместе с собой».

В посольстве, куда его привезли из театра, он почувствовал себя немного лучше. Сидя на диване, беседовал с милой Дейзи, княгиней Плесской. И тут неожиданно приступ сильнейшего кашля буквально сотряс всю его тучную фигуру. Лицо превратилось в какую-то багрово-синюшную маску. Он не мог дышать. «Боже, он умирает», — пронеслось

в голове у княгини. Она попыталась расстегнуть крючки тугого воротничка его парадного мундира, но ей это не удалось. На помощь ей уже спешила королева Александра... Через несколько минут королю стало гораздо легче. Он с признательностью смотрел в большие голубые глаза склонившейся над ним супруги и слабо улыбнулся, подумав про себя: «По-прежнему добра, как ангел. И все еще дивно хороша. А ведь столько лет прошло ...»

Ему исполнился двадцать один год, когда родительское терпение окончательно иссякло. «Basta! — должно быть, воскликнула королева Виктория, в юности отдававшая дань увлечению итальянским языком и обожавшая оперы гениального Россини. — Художествам Бер-

*Эдуард с невестой —
принцессой
Александрой*

ти пора положить конец, его необходимо женить».

Дело это, однако, оказалось не таким уж простым. Строптивец выставил неперемное условие — он вступит в брак только по любви. А понравиться Берти было ничуть не легче, чем угодить другой упрямыце — принцессе Турандот из сказки Гоцци. Берти отвергал кандидатуры европейских принцесс с той же решительностью, с какой выбраковывал не оправдавших его надежд кобыл-трехлеток из своей конюшни. Королева уже начала терять всякую надежду, но тут случилось чудо. Ког-

да Берти представили дочери короля Дании, принцессе Александре, сердце его дрогнуло. Аликс была необычайно хороша собой, мила и простодушна. Своего жениха она полюбила с первого взгляда. Свадьба состоялась в марте 1863 года. Кстати, немного позже сестра Александры, принцесса Дагмар, вышла замуж за русского цесаревича, будущего императора Александра III. Ничего не скажешь, необычайно повезло дочкам датского короля Христиана, которые выросли в очень скромном достатке, сами шили себе туалеты, а во время зва-

ных обедов с милыми улыбками прислуживали гостям.

Если Виктория надеялась, что с помощью женитьбы ей удастся остепенить ветреного сына, то она очень ошибалась. Берти обожал Аликс, осыпал подарками и отнюдь не пренебрегал посещениями ее опочивальни. Однако его вольнолюбивой натуре эпикурейца было явно тесно в рамках морали, которую вскоре весь мир назовет именем его матушки.

Берти много путешествовал без жены. Его любовные приключения в Париже, Берлине, Стокгольме, Санкт-Петербурге становились притчей во языцех. Не стеснял он себя и в Лондоне. В 1870 году едва не стал соответчиком по делу о разводе некоей леди Мордаунт. Сия молодая дама сообщила своему супругу, что изменила ему с несколькими джентльменами, среди которых назвала имя принца Уэльского. Берти был приглашен в суд в качестве свидетеля. До него за всю историю Англии ни один наследник престола в таком качестве не выступал. Для Берти все закончилось благополучно. После деликатного выяснения обстоятельств знакомства и его отношений с леди Мордаунт (его проводил собственный адвокат принца) последовал заключительный вопрос: «Имели ли место какие-либо неподобающие фамильярные отношения или э-э... преступный акт между Вашим Высочеством и леди Мордаунт?»

— Нет, — решительно отвечал Берти, который, как всем было известно, сидя за столом с дамой, по-

зволял себе положить руку на ее колено. Впрочем, скорее всего, он говорил правду. Леди Мордаунт была истеричкой, а принц терпеть не мог неуравновешенных особ.

Милая Аликс, с самого начала их семейной жизни снисходительно относившаяся к «шалостям» мужа, и на этот раз лишь мягко пожурела его. Зато королева Виктория была вне себя от гнева. Берти и сам готов был признать, что порой его несколько заносит, но разве у него самого нет оснований обижаться на свою августейшую матушку? Его очень интересовали дела внешней политики. Он в совершенстве владел несколькими европейскими языками и лично знал многих глав иностранных держав. Неужели он не мог бы принести короне пользу в ведении некоторых деликатных переговоров? Однако матушка была решительно против. Резоны, которые она выдвигала, не выдерживали никакой критики. Он, видите ли, чересчур беспечен и способен самый секретный документ оставить на столе своего настержь распахнутого кабинета. По коридорам Виндзорского дворца или его собственного Мальборо-Хауса стаями рыщут шпионы иностранных государств. Чуть собачья! Он-то, Берти, знает, откуда ветер дует. Маме наговаривает на него Дизраэли. Лорд Биконсфилд вообще не очень высокого мнения об его, Берти, способностях, как-то даже назвал его «балаболкой». Диззи хорошо рассуждать. Но, а если тебе не доверяют мало-мальски серьезного

дела, поневоле будешь растрчивать себя в бесполезных разговорах и приятных глупостях. Впрочем, разве эти самые глупости, если подумать, и не составляют смысл жизни?

Да, дома, в своем Мальборо-Хаусе, он любил как следует поразвлекаться. Ничего зазорного в этом нет. На его «малых» неофициальных приемах всегда царило непринужденное веселье. Гости съезжали с лестниц на огромных серебряных подносах, как на салазках. В шуточных сражениях сифонами с содовой участвовала даже Александра. А однажды после веселого ужина он заказал оркестру кадрили из оперетты Оффенбаха «Прекрасная Елена» и на пару с герцогиней Манчестерской самозабвенно отплясывал канкан.

Да, он страстный охотник. В охотничьих угодьях его имений каждый год выращивалось около десяти тысяч фазанов. Обычно он приезжал туда с восьмью-десятью друзьями, как правило, неплохими стрелками. Впрочем, самые лучшие стрелки отказывались становиться рядом с ним, мотивируя это тем, что он якобы приписывает их добычу себе. Что ж, возможно, такой казус порой и в самом деле случался. Кто, черт подери, может с уверенностью сказать, чей выстрел поразил того или иного фазана или куропатку?

Ему приходилось охотиться не только на безобидных птичек. Во время поездки в Индию для него была устроена охота на тигров. Его и двадцать европейских спутников сопровождало двести слонов, двести

пятьдесят верблюдов, пятьсот носильщиков-кули. В первый же день охоты, восседая на специальном седле с балдахином на спине слона, Эдуард застрелил шесть тигров. Разумеется, он не остался в долгу у хозяев и пригласил представителей высшей индийской знати в Лондон, где встретил их с большой помпой. Махараджи были в восторге от принца. С тех пор он стал для них эталоном во всем, что касалось образа жизни и поведения. И разве только для них?

Он уже давно слыл законодателем мод среди самых взыскательных денди Европы. Разумеется, это требовало расходов. За его колоссальным гардеробом следили четыре специальных лакея. Меньше никак нельзя, невозможно было справиться с невероятным количеством одежды. Только головных уборов — цилиндров и шляп разных фасонов — насчитывалось около полутора сотен. Порой он переодевался до двенадцати раз в день. Самые модные портные Европы каждый год собирались в курортном Мариенбаде, когда Берти приезжал туда. Они старались рассмотреть и запомнить фасоны смокингов, фраков и сюртуков принца. Доходило до курьезов. Однажды он одевался в спешке и не застегнул последнюю пуговицу жилета. Это стало модой на несколько сезонов.

Берти любил повторять слова, сказанные о нем лордом Гренвиллом: «Нация любит принца Уэльского за то, что он обладает всеми не-

*Король Эдуард
и королева Александра*

достатками, присущими истинному английскому джентльмену».

При чем тут недостатки? Разве плохо, если манеры наследника престола считаются верхом изящества и хорошего тона? Да, ему старались подражать во всем. Порой просто обезьянничали. Видит Бог, он не в ответе за глупцов. Как-то его несколько дней донимали приступы ревматизма. Мучила боль в плече. Пожимая руки представителям дипкорпуса на приеме, он вынужден был делать это, прижав локоть к туловищу. Вскоре во всех великосветских салонах джентльмены во время рукопожатия в точности копировали его движения.

Женщины... Да, женщины всегда были его слабостью. И, пожалуй, са-

мым большим его увлечением стала Лилли Лэнгтри, Джерсийская Лилия, как ее порой именовали. Красота ангела сочеталась в этой даме с решительностью и силой валькирии. Честолюбивую дочь священника с острова Джерси не устраивала роль спутницы жизни безвольного наследника состоятельной купеческой семьи из Ольстера. С ее точки зрения, у Эдварда Лэнгтри было лишь одно достоинство — он являлся обладателем быстроходной красавицы-яхты. Собственно говоря, в нее-то Лилли и влюбилась. «Чтобы стать хозяйкой яхты, пришлось выйти замуж за ее владельца», — без тени смущения объясняла она позднее. Эдвард буквально трепетал перед женой.

*Королева
Александра*

Вскоре чета Лэнгтри переехала в Лондон, и Лилли с мужем стали приглашать в светские салоны. Мужчины без ума от красоты и обаяния Джерсийской Лилии. На одном из банкетов один молодой художник сделал карандашный набросок с нее, и уже через несколько дней репродукции с этого наброска появились в витринах самых модных магазинов. Дело в том, что с 70-х годов в Англии необычайную популярность приобрели открытки и фотографии, изображавшие элегантно одетых дам в изящных интерьерах. Их называли «профессиональными красавицами», и Лилли довольно скоро стала одной из самых популярных среди них. Она получала неплохие комиссионные от художников и фотографов. Лондон буквально сходил по ней с ума. Восторженные почитатели едва не бросались под копыта ее скакуна, когда она выезжала на прогулку в парк. Молодой писатель Оскар Уайльд восхищался ее красотой, вкусом и изяществом. Он дарил ей лилии по пенни за штуку — на большее у него не хватало денег. По его совету Лилли начала изучать латынь. Честолюбивый Оскар не прочь был воспользоваться знакомством и дружбой с Джерсийской Лилией в целях саморекламы. Интуиция подсказывала ему, что она многого достигнет. Что ж, он не ошибся...

Королева Виктория неторопливо шествовала по анфиладе покоев Букингемского дворца. В спальне своего младшего сына, принца Леопольда, она в недоумении остановилась

*Королевская
семья —
королева
Виктория,
Эдуард,
Александра*

у карандашного портрета молодой красивой дамы, заключенного в изящную серебряную рамку, и недовольным тоном спросила у сына:

— Что это?

— Это — портрет миссис Лэнгтри, мама, — ответил принц. Любитель изящных искусств пару недель назад приобрел портрет красавицы в лавке модной живописи на углу Солсбери-стрит.

Королева близоруко сощурилась, затем, придвинув стул к стене, взобралась на него и, внимательно рассмотрев картину, осторожно сняла ее с крючка. Картина полетела на пол, и лакей немедленно унес ее куда-то.

Однако решить проблему Лилли столь нехитрым способом королеве

не удалось. За несколько дней до ее визита к Леопольду портрет попался на глаза Берти, а это было уже серьезно.

Знакомство Лилли и принца состоялось в доме его друзей. Берти был избалован вниманием самых привлекательных женщин, но Лилли покорила его не только своей красотой, но и сильным независимым характером. Они скоро стали любовниками. На стене роскошного особняка, который он ей выстроил, Лилли приказала сделать надпись: «Они говорят ... Что они говорят? Да пусть говорят ...»

Джерсийская Лилия была первой любовницей принца, с которой он публично появлялся в лондонском свете. До того он никогда не афиши-

Алиса Кеннел

ровал свои амурные связи. Удивлявшая всех своей терпимостью Александра даже приглашала Лилли отужинать на борту королевской яхты «Осборн». Сама великая Виктория, которой ничто человеческое не было чуждо, пожелала взглянуть на женщину, завоевавшую сердце ее сына, и Лилли была официально представлена королеве в Виндзорском дворце. В роскошном вечернем платье со шлейфом длиной почти в три метра, она присела в реверансе перед королевой, восседавшей на троне. И хотя Виктория не удостоила любовницу сына ни единым словом, ни даже слабым подобием улыбки, та расценила эту сцену, как свою победу.

Берти тоже был доволен. Правда, после приема он добродушно

*Лилли Лэнгтри,
«Джерсийская Лилия»*

заметил: «Все было превосходно, но с плюмажем ты все-таки переусердствовала». Лилли знала, что старая королева терпеть не может маленькие страусиные перья, но несколько переборщила, выбрав для своего головного убора поистине гигантские перья.

Их связь продолжалась почти три года, для Берти уже рекорд, но Лилли отлично понимала, что этот роман бесконечно длиться не может. Следовало подумать о будущем. Толчок к этим мыслям ей подали гастроли в Лондоне Сары Бернар. Именно тогда у Лилли и появилась мысль повторить успех великой актрисы. Между тем в ее личной жизни также произошли изменения. Принц познакомил ее со своим племянником, князем Луи Баттенбергом, обаятель-

ным офицером королевского военно-морского флота. Луи страстно влюбился в красавицу. Она тоже не осталась равнодушной к нему. Но оба вели себя так осмотрительно, что об этой связи почти никто не догадывался. Кроме Берти, разумеется. О, у него всегда был особый нюх на такие дела, но мелочная ревность не в его характере. Зато Эдвард Лэнгтри, который не мог помешать роману супруги с принцем, наотрез отказался дать Лилли развод, чтобы она вышла замуж за Луи.

Как бы то ни было, но в марте 1881 года Лилли родила девочку и назвала ее Жанной. Оставив дочь со своей матерью в Джерси, она приступила к осуществлению своих театральных проектов. Огромная энергия и честолюбие, а также дружеская поддержка Берти, с которым у Лили сохранились теплые отношения, хотя они уже больше не были любовниками, помогли ей достаточно быстро добиться успеха на новом поприще. У нее была своя труппа, с которой она гастролировала сначала по Англии, а потом и Соединенным Штатам. И пусть у Лилли не было настоящей профессиональной школы, публика валом валила в театры, чтобы взглянуть на женщину, которая покорила сердце принца Уэльского.

Берти продолжал следить за перипетиями жизненного пути Джерсийской Лилии. До него доходили слухи об ее романах. После молодого американского миллионера Лилли стала любовницей баснословно бо-

гатого шотландца Джорджа Бэйрда. Тот осыпал ее драгоценностями, купил ей роскошный особняк. В общем, это в порядке вещей, так же поступал и он сам, Берти. Но у этого Бэйрда был достаточно необычный для джентльмена недостаток. Все женщины, которые становились его любовницами, страдали от его рукоприкладства. Шотландский дикарь! Не стала исключением и Лилли. Ему, Берти, рассказывали, как однажды знакомый застал ее дома с внушительным синяком под глазом. «Нужно очень любить мужчину, чтобы позволить ему такое», — заметил гость. «Да я терпеть его не могу, — холодно ответила Лилли, — просто после каждой выволочки он дает мне чек на очень крупную сумму, а однажды подарил даже яхту».

Берти хохотал до слез. Да, Лилли, как и сам он, по-прежнему обожает яхты. Впрочем, в последнее время он остыл к этому благородному увлечению. И виновником стал не кто иной, как его племянник Вильгельм. Все началось с того, что королева как-то присвоила Вилли звание почетного адмирала британского флота. Этот позер тогда воскликнул: «Не могу выразить, как я благодарен Вам, бабушка! Иметь право надеть мундир, который носил великий Нельсон, для меня огромная честь». Должно быть, этот самовлюбленный фанфарон и в самом деле возомнил себя Нельсоном. Он стал позволять себе давать Берти советы относительно организации регат королевского яхт-клуба, куда, кстати,

сам попал по рекомендации дяди, и, поставив себе целью победить Берти, добился этого. Его «Метеор» дважды приходил к финишу первым, оставив позади «Британию», которой командовал принц Уэльский. Принц в сердцах поклялся никогда больше не участвовать в регатах, и обещание свое сдержал. Его личные отношения с Вильгельмом вообще оставляли желать лучшего. Заносчивый кайзер всегда стремился продемонстрировать свое превосходство над дядюшкой.

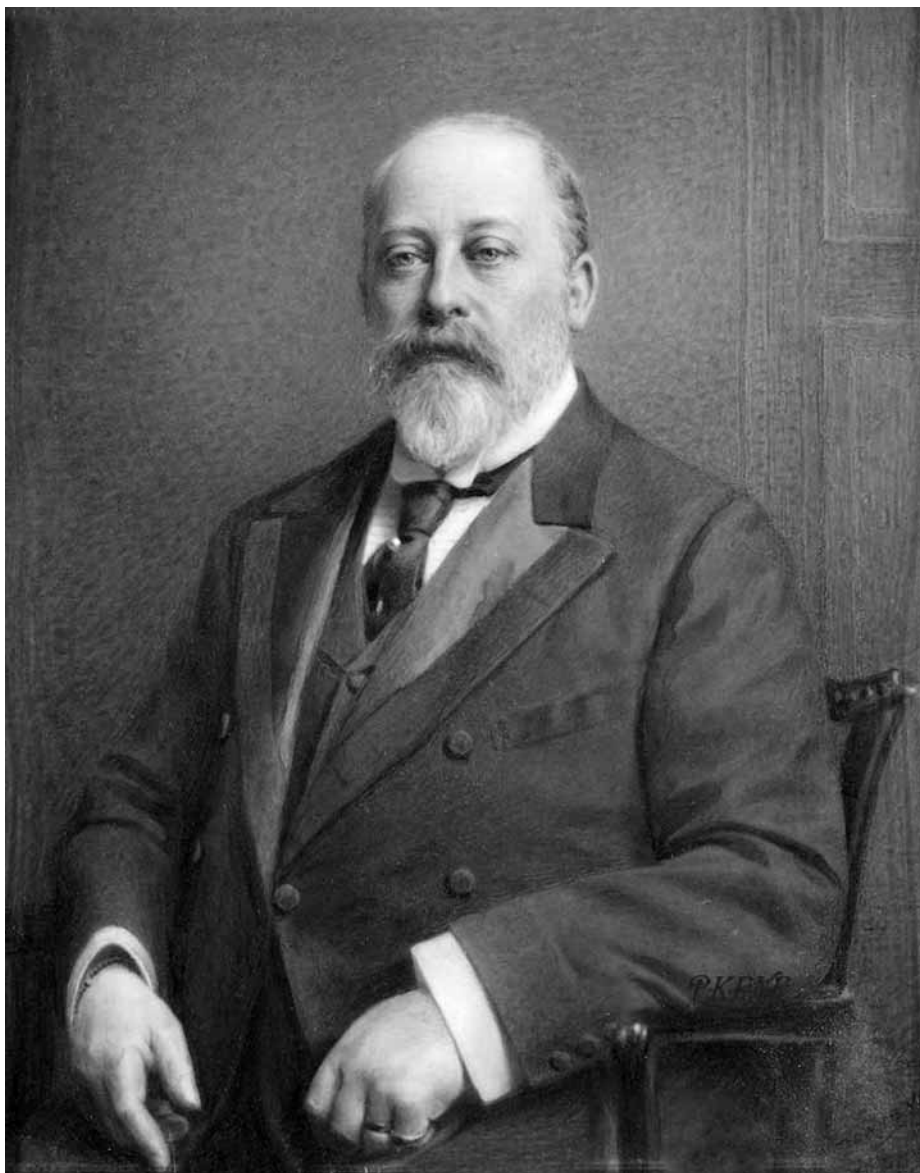
Не очень сердечными были и отношения принца с русским императором Александром III, хотя оба они были женаты на родных сестрах. Зато сына Александра, Николая II, Берти искренно любил. «Милый Ники» — иначе он его не называл. Когда Николай страстно влюбился в принцессу Аликс, дочь родной сестры Берти Алисы, принц принял горячее участие в сватовстве своего любимца. На их бракосочетании, состоявшемся в конце 1895 года в церкви Зимнего дворца, он присутствовал в качестве свидетеля со стороны невесты. Церемония была довольно скромной, поскольку незадолго до этого скончался Александр III. На его похоронах принц Уэльский также присутствовал.

В 1908 году, уже в качестве короля, Берти вновь посетил Россию. Опасаясь террористических актов, встречу решено было провести в Ревельской бухте. Все происходило в сердечной, можно сказать, семейной атмосфере. Не обошлось и без ку-

рьефов. Однажды вся компания собралась на яхте Николая II «Полярная Звезда». Мимо проходил пароход, на палубе которого находился хор, громко исполнявший русские песни и романсы. Кто-то из англичан выразил опасение, что среди хористов может оказаться террорист — бомбист. «Не волнуйтесь, господа, — успокоил их русский министр полиции, — всех певцов предварительно раздели донага и обыскали». «Как, и женщин тоже?» — ужаснулись англичане. «Разумеется», — последовал невозмутимый ответ.

За семь лет до этого приезда в Россию Берти после смерти матери, королевы Виктории, вступил на престол Британской империи под именем Эдуарда VII. О, да, он был уже не молод, как-никак, пятьдесят девять лет, но от привычного образа жизни отказываться не собирался. Король, как и прежде, обожал охоту, путешествия, дамское общество. Он расстался со своей прежней официальной любовницей, леди Брук, которая не на шутку увлеклась социалистическими идеями Карла Маркса. «Общества развиваются, дорогая, они не создаются», — тщетно старался переубедить ее король. А вот новая пассия Берти, красавица и умница Алиса Кеппел, оказывала на него столь благотворное влияние, что даже супруга Эдуарда, королева Александра, искренне восхищалась ею. Алиса почти всегда сопровождала короля в его поездках, но и ей самой довольно часто приходилось закрывать глаза на его «шалости». Несмо-

*Эдуард VII,
Берти*

тря на возраст и тучность, жизнелюбивый монарх сохранял завидную активность. В Мариенбаде, куда король ездил на отдых, агенты охраны нередко заставляли его с дамами в укромных уголках леса, а беспорядок в их туалете говорил о многом.

Эдуард был первым английским королем, который любил с ветерком прокатиться на автомобиле. Правда, сам он за руль не садился — сказывался возраст. Ему принадлежали два «мерседеса» и «рено». Нередко

автомобиль, в котором находился король, развивал скорость до 85 километров в час. Совсем неплохо для 1903 года!

Последние годы жизни король страдал от частых бронхитов, приступов мучительного кашля и одышки. Он сильно сдал, но мужественно боролся с недугом. Скончался Эдуард VII в Букингемском дворце 6 мая 1910 года, примерно год спустя после его визита в Берлин, с которого и началось это повествование. □

Нина Толованова

Счастье жизни

Печальные осенние туманы
Укрыли землю плотной пеленой,
Как будто бы залечивают раны,
Оставленные вовсе не войной.

Мне сердце мучает вопрос упорный,
Ну почему опять несчастна Русь?
Поля, заросшие травой сорной,
В душе рождают стойкий страх и грусть.

Чьи наши земли, кто на них хозяин?
Владелец кто лесов, полей и рек?
И как простой растерянный селянин
Сумеет выжить в этот странный век?

Причудой стал крестьянский труд в деревне,
Не слышно ни коров, ни бляенья овец,
И сохраняются ли заветы предков древних,
Что на земле хозяин — сеятель и жнец.

Все кажется, рассеются туманы,
Заколятся хлебные поля.
Не виртуальной сказкой и дурманом,
А счастьем жизни зацветет земля!

Забывтый ритм

Когда купаюсь в полную луну,
страх глубины уходит
в глубину.
Ее дыханье плавно и легко —
потоки изумрудных пузырьков.
Оставленный фонарик
на камнях
зовет назад, лучом вонзаясь
в гребни.
Я взят в полон какой-то силой
древней,
и воля волн не выпустит меня:
закружит, укачает, усыпит.
Не ощущая веса и значенья,

я растворюсь, как в молоке
печенье,
хрустящее и крепкое на вид.
На небе пляшет маятник Луны,
баюкая знакомой амплитудой
из детства, из далекого,
оттуда,
где даже сны в созвездиях иных.
И выплеснула памяти река
забывтый ритм единства и покоя.
Я знал его, я вспомнил
что такое: —
блаженно спать у мамы
на руках.

Подарок

Забывал про обиды и боли
на коленях отца сорванец,
когда слушал, как в полк дальнбойных
прибыл младшим сержантом отец.
Прошагав всю войну у орудий
через слякоть разбитых дорог,
налегал на колеса грудью,
когда транспорт тянуть не мог.
И залив страх наркомовской водкой,
видя танков прорвавшихся ряд,
бил, не струсив, прямой наводкой,
досылая в казенник снаряд.
Тлел закат над Пантерой чадящей,
в ковыле остывали друзья,
он хрипел их теням уходящим:
«Ведь не зря же все, братцы, не зря!»

От усталости, горечи, гари
разъедало до боли глаза,
и на две боевые медали
каплей пота упала слеза,
сорвалась пацану на макушку
сквозь проталину прожитых лет.
«Пап, купи мне, пожалуйста, пушку!»
«Я куплю тебе... Велосипед.»

Снежное

1

Три ели за моим окном
венчают звезды на макушках,
мерцая в качестве ином
как новогодние игрушки.
Венера, Сириус и Вега —
гирлянда, космоса огни,
январь, явившийся без снега,
собой украсили они.
Я нарисую на окошке:
снеговичка, снежки в лукошке,
вокруг снежинок кутерьма...
Ну вот, пожалуйста, зима!

2

Невзирая на прогнозы,
на крещенские морозы,
рассыпался снежный дар,
плыл над миром, оседал.
Странный след на тротуаре —
в голубом бредет муаре
в меру трезвый человек
и губами ловит снег,
и глазами шарит нежно:

В моих руках было нечто большее — кнопка электропитания компьютера. Нажав на нее, я мог вообще стереть этот выдуманный мир и забрать с собой его кукловода и бога — моего сына.

Правда, ненадолго и недалеко. Всего лишь на кухню, поесть. Но было это совсем не просто.

В нашей жизни с Артемом все было не просто.

Ему шел тринадцатый год. У него не было матери. Он ходил в самую престижную гимназию города. Получал там только высшие балы. И кроме виртуальных друзей — таких же, как он, завсегдадаев сети, которых знал лишь по «никам» и с которыми постоянно «чатился» на каком-то не известном науке языке во время очередной вымышленной баталии, — ни с кем не общался.

Последний год мы жили вместе. И в свои сорок с небольшим я чувствовал себя рядом с ним каким-то питекантропом, выползшим из тьмы веков. И вовсе не из-за возраста. Мы просто были людьми разных эпох.

Я был из той, где с фонариком под одеялом неокрепшие детские умы впитывали из книг, добытых у друзей только на одну ночь, романтику приключений благородных разбойников и королевских мушкетеров. Где с азартом, достойным лучшего применения, мы гоняли в футбол на заднем дворе дома. Где тайком от отцов — с их же снастями — сбегали из дому на реку в ночную рыбалку. Где были коньки, криво стоявшие на льду при первых неуверенных движениях. Где строились снежные крепости на полдвора. Где лазанья по крышам гаражей считалось подвигом, а драки с соседскими мальчишками обычным делом. Где ныряния с разбегу в холодную протоку реки, так, что захватывало дух, награждалось потом жаром летнего раскаленного песка на мокром загорелом теле.

Да мало ли чего еще я мог бы припомнить из своего такого далекого, казалось бы, детства.

Но Артему это было не нужно. Вот если бы я мог с ним обсудить преимущества и недостатки управления камерой в последней части «World of Tanks» или подсказать, как лучше «разогнать» его «винт», чтобы он «не вис» в самый не подходящий момент! Тогда, возможно, я еще как-то бы оправдал свое существование в его глазах. Но...

Мы родились с ним на одной земле, но той страны, в которой вырос я, больше не существовало. Мы будто говорили на разных языках, и я не мог поведать ему ничего из того, что знал и любил в его возрасте, и тем самым хоть немного поднять свой авторитет в глазах сына.

Да, и сыном он мне, собственно, не был.

Я встретил его мать в 77-м.

В свои двенадцать. Летом, в пионерском лагере.

Был день заезда, и шел дождь. Мои родители, сдав меня на руки пионервожатой, бодро улыбнулись из окна рейсового автобуса и укатили обратно в город. Вожатая, чтобы не мокнуть под дождем, унеслась в корпус. Конечно, она была уверена, что я следую за ней. Но с набитым до отказа отцовским рюкзаком на плечах я, в любом случае, не мог быть столь подвижен, к тому же меня отвлек автомобиль. Он только что подъехал и картинно развернулся на площадке перед воротами лагеря. От его вида я просто прирос к месту.

Это был не привычный «Москвич» или «Жигули», и даже не «Волга». Я видел такую машину один раз в журнале «Наука и жизнь», который выписывал отец. Звалась она по-иностранному «Мерседес-Бенц». Начитавшись «Графа Монте-Кристо», я уже знал это имя — Мерседес, и «Бенц» мне казалось ненужным дополнением, портившим мои впечатления, как от романа, так и от машины.

Пока я с восторгом взирал на лакированные темно-вишневые бока и хромированные детали этого чуда техники, его задняя, ближайшая ко мне, дверца распахнулась, и две девчоночьи ноги в белых гольфах и светлых сандалиях смело ступили в ближайшую лужу. За ними последовал довольно увесистый чемодан, и, наконец, вся обладательница столь несметных сокровищ оказалась под властью немилостивой в этот день природы. Едва она захлопнула за собой дверцу, машина рванула с места. Ее родители, так же, как и мои, не очень-то церемонились при прощании, полагая, видимо, что заезд их чад в лагерь — это именно тот случай, когда надо проявить всю свою родительскую суровость, дабы не дать нам ни малейшего повода вымолить возвращение домой.

А мы и не помышляли об этом. Мы просто уставились друг на друга.

Ее русые длинные, распущенные по плечам волосы моментально намокли. Струйки дождя стекали по загорелому лицу, на котором заблудилось несколько веснушек. Голубые глаза, обрамленные мокрыми темными ресницами, смотрели смело и весело.

И я улыбнулся в ответ.

Потом снял с себя рюкзак, достал из него мятую, но сухую штормовку и, все еще глупо улыбаясь, шагнул к девчонке. Вряд ли ее кто-нибудь уже учил принимать знаки «мужского внимания». Поэтому мы, как привязанные, еще пару минут мокли под дождем, улыбаясь друг другу, пока она первой не произнесла:

— Привет, я — Женя.

— Сашка, — почему-то хрипло ответил я и, наконец, растянул над нашими головами уже изрядно промокшую штормовку.

Так, под этим импровизированным зонтом, сталкиваясь время от времени при обходе луж лбами, мы притащили в отряд наши промокшие тела и нехитрый скарб. И сразу попали под заботливые причитания вожатой, бросившейся растирать нас сухими полотенцами, и под шумный восторженный интерес остальных ребят, которые, оказывается, все это время наблюдали за нами из окон и непременно желали знать, чего это мы так долго торчали под дождем.

А потом девчонки стали расходиться по комнатам. Женя, уходя, остановилась в дверях и оглянулась. Наши взгляды опять встретились. И я понял, что погиб. Навсегда.

Артем, наконец, закончил миссию. Что-то прошелестел своим соратникам по борьбе и примчался на кухню подкрепиться. Я к этому времени дошел до чая и уже не тешил себя надеждой его увидеть.

— Папа, сколько раз я просил тебя не влезать, когда я играю?! — начал он с порога. — Ты понимаешь, что я не один? Мы — команда. Кругом враги. Если я отвлекаюсь — гибну! А затем и все остальные. Ну, и что, по-твоему, я потом выслушаю?! — Он уселся за стол, налил себе суп и начал есть.

— А как насчет реинкорнации? — Я постарался вложить в вопрос весь свой сарказм.

— Что это? — не понял он.

— Ну, ты ведь каждый раз возрождаешься после выключения «компа» или «бага проги»?! — Я пытался использовать его язык, но сам ощущал, как смешно при этом выгляжу.

— Па, не будь «ламером»! Ты что, не понимаешь?! Одно дело, когда ты попрощался и вышел, и совсем другое — гибнуть как последний «чайник» только потому, что тебя предки берегут.

— Чего мне действительно не понять, — вздохнул я, — так это того, как можно так легко отдавать свою жизнь.

— Совсем не легко, папа! — кипятился Артем. — Мы боремся. Уничтожаем противника. Раненые лежим в госпиталях. Выздоровливаем и снова в бой. О, меня очень нелегко уничтожить! Я почти универсальный солдат! Еще одна-две компании — я получу платиновую защиту и стану недостижимым для пехоты противника. У меня уже...

— Я не о том, Тема. Ты и твои друзья по сети очень легко расстались с нечто более ценным, чем то, что им может предложить взамен пусть и мировая, но все-таки паутина.

— И что же это такое ценное, мой «корневой каталог»? — По тому, как он меня назвал, я понял, что он начинает злиться. Он всегда, когда нервничал, сыпал сленгом. Хорошо, что в этот раз я не стал каким-нибудь «аплинком» или «сисопом».

— Ну, знаешь ли, есть такая штука на свете. Она называется — жизнь. Настоящая, реальная... Вон там, за окном! И мне кажется, ты к ней не готов. Ты и твои друзья по сети просто отдали свое «я» виртуальному миру. Но живешь-то ты в этом, реальном! Заметил, как ты уже говоришь: «Я — универсальный солдат»? А если завтра весь мир по ту сторону монитора рухнет, взорвется, канет в небытие, что будешь делать ты? — Я уже сам начинал закипать. — Как ты будешь жить без всех этих эмуляторов? Что сам ты, реальный, можешь? Какие чувства можешь испытывать? Ты, привыкший вырабатывать в себе лжеадреналин! Как ты будешь общаться? Дружить? Любить? Заводить детей, в конце концов?! Здесь, в этом мире, нет клавиши Backspace/возврат. Нельзя ничего вернуть и переиграть, понимаешь?! Никаких помарок! Все! Чистовик!

— Как ты мне надоел со своими нотациями! — медленно поднялся Артем. — Лучше бы я оставался в детдоме! Там хоть никто не приставал — играй, сколько хочешь! Хоть всю ночь! Нет ведь, отыскался! Папаша! И, вообще, кто ты такой? Ты мне — чужой человек! Я тебя знаю всего год! А где ты раньше был? Почему у меня одиннадцать лет не было отца?! — На глазах его навернулись слезы, и он выскочил из кухни.

Я вышел на балкон и закурил. Сигарета в руке дрожала.

Действительно, где был я?

Женя погибла в авиакатастрофе.

Два года назад самолет ее американского друга, пересекая Атлантику в сороковых широтах, наткнулся на зарождающийся ураган, который прозевали синоптики. Пилот пытался сесть на какой-то пустынный скалистый остров, подвернувшийся по дороге, но, как заключила комиссия, расследовавшая катастрофу, не справился с управлением.

С настоящим отцом Артема — Ричардом, тоже, кстати, американцем, Женя не прожила и года после пышной свадьбы на двух континентах, которую я проигнорировал, хоть и получил приглашение на церемонию и здесь, и в Америке.

Ричард был старше ее на восемь лет. При разводе он не счел нужным обсуждать вопрос о материальном обеспечении своей бывшей жены, а Женька была слишком горда, чтобы претендовать хоть на один цент от человека, который жестоко ее разочаровал. Но «дебет сошелся с кредитом»

в том, что она ничего не сказала ему о ребенке, которым к тому моменту была беременна уже третий месяц. Хотя и знала, что Ричард мечтал о сыне.

И вот она, гражданка США, просто прилетела рожать домой, к маме. И позвонила мне.

Мы не виделись десять лет. Со школы. Когда я снял трубку, то даже не поверил, что слышу ее голос. Но по тому, как мгновенно мой лоб покрылся испариной, и стало нечем дышать, я понял, что это не галлюцинации, и звонит действительно Женя. К тому времени я уже давно смирился с мыслью, что не «герой ее романа», но по-прежнему при звуках этого голоса с моей вменяемостью начинались проблемы.

«Слышу, что узнал», — сказала она, смеясь после моих первых невразумительных «пык-мыканий», и попросила меня побыть, как она выразилась, «ее подружкой по прогулкам», так как им, беременным, нужно много дышать свежим воздухом.

И я стал ходить с ней, точнее — уже с ними, на прогулки по вечерам. Почти каждый день. Все эти — самые счастливые в моей жизни — полгода, пока она не родила. Со стороны нас можно было принять за семейную пару, ждущую первенца.

Мы много болтали. Пересказали друг другу все, что с нами произошло за эти долгие годы. Я слушал об ее американском быте, о бывшем муже, о новых планах. Она не собиралась возвращаться. Ее ничто больше не связывало с этой страной. Отец умер, а маму она собиралась уговорить пересечь океан.

Вспоминали детство, приключения, старых друзей, жизнь в лагерях. Так сложилось, что после того памятного заезда наши родители, навещавшие нас в лагере по выходным, познакомились, и мы, можно сказать, стали дружить семьями.

Мне это ужасно нравилось, так как учились мы с Женькой в разных школах. Но совместные праздники, дни рождения и вылазки на природу позволяли мне с ней видеться довольно часто. А летом нас на месяц непременно отправляли вместе в один лагерь или возили к морю.

Я был просто ее другом, пажом, вассалом, ее рыцарем без страха и упрека, и ни разу за эти годы ничего не сказал о чувствах. Я считал, что это и так достаточно очевидно. К чему пылить словами.

А потом, в десятом классе, я встретил ее на дискотеке с каким-то парнем. Они целовались во время медленного танца. И я полез на него с кулаками. Орал что-то невразумительное, перекрикивая музыку. Завязалась общая драка. Школа пошла на школу. Короче, вечер удался, но я его закончил в отделении милиции. Откуда часа через два Женька умудрилась меня вытащить. Под «честное комсомольское» и без вызова родителей.

Взъерошенные первым непониманием, возникшим между нами, мы брели с ней домой по темным улицам, и, кривясь от боли в рассеченной губе, я, наконец, объяснился в любви, припомнив и первый пионерский лагерь, и «Мерседес», и дождь.

Она долго молчала, а затем тихо, как бы про себя, спросила:

— Что же ты молчал все это время?

— Я думал, ты... чувствуешь.

— Что я должна чувствовать?! Что мы росли вместе? Что знаю тебя как облупленного? Что ты миллион раз видел мою помятую после сна физиономию или слезающую после загара кожу? Ты даже помогал мне ее сдирать там, где я не достаю! Или мой красный простуженный нос зимой? И при этом ты еще умудрился сохранить с шестого класса то романтическое увлечение?! Ты — мой друг детства. Я... Я... не смогу тебя полюбить.

Как ни странно, но я стойко принял этот удар. Наверное, чувствовал, что все уже давно решено. В напряженном молчании мы дошли до ее дома. Остановились у подъезда.

— Послушай, Жень, я действительно для тебя только друг? Может, у меня все же есть хоть какой-нибудь шанс?

Она озорно рассмеялась и взъерошила мне волосы.

— Ну, Шурка!.. Не грусти!.. Шанс есть всегда и у всех. Даже друг детства не безнадежен. Но тогда ему нужно что-нибудь совершить... Этакое... Открыться с новой стороны, впечатлить. — В ее глазах вдруг блеснул хитрый огонек. — Например... получить Нобелевскую премию!

Я мучительно и долго переживал ее гибель.

Мысль о том, что ее нет во Вселенной, сводила меня с ума. Тупая боль, поселившаяся где-то под ребрами, не давала мне жить. Я не мог ни спать, ни есть, ни с кем-либо говорить, а просто часами сидел, уставившись в одну точку.

Пытаясь заглушить эту боль, я впал в пьянство. Забросил свою дизайнерскую студию, которую мы открыли с институтским приятелем Олегом. Бизнес процветал. Фирма занималась дизайном салонов самолетов и имела многолетнюю устойчивую репутацию, как у частных лиц, так и у больших компаний. Видимо, только благодаря этой репутации и усилиям Олега, проявившего чудеса дипломатии, разъяренные клиенты, у которых гибли все планы, не разнесли нас по частям.

Ирония судьбы заключалась в том, что салон самолета, в котором разбились Женья и ее парень, спроектировал лично я. За полгода до трагедии. Сделал это маленькое пространство стильным и функциональным. Вло-

жил в него всю душу. Учел ее вкусы, пожелания, пристрастия. От этого было еще больнее.

Потом на мое пьянство наложилась другая крайность. Я начал искать смерти. Причем, мне обязательно хотелось умереть, как она: упасть в самолете в океан. В то время меня часто можно было встретить на международных авиалиниях, где еще в duty free я напивался до положения риз, садился в кресло, летел в какое-нибудь Гонолулу и молил небо о катастрофе.

Но ничего не происходило. И я, как заговоренный, прибывал в места назначения без единой царапины. Устраивал пьяные дебоши в местных гостиницах и летел дальше.

Все это с переменным успехом продолжалось около года. Пока в один из прилетов в аэропорт родины меня не перехватил Олег и не поведал, что Артем, десятилетний сын Жени, почти сразу после гибели матери попал в какой-то детдом. Сердце его бабушки, которая так и не «пересекла океан», и у которой он гостил тогда, просто не выдержало. А из Америки за ним никто не прилетел.

Это известие вывело меня из программы саморазрушения.

Я выпался, отрезвел, перестал себя жалеть и, почувствовав маломальское облегчение, поехал по детдомам искать Артема.

Нашел его почти сразу.

В первую минуту просто задохнулся, когда увидел, как он похож на Женю.

И, конечно, что мог сказать брошенному ребенку внезапно возникший из небытия хмурый серый дядька со слегка дрожащими после пьянки руками, как не то, что он его отец.

Персонал детдома и сам Артем, когда убедились, что я не так безнадежен, как выгляжу, несказанно обрадовались, осознав, чем им грозит мое внезапное появление.

«Подросток просто неуправляем», — причитали в унисон воспитатели и учителя. Действительно, им было трудно найти с ним общий язык. Он не привык к коллективной муштре и дисциплине. Его первые годы прошли в атмосфере свободы и невмешательства в личную жизнь.

Материальное благополучие семьи, визы многих стран мира в его американском паспорте, самые последние изобретения в детской игрушечной индустрии и домашний компьютер, ждавшие его в личной комнате, где-то там, за океаном, о чем он постоянно рассказывал, — все это просто злило окружающих. Для них он был буржуем и чужаком.

Как это сейчас принято, при общей нищете и запустении, в детдоме имелся компьютерный класс. Евроремонт, новую мебель и подключение

к Интернету обеспечили какие-то спонсоры. И Артем просто погряз в сети, чем установил шаткий паритет перемирия: его не трогали, и он в ответ вел себя вполне сносно, то есть не «качал права», не фыркал в столовой и не затевал драк по всяким пустякам.

Я докурил последнюю сигарету из пачки...

Когда выходил на балкон, она была почти полной. Вернувшись на кухню, сварил себе кофе, сел и занялся самокопанием. Я представил себя в виде толстого сатрапа-полицейского времен царской России, который держит в страхе весь околоток и ущемляет права и свободы граждан. «Граждане», правда, в столь поздний час уже мирно видели десятый сон. И, скорее всего, о своей «платиновой защите»...

Я сам купил ему этот «комп». Почти сразу как забрал из детдома. Пытался наладить отношения. Подлизывался. Да и вообще, просто жалел. Он ведь был сыном Жени.

Сам еще не до конца отошедший от переживаний, повинуюсь первому порыву, я взвалил на себя непосильную, как мне теперь казалось, ношу — чужого ребенка. Какой из меня отец!

Самобичевание кончилось тем, что далеко за полночь я на цыпочках вошел в комнату Артема, тихо собрал компьютер и периферию, вынес все это к себе в кабинет и запер.

Утром, попросив нашу домработницу Дору ни под каким предлогом не открывать мой кабинет и внутренне съежившись от мысли, какой скандал Артем закатит бедной, ни в чем не повинной женщине, я поехал на работу.

Примерно на пятом светофоре я понял, что работать не смогу, зная, что Дора, одинокая и немолодая, привязавшаяся за этот год к Артему и души в нем не чаявшая, опять, скорее всего, пойдет ему на уступки. Артем, тонко чувствовавший отношение к себе окружающих, всегда знал, в каком случае и каким методом добиться от нее поблажек. Вдвоем они довольно часто составляли коалицию против меня, отчего все мои воспитательно-педагогические теории, почерпнутые из умных книг, терпели на практике неизменный крах.

Набрав Олега и заявив ему, что на неопределенное время бастую, а также выслушав все эпитеты в свой адрес, пришедшие ему на ум в этот момент, я развернул машину и поехал в сторону ближайшего супермаркета. Там я поверг в шок продавцов и болтающихся без дела менеджеров, купив в пустынном магазине не пол-литра на опохмелку, как они, видимо, ожидали, а два складных горных велосипеда.

Дома царил бедлам.

В холле на полу валялись одежда и книги, вытряхнутые из шкафов и антресолей. Чувствовалась рука мастера, перерывшего пожитки в поисках любимой игрушки. Через незапертые двери та же картина наблюдалась и в других комнатах первого этажа. Голоса — возбужденный Артема и увещательно-рассудительный Доры — доносились со второго. Увлеченные пылом борьбы за дверь моего кабинета, они не слышали ни моего прихода, ни скрипа ступеней деревянной лестницы, по которой я к ним поднялся.

Дора стояла ко мне лицом со шваброй наперевес и защищала последнюю, не павшую под поисковым вандализмом, комнату, уверяя Артема, что ключа от этой двери у нее нет. Он, конечно, ей не верил и стремился подобраться к двери поближе, не переставая при этом и грозить Доре, и уговаривать ее одновременно.

Когда я возник на лестничной площадке перед ними, до рукоприкладства ни с той, ни с другой стороны пока не дошло, но, судя по выражениям их возбужденных лиц, оба были не далеки от этого.

— Ну-ну... — откашлялся я.

Дора, увидев меня, вздохнула с облегчением и опустила швабру. Артем, стоявший спиной, резко обернулся и бросился ко мне:

— Папа, отдай мне, пожалуйста, «комп»! Он нужен мне именно сейчас! — В его глазах сквозило какое-то отчаянье. — Понимаешь, мне срочно надо отослать письмо!

— Я-то понимаю... — протянул я. — Но...

— Никаких «но»! Если ты сейчас же это не сделаешь, я... я ... я возвращаюсь в детдом!!!

Повисла тишина.

Кажется, он и сам испугался, того, что сказал. Дора же с надеждой посмотрела на меня, уверенная, что в этот раз, как и во все прочие, я сдамся под напором юного варвара и уступлю. Подумаешь, компьютер! Не отсылать же мальчика за это увлечение назад в детдом! Он и так, бедняжка, столько настрадался!

Я не часто прислушиваюсь к своей интуиции. Вернее, я был бы рад ее хоть иногда послушать, но, к сожалению, в большинстве случаев она дремлет. Но в этот раз, как исключение из правил, мой внутренний голос прорезался очень четко и возвестил мне, что это один из тех редких моментов, когда мне обязательно надо выдержать характер. Поэтому, оставив в стороне все эмоции, я спокойно сказал:

— Что ж, значит, так и будет. Собирай вещи. Я — в машине. Письмо пошлешь по пути, из интернет-кафе.

«Jeer» въехал на пригорок, и взору открылся восхитительный вид.

Вдоль дороги, до самого горизонта, по холмам тянулись бескрайние поля золотящейся под солнцем пшеницы. В это золото, как изюм в пудинг, вляпались островки зелени, обозначающие хутора и деревни. Там, где-то дальше к югу, под одним из холмов, по берегам ручья, растянулась деревушка, в которой я довольно часто бывал в детстве. Десяток домов и одна ферма — вот и все архитектурные изыски. Дом моей бабушки стоял несколько в стороне от них, на пригорке. Тишь и покой этих мест очень любили мои родители.

Я не был здесь около двадцати лет. Вроде, и не далеко, но все как-то недосуг, все как-то не по пути.

Оказалось, что «в живых» осталось только два дома, в середине деревни. Они подслеповато щурились через ручей друг на друга просевшими до земли окнами. Возле одного из них на сухой березе в раскидистом гнезде сидели аисты. Еще несколько домов, среди которых и дом бабушки, стояли с позеленевшими ото мха крышами и выбитыми стеклами. От остальных же не осталось и следов, если не считать густых бурьянов, как-то особенно выделяющихся на местах бывших подворий.

Щемящее чувство ушедшего безвозвратно времени, а, может быть, и самой жизни, простиралось над всем этим запустением. До горизонта.

Я тихо подкатил к знакомому с детства двору.

— Где мы? — Убаюканный дорогой, Артем проснулся от прекратившейся качки и с недоумением оглядывался вокруг.

— Это дом моей бабушки. Здесь прошли не худшие годы моей жизни. Выходи, дитя асфальта, подышишь свежим воздухом.

— Вот еще! — фыркнул он, уютнее усаживаясь в том гнезде, что свил себе на заднем сиденье автомобиля из своей куртки и пакетов с вещами.

Когда мы выехали из города по направлению к детдому, я имел твердое намерение доставить его прямо к воротам этого учреждения. Правда, что делать потом, я еще не придумал. Конечно, никто не собирался сдавать его назад, но Артему об этом знать было не обязательно.

Он сам разрешил мои сомнения, просто заснув по дороге, и я, неожиданно для себя, свернул в противоположную от детдома сторону. Когда километров через пятьдесят по пути мне встретился маленький пыльный городок, и возникло ощущение чего-то очень хорошо знакомого, но давно забытого, я понял, что еду сюда, в деревню бабушки.

— Ну, как хочешь. — Я вышел из машины и, сделав несколько шагов через несуществующую уже калитку, очутился в заросшем репейником и крапивой дворе.

Если не считать этого травяного нашествия и выбитых стекол в доме, все смотрелось не так уж и плохо. В дальнем конце двора стояли еще прилично сохранившиеся хозяйственные постройки: сарай, курятник и поветь. Сруб колодца, уютящегося в палисаднике, белел плесенью между листьями огромного лопуха, пристроившегося рядом. Дверь дома замка не имела, но кто-то заботливо подпер ее слегой. То ли от животных, то ли от ветра.

Я протоптал сквозь крапиву тропку к середине двора и остановился. Буйная жгучая поросль доходила до плеч. Я стоял и смотрел на дом, на поветь.

Картины из прошлой жизни мелькали перед моим мысленным взором.

Вот отец обрезает сухие сучья яблонь в голом осеннем саду, а вот мама беседует с бабушкой, кормящей индюшат, об удожности козы Марты. Я улыбнулся. Коза имела скверный характер, и повышать надои — или, попросту говоря, жевать больше травы — соглашалась лишь в чьем-либо присутствии. Об одиноком вольном выпасе на лугу за огородом и, уж тем более, на привязи не могло быть и речи. В таких случаях упрямое животное становилось в недвижную позу и, задрав морду к небу, бляло, не переставая, до тех пор, пока у кого-нибудь из нас не кончалось терпение, и мы не забирали ее с луга. Эта экзотичная коммуникабельность больше всего распространялась на бабушку, за которой Марта могла ходить целыми днями, куда бы та ни шла. Нередко в таких походах, например, в магазин соседней деревни, коза спасала бабушку от чужих собак, смело вступая с ними в схватку и используя давно разученные бойцовские приемы типа «наскок передними копытами» или «укол рогом».

Я еще немного постоял, вспоминая, и стал прокладывать себе путь к повети. В те годы мне особенно нравилось это строение, не имевшее передней стены. Под его крышей находился небольшой загон для животных, на потолке которого был сеновал, а прямо у входа — место для хранения дров. Поветь имела множество укромных и уютных уголков и служила мне отличным прибежищем в детских играх. Забираясь по стопке дров или по бревенчатому срубу загона под самую стреху на сеновал, я воображал себя отважным альпинистом или горноспасателем. Я любил здесь сидеть во время дождя и слушать, как барабанят его капли по крыше.

Я зашел под крышу повети. Дров, конечно, уже не было, да и сена тоже. Я постоял, оглядываясь вокруг и втягивая ноздрями воздух, словно пытаюсь уловить запахи детства. Мне вдруг безудержно захотелось вновь залезть на сеновал и посидеть там, свесив вниз ноги и болтая ими. Желание было столь невыносимым, что я, даже не сняв пиджак, подпрыгнул, уцепился за верхнее бревно загона и стал карабкаться по срубу вверх. Кряхтя, проклиная свою неуклюжесть и давая себе зарок отправиться в ближайший понедельник в спортзал, я все же взобрался наверх.

По потолку загона стлался тонкий слой остатков сена и соломенной трухи. Крыша вся прохудилась, и была похожа на решето, сквозь дырки которого пробивалось солнце. В его лучах оседала седая серебряная пыль, поднятая мною. И сразу как-то больше запахло детством.

— Папа, что ты там делаешь? — Артем стоял внизу и изумленно взирал на меня.

— Залазь сюда, узнаешь.

Он поколебался, но полез. Смотря, как он это делает, я еле сдерживал смех. В его возрасте я взлетал сюда за считанные секунды. А его неловкость была сродни моей теперешней.

— Да-а, мой друг, — протянул я, когда он, наконец, не без моей помощи вскарабкался наверх и, пыхтя, уселся рядом, — вот так и проверяются на практике все эти «платиновые защиты». Скажи, а ты, вообще, когда-нибудь лазал по деревьям, заборам?

— Ну, это было давно. В детстве, — сказал он серьезно.

— Вот и у меня тоже. Все было давно...

Мы помолчали, глядя на завораживающую картину медленно танцующей пыли.

— Па, расскажи мне о твоём детстве. — Артем повернул голову и посмотрел мне в глаза. — Мне интересно, правда.

Когда мы ехали сюда, я не думал, что он меня хоть о чем-либо спросит. А сам я не хотел ему ничего рассказывать. Но сейчас, когда мы с ним сидели здесь — можно сказать, в моём детстве — вот так рядом и одинаково болтая ногами, я вдруг почувствовал, что не так уж и далеки наши миры.

И я начал рассказывать ему обо всем. О бабушке и козе Марте. О рыбалках с отцом в верховьях ручья, в степи за деревней. О шахматных партиях с мамой в дождливые осенние вечера. О собаке по кличке Пират. О воровстве подсолнухов и гороха с колхозных полей с ватагой деревенских ребят. О плавании в пруду на автомобильных камерах. О пионерских лагерях. О поездках к морю на машине. О велосипедах и их починке. О дворовых хоккейных турнирах. О школе. О металлоломе и макулатуре. И об этой повети.

Мы вместе хохотали до слез над моими детскими приключениями и страхами. Артем взахлеб рассказывал о каких-то своих, из той, еще американской жизни, мы сравнивали и снова веселились. И где-то посреди этого веселья он вдруг спросил, серьезно глядя на меня:

— Ты ведь очень любил маму?

С тех пор, как мы познакомились, он впервые заговорил о ней.

То ли от самого этого вопроса, то ли оттого, что он прозвучал так внезапно, во мне вдруг включилось какое-то последнее реле, и схема замкнулась.

Перед глазами стояла картина, в которой отец во дворе колет дрова. Одна половинка березового полена от удара отлетает в поветь, где я, сидя на корточках перед велосипедом, пытаюсь натянуть на каретку соскочившую цепь. С этого полена срывается и падает мне прямо под руку полотно бересты.

В тот год в учебнике по истории СССР я видел фотографию берестяной грамоты, найденной при раскопках Великого Новгорода. Какой-то мальчишка, живший там в давние времена, нацарапал на куске бересты клинописью свое имя и количество овец и коров, которых держал его отец...

Я не вспоминал о том дне все эти годы. Нет, конечно, я помнил, как пошел тогда в дом, отыскал там шариковую ручку, как подобрал бересту и забрался со всем этим на сеновал, сел где-то здесь, где сижу сейчас, и на одном вдохе написал на бересте свое «завещание потомкам». Потом скрутил бересту в трубочку и засунул ее глубоко под сено, на самое дно. Я считал тогда, что когда-нибудь это место исчезнет с лица земли, но будущие поколения археологов обязательно откопают мое послание. Всякий раз, залезая на сеновал, я доставал свою «берестяную грамоту», перечитывал и прятал вновь. А потом, еще в школе, став старше, забыл о ней.

И вспомнил только лет через десять. Ночью, когда она приснилась мне во сне. Но утром дневные заботы опять затмили эти воспоминания.

А теперь смысл всей этой поездки сюда, интуитивного поворота руля при выборе дороги, и мои давние, неосознанные желания увидеть вновь эти места вдруг предстали передо мной со всей своей очевидностью.

Где-то в глубине души я надеялся отыскать бересту. А теперь, после Теминого вопроса, даже знал — зачем.

Резко подскочив и чуть не свалившись при этом вниз, я перекатился на бок и, встав на четвереньки, начал лихорадочно перетрясать соломенную подстилку в том месте, где только что сидел.

— Что ты делаешь, па? Ты что-то потерял?

— Сейчас узнаем! — Я уже достиг деревянного настила, но ничего не нашел. — Отодвинься дальше. Это, возможно, под тобой.

Я подошел ближе к нему и продолжал быстро копать, как такса, почуявшая добычу в норе. Я молил всех богов на свете, чтобы мое сокровище никто не отыскал раньше. И вдруг рука, шарившая в мягкой и пыльной трухе, наткнулась на маленький приплюснутый сверток. Я не верил своим глазам... Невероятно! Это была она... Прошло двадцать девять лет!

Стараясь не обломать загрубевшие края, я с трепетом развернул сверток. Немного засохшая и не такая мягкая, как тогда, когда я на ней писал, но вполне сохранившая не только себя, но и мои детские каракули береста.

Артем с распахнутыми от изумления глазами подошел ко мне. Мы склонили головы и прочли:

Здравствуйте, мои незнакомые друзья! Меня зовут Саша Веретенников. Мне 11 лет. Я пишу вам из XX века. Хотя сейчас у нас все пишут на бумаге, я пишу на бересте, так лучше сохранится мое послание. Я живу в Советском Союзе, первом в мире социалистическом государстве. Может быть, вы уже будете жить при коммунизме. Это, наверное, очень интересно. Я передаю детям будущего большой привет от детей XX века.

15 июля 1976 года. Саша.

Примерно через год я поумнел, «отошел от политики» и решил оставить потомкам более ценные сведения, так как ниже стояло:

Ж.!

Я люблю тебя.

Навсегда.

31 августа 1977 года.

Потом мы еще долго сидели, болтая ногами, и молчали, думая каждый о своем.

— Пап, — прервал, наконец, молчание Артем, — ты, может быть, не знаешь, но мама мне рассказывала о Ричарде.

Я чуть не поперхнулся. Сегодня был просто день сюрпризов.

— Ну, и...?!

— Я выбрал тебя. — Маленький хитрец широко улыбнулся и прижался ко мне.

— Так ты знаешь, что твой настоящий отец Ричард? И почему же ты выбрал меня? Ты же не был даже со мной знаком! — Я обнял его за плечи и потрепал вихрастую голову.

— Ну, во-первых, я и с Ричардом не был знаком. А, во-вторых, мама мне и о тебе рассказывала. Она хотела нас познакомить. Ну, тем летом, когда... — Он замолчал и опустил голову.

— Так почему же все-таки я?

— Элементарно, Ватсон! — проявил мой сын зачатки эрудиции. — Ты ее любишь так же сильно, как я. Кстати, чтоб ты не парился: твое фото всегда стояло у нее возле «компа». А еще она мне как-то сказала, что лучшего папаши, чем ты, мне не сыскать. Знаешь, почему?.. Потому что все хорошие отцы ужасные зануды!

— Ах ты, мелочь пузатая! — Я хотел шутя дать ему подзатыльник, но он уже спрыгнул вниз и, стоя там, заливался от смеха, наблюдая, как я осторожно, тормозя животом, сползаю вслед за ним по стене.

Надо признать, что с «фазой возврата» у него вышло лучше.

Когда мы вернулись к машине, Темка увидел в багажнике велосипеды:

— Ну, и как это работает?

— Совсем просто! — Я вытащил один из них и быстро собрал, а затем — и другой. — Смотри и учись, пока я жив.

Усевшись в седло, я покатил по улице, испытывая давно забытые ощущения. Метров через двадцать сделал картинный разворот и вернулся назад:

— Ну!!!

Артем тоже взобрался в седло и попробовал ехать, свалился, но подставил ногу и потому не упал.

— Ты, главное, на колесо не смотри, лучше — вдаль, — сказал я, подбадривая его, и вспомнил, как те же самые слова давным-давно мой отец говорил мне, когда тоже учил кататься.

Артем сделал еще пару ковыляющих кругов вокруг меня и машины, а потом, быстро уловив принцип и найдя устойчивость в скорости, помчался по улице. Я нажал на педали и поехал его догонять.

— Тем, а что ты написал той девочке? Ну, в письме... — догнав его, спросил я.

Темка выпучил глаза и от удивления даже съехал на обочину. Оказывается, не только для меня этот день был полон сюрпризов.

— С чего ты решил, что я писал девчонке?

— Элементарно, Холмс! Только ради дамы сердца можно так отважно сражаться с ветряными ... домработницами! — рассмеялся я, вырываясь вперед.

— Папа, — крикнул он, мчась за мной следом, — а мне можно забрать бересту себе?

— Конечно! Это ведь ты — «дети будущего». Послание тебе.

— Спасибо, па-а-а!!! — Он закрутил педалями и быстро обогнал меня...

Я отстал и с улыбкой наблюдал за тем, как моя «нобелевская премия», которую, к сожалению, не присуждают в области спасения человеческих душ, неслась в лучах заходящего солнца с развевающимися за спиной крыльями распахнутой рубашки и сотрясала окрестности восторженными воплями.

И я был счастлив.

Навсегда.

Ты, слышишь, Женька?

патронташи, пояса, дудки, всякие свистульки, классные рюкзаки и так далее. А собаки (кстати, обе от одной матери) — просто загляденье: длинноногие, гладкошерстные, коричнево-белого окраса, с отвисшими ушами, выхоленные и обласканные — так и рвались на волю.

Готовились к охоте целых две недели. И вот наступил заветный день. Выехали в шесть часов утра. Настроение у всех превосходное. Николай Андреевич, весельчак и балагур, начал рассказывать анекдот о том, как один охотник пошел на охоту, а ружье взять с собой забыл. В этот момент Николай Николаевич вскидывает руки и произносит: «А я патроны забыл!» Вот те раз! Отъехали уже километров восемь. Настроения, конечно, побавилось, пришлось возвращаться за патронами. Теперь уже ехали молча, изредка сетовали на неудачу, обменивались скупыми репликами.

Наконец добрались до места. Это возвышенность с вырубленным лесом, на склонах заросли, а далее — нетронутый смешанный лес. Два Николая по-деловому сняли с поводков собак и пустили их в лесные заросли, в надежде, что вот-вот услышим их лай в погоне за зайцем. Но лая нет, полная тишина. Прошло более получаса — ни собак, ни зайцев. Хозяева собак-красавцев заволновались. Похоже, что, насидевшись дома на поводке, они уже не желали искать зайцев, а просто убежали порезвиться. Я так и не знаю, были ли там зайцы, или их не было, потому что ни одного «косого» так и не увидели. Почему два Николая выбрали это место? Не знаю. Вроде они не первый раз были на охоте.

Дуденье в рожки результата не дало, собаки возвращаться отказывались. Тогда Николай Андреевич, решив рассмешить нас, встал на четвереньки, и давай лаять: ав-ав-ав... Это в его-то пятьдесят с лишним лет! Но эффект превзошел все ожидания: собаки прибежали на лай. Нам оставалось достать провизию, перекусить, угостить собак за «верную» службу и вернуться домой не солоно хлебавши. Возвращались все равно в хорошем настроении, Николай Андреевич всю дорогу травил анекдоты. А мне какво? Так я и не понял: был ли я на охоте, или же это просто анекдот в моей жизни?

Но урок охотничьего мастерства я все же получил от известного в Новой Ляле браконьера Кости Дука. Костя работал шофером на комбинате, и ему кто-то рассказал о моих злоключениях на охоте. Он пригласил меня поохотиться в его компании. Как и в первый раз, ружье и патроны были не мои.

Поехали на охоту на небольшом грузовике компанией в шесть человек. С собой взяли резиновую надувную лодку. Костина собачка — неказистая, горбатенькая, длинношерстная, черной масти маленькая дворняжка — смотреть не на что. Ехали недолго. Остановились у небольшой реч-

ки, шириной метров двадцать. Машину оставили на берегу, сами перебрались в лодке на другой берег. Здесь я получил от Кости необходимый инструктаж, и все, рассредоточившись, пошли в лес. Костя отпустил свою собачку, и она тут же залаяла, унюхав след зайца. Заяц выбежал на меня, остановился метрах в пятидесяти, посидел секунды три-четыре, вытаращив свои глазенки на горе-охотника, и дал деру. Я опешил, забыл, зачем и пришел в лес, проводил зайца ласковым взглядом и только потом закричал: «Заяц, заяц!»

Спрашивают: «Почему не стрелял?». Отвечаю: «Ждал, когда заяц подбежит поближе, а то он чащобой закрыт был». «Ты чего, дурень, ему же всего одной дробинки хватит», — поучает меня Костя.

А собачка наша во всю работает, гонит одного зайца за другим. То уйдет далеко, то с лаем приближается, гонит зайца на нас. Вот выстрел, кто-то зайца взял. Вскоре — второй, опять кричат: «Взял, взял!» Третьего зайца убил я. Произошло это так. Прогремели два выстрела, кто-то промазал, и заяц летит, распластавшись в воздухе, мимо меня метрах в двадцати (эту чудесную картину я до сих пор вспоминаю, как наяву), я выстрелил, а заяц улетел. Подбежала собачка, я за ней и увидел неподалеку убитого зайца. Кричу: «Взял, взял!» Собачка вновь и вновь поднимала и гнала зайцев, выстрелы и возгласы «Взял!» повторялись через каждые 15–20 минут.

Мне удалось убить еще одного зайца, тоже в комичной ситуации. Перепуганный заяц, уйдя от погони, неспешно трусил и остановился в метрах 10–12 от меня. Я вскинул ружье и выстрелил. Заяц подскочил, вздыбился, поднял уши и в страхе замер. Видимо, я промазал. После секундного замешательства я вспомнил, что у ружья-то два ствола. Выстрелил еще раз, и заяц упал. Он стал девятым в общем трофее.

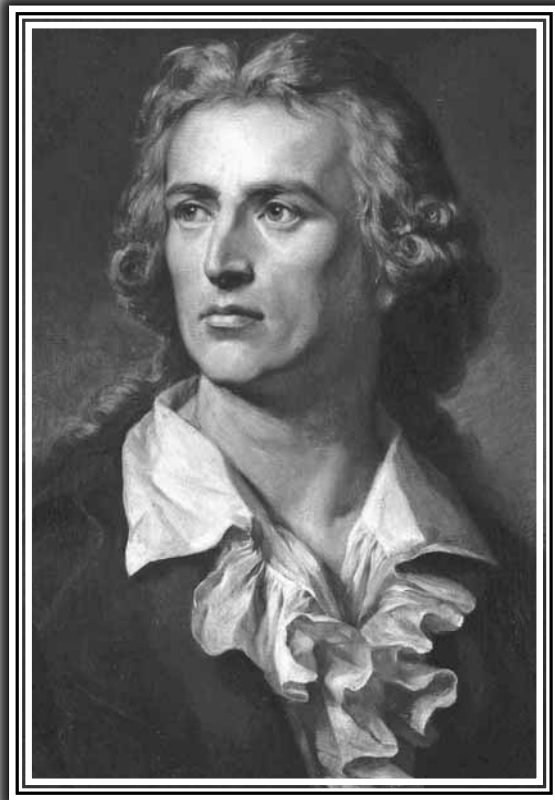
Охотились мы немногим более двух часов и взяли всего тринадцать зайцев. На каждого охотника пришлось по два, а одного зайца Костя резервировал кому-то из нужных ему людей, возможно, охотинспектору.

Возвращались с охоты в приподнятом настроении. Мои чувства словами не передать. В мешке за плечами два огромных упитанных зайца килограммов этак на десять, а, может быть, и более. Словом, благодаря Косте я прошел ликбез на охоте по полной программе.

А его милая горбатенькая собачка — настоящая умница и работяга, знающая свое дело в совершенстве, возвращалась домой усталая, с чувством исполненного долга. Костя ее гладил и чем-то прикармливал. □

Фридрих Шиллер

«Самое прекрасное сердце, какое когда-либо любило и страдало в Германии», — так отзывался о Фридрихе Шиллере другой великий немецкий поэт Генрих Гейне. Что ж, Шиллер и в самом деле прожил, в общем-то, недолгую жизнь, полную трудов, лишений и разочарований. Но его могучая тяга к творчеству преодолевала все. Его гением восхищались Пушкин и Лермонтов. На его стихи создавали незабываемую музыку Бетховен и Чайковский. Лучшие театры мира и сегодня радуют зрителей новыми постановками его бессмертных драм и трагедий.

ЧАРОДЕЙ СЛОВА

Фридрих Шиллер появился на свет в маленьком вюртембергском городке Марбахе 10 ноября 1759 года. Его отец, Иоганн Каспар, человек редкой энергии, за свою жизнь

сменил немало профессий. Был фельдшером, офицером, вербовщиком рекрутов, садовником. Мать, Елизавета Доротея, необычайно добрая женщина, рачительно вела

хозяйство. Маленький Фриц, на вид хрупкий и слабый, был, тем не менее, ребенком живым и бойким. Начальное образование он получил у местного пастора, а затем его отдали в латинскую школу. За четыре года он овладел латынью так хорошо, что сочинял на ней стихи и свободно переводил римских поэтов. Родители мечтали о духовной карьере для сына. Их надежды казались вполне оправданными. Маленький Фридрих обожал, вставая на стул, громко произносить сочиненные им проповеди о добродетели, любви и милосердии. И все же, видно, не судьба была юному Фридриху, закончив, как того хотели родители, монастырскую школу, а затем и богословский факультет Тюбингенского университета, читать с кафедры проповеди прихожанам. Подростку исполнилось тринадцать, когда вюртембергский герцог, всемогущий Карл Евгений, потребовал у старшего Шиллера отдать сына в созданную им Военную школу, призванную воспитывать нужных для маленького государства людей — офицеров, медиков, юристов, коммерсантов. Все попытки отца уклониться от этой «чести» под предлогом склонности сына к богословию и даже слабости его здоровья, успеха не имели. Герцог настаивал на своем, и Фриц все-таки оказался в этой школе. Тихий подросток, увлекавшийся поэзией и Библией, был ошеломлен порядками, царившими

там.. По команде вставали, совершали утренний туалет, молились, шли к завтраку, затем на уроки. Ни один воспитанник не имел права покидать пределы школьного здания. Порой ученику запрещали уезжать домой даже в случае, если его отец или мать находились при смерти.

Герцог почти ежедневно бывал в академии. Ужинал со своей фавориткой в специальном зале, рядом с ученической столовой. Присутствовал на уроках и экзаменах. Раздавал награды и назначал наказания по штрафным билетам — эти записки, где рукой надзирателя был записан проступок, воспитанник обязан был носить на виду в верхнем кармане мундира. Нужно сказать, что Фридрих относительно редко подвергался наказаниям, в основном, за нарушение требований к внешнему виду. Особенно ненавистна ему была тогдашняя прическа — за плохо напудренные волосы и неаккуратно заплетенную косичку взыскание было неминуемо. «Черт бы подрал эту проклятую косу!» — в ярости кричал Фридрих, когда приятель указывал ему на небрежность в туалете.

После окончания школы Шиллер был зачислен на юридический факультет академии. Он поступил туда зимой, когда учебный год был в разгаре, и, как ни старался, догнать одноклассников не смог, а потому первые два года значился послед-

Шарлотта фон Ленгефельд — жена Фридриха Шиллера

ним учеником отделения. К юриспруденции Фридрих испытывал непреодолимое отвращение, и когда в 1775 году в академии открылось медицинское отделение, сразу перевелся туда. Но увлечение поэзией не только не пропадало, а превратилось в страстную любовь. Ей он и решает посвятить свою жизнь, независимо от того, чем его заставят заниматься после окончания академии.

Зима 1776 года стала незабываемой для Шиллера. В десятом номере журнала «Швабский магазин» увидело свет первое его стихотворение — «Вечер». Постепенно вокруг него начал собираться небольшой кружок студентов, также интересующихся литературой, и Фридрих для них был непререкаемым авторитетом. Еще бы! Ведь он уже приступил к написанию трагедии

«Разбойники»... Работать поначалу приходилось в нелегких условиях и почти всегда по ночам, либо в спальне, с согласия товарищей, при огарке свечи, либо в лазарете во время дежурства. Больных пугало, когда лекарь иногда начинал притопывать ногами и выкрикивать отдельные слова. Если заходил дежурный, Фридрих проворно прятал рукопись в куче медицинских книг. Порой он сам прикидывался больным, чтобы попасть в лазарет, где лампа горела до утра.

Одновременно с «Разбойниками» Фридрих писал и диссертацию по медицине. Он развил в ней весьма

«жар его поостыл, и он обрел спасительное равновесие».

В конце 1780 года Шиллер покинул стены академии не только с дипломом врача, но и с готовой рукописью своей первой драмы. Его назначили врачом в Штутгартский гарнизон с мизерным жалованием, которого не хватало даже на питание. А уже в следующем году увидел свет напечатанная в виде книги трагедия «Разбойники», и директор театра в Мангейме сразу предложил поставить ее на сцене. Премьера состоялась в январе 1782 года. Успех был потрясающим. «Партер походил на дом умалишен-

Родители мечтали о духовной карьере для сына. Их надежды казались вполне оправданными. Маленький Фридрих обожал, вставая на стул, громко произносить сочиненные им проповеди о добродетели, любви и милосердии

смелые для того времени идеи в области физиологии. Увы, здесь его ждало жестокое разочарование. Мысли его были признаны спорными, кроме того, диссертация, по мнению профессоров, больше напоминала поэтическое произведение, нежели научное исследование. Как бы то ни было, Шиллеру пришлось провести в академии еще год, дабы, как выразился герцог,

— вспоминал один из очевидцев. — Незнакомые люди с плачем бросались друг к другу в объятия. Женщины опирались о двери, боясь потерять сознание».

Фридриху к тому времени исполнился двадцать один год. Освободившись из-под опеки академических надзирателей, он иногда позволял себе, что называется, «гульнуть». Однажды на банкете полка,

устроенного по случаю дня рождения герцога, он так напился, что не держался на ногах, и его доставили домой на носилках. Теперь он общался и с представительницами прекрасного пола, которых в стенах академии, изолированной от внешнего мира, практически не имел возможности даже видеть. Он встретил женщину, которая в немалой степени захватила его воображение. Ее звали Луиза Фишер, ей было немного за тридцать, вдова недавно умершего офицера,

свою клятву, теперь уже никто не может сказать.

Триумф «Разбойников» окончательно убедил Шиллера в том, что истинное его призвание — литература, а не работа полкового врача. Тем сильнее угнетала его зависимость от вюртембергского герцога. Карл Евгений объявил, что будет лично просматривать все будущие произведения Шиллера, дабы «уберечь» молодого поэта от опасных идей. Это, однако, было неприемлемо для Фридриха, противника тира-

Когда напечатанная в виде книги трагедия «Разбойники» увидела свет, директор театра в Мангейме сразу предложил поставить ее на сцене. Успех премьеры был потрясающим. «Партер походил на дом умалишенных, — вспоминал один из очевидцев. — Незнакомые люди с плачем бросались друг другу в объятия. Женщины опирались о двери, боясь потерять сознание»

мать двоих детей. Шиллер одухотворил ее образ, сделав предметом своей музыки. В страстных эмоциональных стихах он именовал Луизу своей Лаурой. Судя по всему, вдова была благопристойна, во всяком случае, поначалу она взяла с Фридриха слово, что он «останется в рамках и будет послушным», каких бы усилий ему это ни стоило. Сумел ли Шиллер сдержать

эту клятву в любом ее облики. Отказ Шиллера подчиниться этому распоряжению герцог воспринял как бунт. Кара последовала незамедлительно. «Разбойников» ставили в Мангейме, который находился вне пределов Вюртембергского герцогства. И когда Шиллер во второй раз посетил представление, Карл Евгений обвинил его в самовольном отъезде «за границу» и отправил на

гауптвахту. Кроме того, запретил Фридриху впредь создавать какие-либо литературные произведения. Выполнить это предписание значило для Шиллера погубить себя. Все чаще стала появляться мысль о том, что разлука с родиной неизбежна.

В сентябрьские дни 1782 года в Штутгарте шумно праздновали приезд наследника русского престола, будущего императора Павла I, женатого на племяннице вюртембергского герцога. И когда ночное небо над Штутгартом озарилось великолепным фейерверком в честь высоких гостей, к городским воротам подъехала коляска, в которой сидели два пассажира, назвавшие себя доктором Риттером и доктором Вольфом. Это были Фридрих и его друг Андреус Штрайхер. Благополучно миновав шлагбаум (паспортов тогда, к счастью, не требовали), коляска покатила по дороге, ведущей в Пфальц. В саквояже Шиллер вез уже законченную рукопись своей новой драмы «Заговор Фиеско в Генуе».

Следующая пьеса Фридриха «Коварство и любовь» безоговорочно была воспринята и критикой, и публикой, как вершина революционной литературы «бури и натиска». Да, слава молодого драматурга росла, но он по-прежнему был беден, как церковная мышь. Чтобы прилично выглядеть и вести жизнь, соответствующую его положению,

Шиллер отчаянно экономил на еде. Постоянное недоедание, напряженная и всегда срочная работа, за которой он просиживал ночи напролет, подорвали его здоровье. Иногда за письменным столом он от слабости даже впадал в забытие. Не было у него и постоянного дома, он все время кочевал из одного города Германии в другой. Личная жизнь также не ладилась. Фридрих — натура увлекающаяся, но легкие интрижки с актрисами не приносили ему удовлетворения, а серьезные чувства к дамам из общества почти неизменно становились источником тягостных переживаний. В Бауэрбахе он влюбился в шестнадцатилетнюю Шарлотту Вольцоген. Девушка с удовольствием коротала вечера с поэтом, говорившим так красиво. Но когда Шиллер попросил ее руки, мать Шарлотты тотчас же увезла дочь, не пожелав и думать о том, чтобы выдать ее за даровитого, но бедного поэта, к тому же не имевшего дворянского звания. Мало радости принесло Фридриху и его увлечение в Мангейме Марианной Шван, дочерью издателя и книготорговца Швана, напечатавшего его первые драмы.

Чуть позднее на бале-маскараде в Дрездене он познакомился с девятнадцатилетней Генриеттой фон Арним. Черноволосая красавица, одетая цыганкой, по ладони предсказывала кавалерам их будущее. Фридрих страстно влюбился в де-

вушку. Она тоже, казалось, отвечала ему взаимностью. Но ее властная мать, не один год прожившая при дворе, вовсе не желала иметь зятем полунищего поэта. Хотя нужно сказать, что Фридрих преподносил возлюбленной подарки, которые явно не соответствовали его средствам, еще глубже влезая в долги. В конце

концов, он получил окончательный и решительный отказ. Позднее Генриетта вышла замуж и стала графиней, но и в старости помнила, что ее когда-то любил великий Шиллер.

Весной 1784 года Шиллер встретился с женщиной, которая сыграла важную роль в его жизни. Шарлотта фон Кальб была существом

неординарным. Портреты и воспоминания современников рисуют образ весьма оригинальный. Рыжеволосая, с огромными черными глазами на крупном, с неправильными чертами, лице, она привлекала внимание своей одухотворенностью, женственностью и в то же время особым интеллектом. Вскоре Шиллер стал частым гостем в доме Кальбов. Муж Шарлотты, делавший успешную карьеру офицер, почти все время пребывал в своем полку. Следует сказать, что в последнюю четверть XVIII века в высших кругах общества брак вовсе не воспринимался, как нечто священное, и с те-

вместную жизнь с поэтом, Шиллер же был согласен на «брак втроем», что в то время не являлось редкостью. Судя по всему, он не так уж сильно любил эту женщину, хотя был ей очень многим обязан. Пребывание в ее салоне помогло ему приобрести светские манеры. Именно госпожа фон Кальб рекомендовала его дармштадскому двору, при котором она пользовалась определенным влиянием. При дворе как раз гостил веймарский герцог Карл Август, и Шиллер в его присутствии прочитал первый акт своей новой пьесы «Дон Карлос». На следующий день герцог пожаловал ему звание

Чтобы прилично выглядеть и вести жизнь, соответствующую его положению, Шиллер отчаянно экономил на еде. Постоянное недоедание, напряженная работа, за которой он просиживал ночи напролет, подорвали его здоровье. Иногда за письменным столом он от слабости даже впадал в забытие

чением времени Шиллер и Шарлотта стали любовниками. Их связь была настолько тесной, что неизбежно вставал вопрос, к чему она приведет. Шарлотта внутренне была готова к любому действию, которое могло изменить ее жизнь, Фридрих — нет. Шарлотта надеялась на развод с нелюбимым мужем и на со-

веймарского советника. Шиллер был в восторге. Титул, чин в тогдашнем обществе значили очень много. Что же касается отношений с Шарлоттой фон Кальб, то в течение следующих нескольких лет они развивались неровно. Фридрих и Шарлотта то сближались, то отдалялись друг от друга.

В 1787 году Шиллер завершил одну из крупнейших своих трагедий «Дон Карлос». История любви испанского принца Карлоса и его мачехи Елизаветы потрясает глубиной и искренностью чувств. И это притом,

рой, эстетикой и историей и даже написал несколько довольно значительных работ.

Произошли решающие изменения и в личной жизни. В феврале 1790 года Фридрих женился на Шарлотте

О казался ли брак Шиллера счастливым? Быть женой гениального поэта нелегко, но Шарлота мужественно переносила все невзгоды супружеской жизни с человеком, всецело занятым творческим трудом. Не отличаясь особыми интеллектуальными запросами, она была преданной, заботливой супругой и верным спутником поэта

что сюжет трагедии далек от исторической действительности. Ведь в то время испанские государственные архивы были недоступны для исследователей. Материалом для сюжета шиллеровской трагедии стала романтическая новелла французского писателя аббата Сен-Реаля. Подлинный Дон Карлос — урод и распутник, вряд ли был способен испытывать привязанность к кому бы то ни было, тем более быть любимым. Однако ранняя смерть (некоторые историки предполагают, что она произошла от обжорства) романтизировала образ наследника испанской короны.

После окончания работы над «Доном Карлосом» Шиллер на некоторое время отошел от драматургии. Он увлекся античной литерату-

фон Ленгефельд. Он был знаком с семейством Ленгефельд около двух лет. Две сестры были разительно непохожи друг на друга. Старшая Каролина обладала натурой сильной и страстной, младшая была трогательна в своей свежести и невинности. Поначалу поэта, пожалуй, больше привлекала Каролина, но она была замужем и сумела убедить Фридриха в том, что именно Шарлотта суждена ему самой судьбой.

Оказался ли брак Шиллера счастливым? Быть женой гениального поэта очень нелегко, но Шарлотта мужественно переносила все невзгоды супружеской жизни с человеком, всецело занятым плохо оплачиваемым творческим трудом. Не отличаясь особыми интеллектуальными за-

*Дом Шиллера
в Веймаре*

просами, она была преданной, заботливой супругой и верным спутником. Поэт любил делиться с ней своими замыслами, читать написанное, выслушивать ее мнение.

В начале 1791 года у Шиллера появились первые признаки тяжелой болезни — туберкулеза. Приступы все учащались. Сочинять он мог лишь в краткие периоды между ними. Средств к существованию становилось все меньше. Горько читать в письмах поэта его признания и просьбы. Своему издателю он жаловался, что у него нет даже шубы, хотя его врач говорил, что он должен зимой обязательно носить ее. Порой средств не доставало даже на необходимые лекарства. Тем не менее, Фридрих продолжал работать и на-

писал поразительные по мастерству и силе воздействия произведения — «Мария Стюарт», «Орлеанская дева», «Вильгельм Телль». Его пьесы пользовались огромной популярностью. Впрочем, порой отзывы критики носили довольно ядовитый характер. Так о блистательной драме Шиллера «Мария Стюарт» одна газета писала: «В пьесе выведены две бабы, которые не стоят того, чтобы мы следили за их ссорой».

К счастью, благодаря помощи наследника датского престола принца Фридриха Христиана материальное положение Шиллера немного улучшилось. Весной 1794 года он с семьей переехал в Иену, где позднее приобрел небольшой домик с садом на окраине города. Это была первая

«собственность», которой поэт сумел обзавестись почти на сороковом году жизни. В Иене же началась дружба Шиллера с Гете, которой суждено было продлиться до конца его дней. В результате этой дружбы родились лучшие из зрелых произведений Шиллера — его баллады, трилогия «Валленштейн», драма «Вильгельм Телль». Шиллер часто гостил у Гете в Веймаре, где тот занимал министерский пост. Гете приказал построить в местном театре специальную ложу для Фридриха с таким расчетом, чтобы тот мог уютно устроиться в ней, не будучи замечен публикой.

В 1799 году Шиллер окончательно решил переехать с семьей в Веймар, где купил в рассрочку небольшой дом. У поэта было уже четверо детей. Они не блистали какими-либо необыкновенными способностями, но выросли достойными жизнелюбивыми людьми, здоровыми телом и душой, что, увы, бывает не так уж и часто, когда речь идет о потомках гения.

В мансарде своего нового жилища, опустив ноги в таз с ледяной водой, подхлестывая убывающие силы крепким кофе, шампанским или ликером, Шиллер проводил в рабочем кабинете за столом все время, когда мог держать в руке перо. Он уже не испытывал острой материальной нужды и, наконец, расплатился со всеми своими долгами. Да и веймарский герцог Карл Август настолько благоволил ему, что пожаловал поэту грамоту на дворянство.

На его гербе красуется единорог — персонаж старинных сказок.

Однако здоровье Фридриха с каждым месяцем ухудшалось, силы убывали. Тем не менее, он, как всегда, был полон творческих планов. На этот раз его привлекли события русской истории начала XVI века, и он хотел написать трагедию о Лжедмитрии — «Деметриус». Для этого начал собирать описание нравов и быта России, русские имена, пословицы, поговорки, делал заметки характеров основных персонажей, варианты отдельных сцен. Но он успел закончить лишь первый акт, так как дни его были уже сочтены, хотя ему исполнилось всего лишь сорок шесть лет. Он признавался другу: «Я был бы доволен, если бы мне удалось дожить хотя бы до пятидесяти». Это было за две недели до его смерти. В ночь с 5 на 6 мая 1805 года в его состоянии наступил кризис, уничтоживший всякую надежду на выздоровление. Все чаще поэт терял сознание. Он бредил в жару, все время почему-то изъясняясь на латыни. Однажды, изнемогая от болей и удушья, он прошептал: «Ты, иже еси на небеси, — избавь меня от долгих страданий!» При нем оставались лишь Лотта и Каролина, да еще верный слуга поэта — Рудольф. Шиллер всячески пытался облегчить женщинам горестное испытание. Каролине, спросившей, как он себя чувствует, он ответил: «Да все лучше, веселее делается на душе!» А потом, обер-

нувшись к жене, прошептал: «Милая ты моя, хорошая ...»

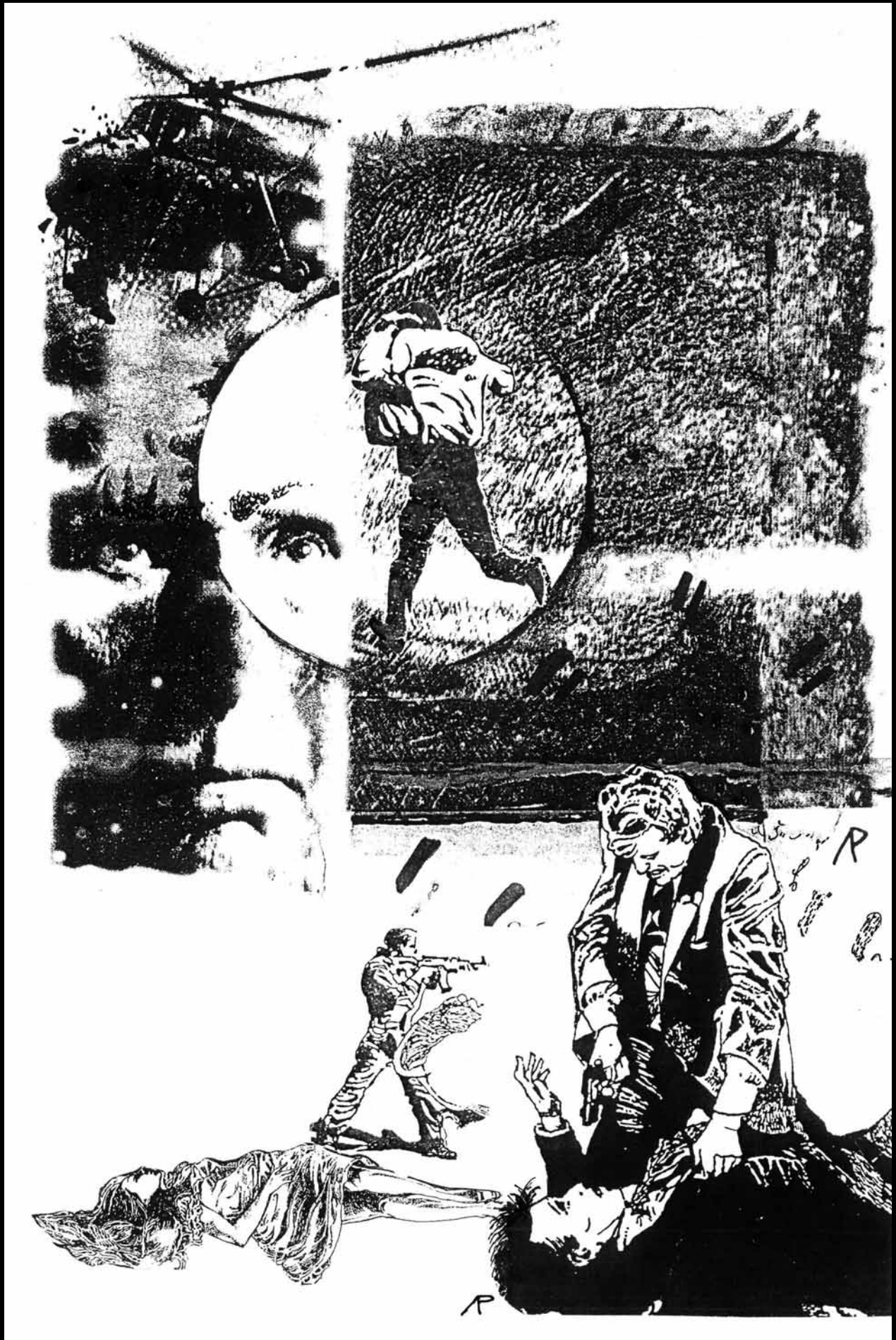
Утром 9 мая Шиллер продолжал бредить, как всегда, на латыни. Врач посоветовал сделать умирающему ванну, после которой ему дали выпить шампанского. Он заснул. Проснулся около трех пополудни и, узнав Лотту, стоявшую на коленях у его постели, протянул ей руку. В половине шестого тело умирающего стало сводить судорогами, и жизнь его на этом оборвалась.

Похоронили Шиллера в ночь на 12-е мая 1805 года в склепе при церкви Святого Якова. При сносе склепа в 1826 году Гете опознал череп друга и перенес его в Веймарскую библиотеку, где он был замурован в пьедестал мраморного бюста поэта.

Позднее останки Шиллера были перенесены в фамильный склеп веймарских герцогов, где они покоятся в скромном саркофаге рядом с таким же саркофагом Гете. □

*Памятник
Гете
и Шиллеру
в Веймаре*

«ОМНОПОН»

Экспедитор областной больницы Вячеслав Сергеевич Калиников сонно пялился в лобовое стекло «Газели». Голова его мерно раскачивалась, глаза слипались, а очки все время норовили соскользнуть с мясистого носа. Навстречу «Газели» бежала бесконечная лента шоссе.

Шутка сказать: позади две бессонные ночи в пути, не хухры-мухры для пятидесяти лет с гаком. Сначала — на базу в Москве, потом сразу же, не задерживаясь, — обратно, домой, уже с грузом препаратов. Точнее — с одним-единственным лекарством под названием «омнопон», что означает «синтетический опий». Этого «омнопона», согласно накладным, в транспортную «Газель» загрузили в количестве, потребном для всего предстоящего полугодия. Причем запасов наркотика должно было хватить не только пациентам Центральной областной, но и всех районных больниц.

Наступало прохладное утро, часы на приборной панели показывали 04:57. Справа, сквозь реденькую стену сосен, уже показалось восходящее солнце. Над рекой, что лениво текла слева от шоссе, стелился туман. Калиников машинально отметил про себя, что «Газель» обогнала красивый прогулочный катер, неторопливо шедший по реке по пояс в «молоке». Видать, какая-то компания недурно покутила ночью где-нибудь на островах...

— Может, музыку включить, Вячеслав Сергеич? — спросил Калиникова угрюмый водитель по имени Петя. — А то я прям засыпаю.

Калиников «музычку» не любил и потому лишь поморщился. Но Петя был постоянным спутником экспедитора, к тому же он исполнял обязан-

ности охранника, и с годами старший и младший напарники сдружились, стали своими людьми.

— Поищи лучше новости, что ли, — согласился на компромисс Вячеслав Сергеевич. — Как раз в пять часов должны быть.

Петя длинно зевнул, скосил глаза к приборной панели, а Калиников вдруг выпучился на дорогу:

— Тормози, Петя! Тормози!

Прямо перед ними, посреди шоссе валялся на боку черный «Харлей». В двух шагах от него распласталась неподвижная фигурка девушки в черной «косухе». Ее длинные белые волосы разметались по асфальту, а безжизненная правая рука покоилась возле черного шлема, слетевшего с головы.

— Ч-черт! — судорожно прервал зевок водитель Петя. Впрочем, он и не думал останавливаться, явно намереваясь объехать лежащую на асфальте девушку и продолжить путь.

— Тормози, говорю! — вцепился в него Калиников.

— Не имею права, Вячеслав Сергеевич, — жестко отрезал водитель-охранник. — По инструкции, мы в таких случаях не останавливаемся.

— Ты что, не видишь? — кричал экспедитор. — Это же Инга! Инга Дубровина! Лихачка! Доездилась... Сколько раз я ей...

— Я сообщу в «скорую», не переживайте, — процедил Петя. — Останавливаться нельзя!

Неожиданно, воспользовавшись тем, что «Газель» сбавила скорость для совершения маневра, Калиников рванул на себя ручку двери и буквально вывалился на шоссе.

— Что вы делаете, Вячеслав Сергеевич! — завопил Петя и ударил по тормозам.

Слева, по реке, к ним медленно подходил прогулочный катер...

Калиников подбежал к распростертой девушке.

— Инга! — подбежал к распростертой на земле девушке экспедитор и наклонился к ней: — Ты жива?

— Да! — вдруг распахнула она глаза, правая рука ее молниеноснохватила из глубины мотоциклетного шлема пистолет, и правое стекло очков экспедитора рассыпалось от выпущенной пули. Одновременно с выстрелом девушка перекатилась по асфальту, и труп Вячеслава Сергеевича рухнул рядом с ней.

Инга вскочила на ноги и в два прыжка оказалась возле раскрытой правой дверцы «Газели». Петя судорожно расстегивал кобуру с «Макаровым»...

— С-сука! — успел проговорить водитель последнее в своей жизни слово, и тут Инга мгновенно выпустила в голову и грудь водителя-охранника шесть пуль подряд. Петя обвис на руле.

Послышался стрекот мотоцикла, и к Инге подъехал хорошо сложенный парень с простецким лицом, которого звали Виктор Усинков. Он деловито прыгнул со своей старенькой «Явы».

— Витя, время пошло! Двенадцать минут! — взглянув на часы, бросила Дубровина.

Парень вскочил в кабину «Газели», перегнувшись через труп Пети, отомкнул левую дверцу и сорвал с пояса водителя ключи. Выскочил из кабины, захлопнув за собой дверь, обежал вокруг и вскарабкался на водительское место, предварительно сдвинув мертвое тело на правое сиденье.

Прогулочный катер, управляемый опытной рукой, уткнулся кормой в кромку берега, подняв оба двигателя. На корме показался лысый жилистый мужчина лет пятидесяти. Он ловко сбросил на берег широкие металлические сходни. Усинков задом подогнал к ним «Газель». Он не боялся оставить на земле следы протекторов: в этом месте вплоть до самой воды обочина дороги была посыпана толстым слоем щебня.

— Девять минут! — крикнула им Дубровина.

Она стояла посреди шоссе и вертела головой в обе стороны. Стройная, в черном комбинезоне и распущенными белыми волосами, эта вызывающе красивая девушка с пистолетом смотрелась весьма эффектно. Правда, юная секс-бомба вовсе не позировала перед камерой, а являла собой вполне реальную смерть.

Пока что дорога была пустынной...

Между тем Виктор вскрыл ключом Пети задние дверцы «Газели» и вместе с жилистым мужчиной, которого он называл Пал Палычем, принялся перетаскивать картонные коробки из чрева микроавтобуса на катер.

Красной точкой далеко на шоссе обозначилась легковушка. Она стремительно приближалась, увеличиваясь в размерах, и вот уже можно было различить, что это «Ауди-100».

— Кому-то не повезло, — сквозь зубы процедила Дубровина.

Стоя посреди шоссе, она расставила ноги, обеими руками подняла пистолет и, выждав несколько секунд, открыла беглый огонь по лобовому стеклу «ауди». Стекло покрылось дырками и трещинами, автомобиль вынесло с дороги на обочину. Бросившись к машине, Инга рванула дверцу со стороны водителя. На асфальт вывалилась женщина лет тридцати, и Дубровина тут же всадила ей в голову еще одну пулю. Развернувшись, присела и выстрелила в фигуру, сидевшую на пассажирском сиденье... Разглядев, кто это, она выпрямилась и нервно хохотнула:

— Тьфу, ты!

На пассажирском кресле восседал огромный плюшевый мишка. Больше в машине никого не было.

Инга метнулась к сообщникам, на ходу меня обойму. Виктор и Пал Палыч сновали туда-сюда, перетаскивая по три коробки за раз.

— Четыре минуты! — с придыханием выкрикнула Инга. — Быстрее! Иначе придется перестрелять весь автобус!

— Все, Инга, все! — отозвался Усинков. — Валим отсюда!

— «Ява»! Не забудь про «Яву»! — орала на него Дубровина.

Усинков вскочил на свой мотоцикл и по сходням въехал на палубу катера. Тут же вернулся к «Газели», которую уже выпотрошили дочиста, подогнал ее к трупам Калиникова. Когда он забрасывал тело экспедитора в утробу микроавтобуса, очки Вячеслава Сергеевича скатились-таки с его носа на асфальт. Уцелевшее стекло хрястнуло и рассыпалось. Виктор наклонился, сунул оправу в карман, захлопнул задние дверцы микроавтобуса и выкрикнул:

— Я погнал! До встречи, Инга!

Дубровина вкатила свой «Харлей» на катер и бросила жилистому:

— Осталась минута!

Пал Палыч деловито подобрал сходни, запустил носовой двигатель, и прогулочный катер плавно заскользил по глади реки. Кормовые двигатели плюхнулись винтами в воду, включился рабочий ход...

Туман уже почти растаял, приветливое солнышко чуть приподнялось над лесом.

Вдали на шоссе показался рейсовый «Икарус».

Инга подошла к штурвалу, обняла Пал Палыча. Тот потрепал ее по голове:

— Ты молодец, дочка!

Она радостно засмеялась и запрыгала на месте:

— Получилось, папа! Все получилось! А я до самого конца не верила...

Ни свет ни заря, тридцатилетний Валера Цыпко самым безбожным образом был выдернут из тягучего хмельного сна. Дверной звонок трезвонил на все лады, высверливал мозги, заставлял бухать сердце.

Не разлепляя век, Валера потопал в прихожую, молча отпер дверь, снова побрел в комнату и рухнул в койку, по пути зацепив ногой пустую бутылку.

Над ним навис седовласый Семен Михайлович Бурмистров:

— Подъем, соня! Нам пора.

— Михалыч, сжался... Я же в отпуске, — вяло простонал Цыпко.

— То-то и оно, что в отпуске! Кто вчера обещал мне на рыбалку вместе сходить? А? Или ты собрался весь отпуск пропьянствовать?

— Михалыч, сходим... Только давай в другой раз.

— Э, нет! У меня с собой вся амуниция. Солнышко уже встало. И ты вставай, касатик!

— Пиво есть? — с надеждой всхлипнул Валера.

— Учел, — кивнул Бурмистров. — Две бутылочки имею.

— Ну, тогда делать нечего, раз так, надо вставать.

Валера рывком сел на постели, высосал услужливо поднесенную к губам бутылочку холодненького пивка и только после этого разомкнул веки.

— Жить буду, — проговорил он.

— А где Вера? — спросил Семен Михайлович.

— Ушла, — мотнул головой Цыпко.

— Как ушла?

— Ну, Михалыч, ты даешь! Как все жены уходят, так и ушла.

— И куда она ушла? — растерянно посмотрел на коллегу Бурмистров.

— К матери. А может, и не к матери.

— А ты? Как же теперь...

— Отдохну от нее, поживу один. А там, — Валера громко зевнул, — видно будет.

Он окинул прояснившимся взглядом пустые бутылки на полу. Н-да... Действительно, стоит для разнообразия на рыбалку сходить.

В нагрудном кармане Семена Михайловича переливчатой трелью запел мобильник. Чертыхнувшись, Бурмистров выслушал сообщение, несколько раз поддакнул... Наконец буркнул в трубку:

— Щас буду. Вместе с Валерой Цыпко.

— Куда это ты собрался меня тащить? — подозрительно глянул на него хозяин квартиры. — Учти, я в отпуске, повторяю еще раз!

— Рыбалка отменяется, — вздохнул Бурмистров. — Действительно, в другой раз придется. Надо ехать, Валера. На шоссе только что обнаружена расстрелянная «Ауди-100», убита молодая женщина.

— Но почему я? — утробно простонал Цыпко.

— Потому что ты под рукой, — пояснил Семен Михайлович. — И еще... Потому что ты — лучший криминалист в нашем ГУВД.

После таких слов Валере ничего не оставалось, как обреченно вздохнуть и взяться за джинсы и рубашку.

— Это примерно на двенадцатом километре от города, — вводил его, между тем, в курс дела Бурмистров. — Участок дороги сейчас перекрыт, благо там объезд хороший имеется. Но учти, перекрыли ненадолго, так что следует поторопиться.

Они спускались со второго этажа, и Валера вслух считал ступеньки:

— Раз, два, три, четыре, пять... Внизу подытожил: — Двадцать четыре ступеньки, дядя! Хм...

Вышли во двор. Поодаль, в полусотне шагов, стояла серебристая «Волга» судмедэксперта Бурмистрова. А прямо перед глазами друзей маячила вывеска: «Химчистка 24 часа».

— Михалыч, опять двадцать четыре! Обрати внимание...

— Да ну тебя! — для вида отмахнулся судмедэксперт, а сам поглядел на Валеру с интересом.

Все в управлении знали о загадочной способности криминалиста Цыпко делать самые неожиданные прогнозы. Причем извлекал он свои выводы из наблюдений, которые, казалось бы, не имели ни малейшего отношения к сути вопроса.

Цыпко и Бурмистров шли к «Волге» вдоль бетонного забора, и Валера вполголоса считал вертикальные балки:

— Семнадцать, восемнадцать... Двадцать четыре!

— Ну и что?

— А то... Двадцать четвертого Верка домой вернется. Недолго мне оставаться холостяком.

— Вот и посмотрим, какой из тебя пророк, — усмехнулся Семен Михайлович.

Но в глубине души он был уверен, что будет именно так, как предрекает его младший товарищ Валера Цыпко.

— Привет, привет...

Часы показывали без пяти шесть утра, когда Цыпко и Бурмистров были на месте происшествия. Возле расстрелянной «ауди» находились два члена следственной группы: молодой оперативник областного «угро» Василий Чернобров, то и дело заикающийся, и солидный, с барскими замашками, следователь областной прокуратуры Григорий Малеванный. Поговаривали, что Григорий Ильич и в самом деле происходил из дворян...

Участок дороги, посреди которого стояла на обочине красная легковушка, был с двух сторон перегорожен патрульными автомашинами, возле которых покуривали дэпээсники.

У порожка «ауди», на асфальте, виднелись меловые очертания трупа. Расстрелянную хозяйку машины уже увезли в областной морг, не дожидаясь прибытия судмедэксперта. Бурмистров особенно не переживал: вскрытие он, в любом случае, будет проводить не здесь. А вот Цыпко был до крайности раздражен:

— Вася, японский твой род, — выговаривал он оперативнику Черноброву, — ты не мог труп на полчаса задержать? Мы же примчались сюда через двадцать минут после сообщения!

— Так ведь т-ты же в отпуске, — оправдывался Чернобров. — О-откуда я з-знал, что ты приедешь? А другие криминалисты не т-такие педанты.

— За педанта ответишь, — хмыкнул Валера. — Ну, кто она? Что там с ней? Хоть на словах поведай.

Чернобров достал водительские права и паспорт убитой:

— К-кирсанова Людмила Га-авриловна, тысяча девятьсот семьдесят девятый год рождения. З-замужем десять лет... Живет у нас в городе. Т-то есть, жила.

— Пулевые ранения? Сколько, куда?

— Н-ну, на первый взгляд, т-три ранения в голову, одно — в шею, одно — в о-область правой ключицы. Расстреляли по полной программе...

— Твое мнение?

— Опять-таки, на первый взгляд. — Вася вдруг перестал заикаться: так происходило с ним всегда, когда он не просто излагал, а размышлял и говорил одновременно. — Так вот, на первый тупой взгляд, это чистейшей воды заказное убийство. Уверен, что один из выстрелов в голову — контрольный. Работал явно профессионал.

— Похоже на то, — кивнул Цыпко.

Между тем Семен Михайлович Бурмистров общался со следователем Малеванным:

— Слушай, Григорий Ильич, когда мы сюда ехали, нам навстречу две машины «скорой» попались. Я чего-то не понял... Труп-то всего один?

— Труп-то один, — нахмурился следователь. — Только... Мальчишку мы нашли в этой «ауди». Живого. Лет восьми. Он между передними и задними сиденьями на полу спрятался.

— И как он?

— Сам понимаешь, Семен Михалыч... Ступор. Мать убили прямо на его глазах. Ни слова вымолвить не может, трясется. Сейчас пацана психиатрам передали, надеюсь, завтра-послезавтра он нам расскажет, что видел, и как дело было. А сейчас — за работу, друзья. Хотя твоя работа, Семен Михалыч, в областной морг укатила. Но ничего, ты никогда лишним не бываешь.

Валере Цыпко не надо было давать мобилизующих указаний: он уже ковырялся в недрах «ауди».

В кармане Малеванного затренькал сотовый.

— Докладывай, — бросил в трубку Григорий Ильич.

— А что докладывать? — выдохнули на другом конце. — По операции «Перехват» результатов ноль. И вообще, по нашим данным, из сектора никто не выезжал, кроме рейсового «Икаруса». Вертолеты подняли, толку чуть... То есть никакого толку.

— Вы пассажиров «Икаруса» проверить догадались? — вкрадчиво поинтересовался следователь.

— Обижаете, Григорий Ильич. Пассажиров — девять человек, плюс водитель. Все девять сели в городе, на автовокзале. Так что ничего подозрительного... Больше никого «Икарус» не подвозил. В общем, мы всех отпустили.

— Ладно, до связи. Расширяйте зону поиска, прочесывайте лесные дороги. Короче, мне вас учить не надо, я надеюсь?

Валера выпростался из «ауди» с полиэтиленовым пакетиком в руке.

— Что там? — спросил Малеванный.

— А вот судите сами... По словам Черноброва, женщина получила пять пуль. Да еще три пули я выковырял из спинки заднего сиденья — пролетели мимо головы жертвы. Это называется — «патронов не жалеть!» Так что еще вопрос, профессионал ли тут работал. Хотя... Многие профессионалы тоже предпочитают выпускать всю обойму.

— Что еще? — нахмурился следователь.

— А еще одну пулю я извлек из правой передней дверцы. Вот так-то!

— Интересно, — буркнул Чернобров. — Как она туда залетела?

— А так. Ты, Вася, медведя плюшевого в салоне видел?

— К-конечно.

— А мишка этот, между прочим, еще одна жертва киллера — ну, жертва в фигуральном смысле. Пуля попала ему аккурат в область сердца, прошла насквозь и застряла в обивке двери.

— Странный выстрел, — покачал головой Малеванный. — Весьма любопытно...

— Григорий Ильич, а что ж тут странного? — вмешался судмедэксперт Бурмистров. — Я как врач вам скажу: тут со стороны киллера — чистой-шей моторика. Он действовал четко, не раздумывая. На автомате. Палил во все, что имело подобие одушевленного существа.

— П-похоже, это все-таки профессионал, — подытожил Чернобров. — В его действиях угадывается запрограммированность.

Валера медленно двинулся по ходу «ауди», но по встречной полосе. Он знал, что ищет, и потому все время внимательно смотрел под ноги. Ага, вот они... Цыпко наклонился.

Семь гильз лежали кучно, в радиусе не более полутора метров. Валера выпрямился, повернулся лицом к «ауди», сместился влево на пять шагов — обычно после выброса гильза пролетает именно такое расстояние.

За его действиями молча наблюдали коллеги. Цыпко расставил ноги, поднял сложенные ладони, словно держал в них пистолет, и прицелился в лобовое стекло иномарки.

— Что ж, друзья, вот здесь он и стоял, и стрелял в приближающуюся машину.

— С чего ты взял, что он стоял на одном месте?

— С того, что гильзы лежат кучно. Та-ак... Посмотрим, посмотрим...

Валера встал на колени и принялся буквально ползать по асфальту, высматривая, не осталось ли каких-нибудь следов от подошв обуви убийцы. Нет, не осталось. Для проформы он соскоблил немного асфальта в паке-тик, поднялся с колен и, вернувшись к «ауди», встал сбоку, лицом к водительской дверце. Что-то просчитав в уме, прошел еще пять шагов вправо, наклонился, увидел поодаль еще две гильзы и поднял их.

— Слышь, Вася? — окликнул он Черноброва. — А ведь ты совершенно прав. Был контрольный выстрел. Вот гильза после выстрела в медведя, а вот вторая — от контрольного в голову Кирсановой. Или наоборот... Какая разница? Что вы качаете головой, Григорий Ильич? Это же чистая математика!

— Даже башку напрягать не хочу — считать, пересчитывать... — махнул рукой следователь Малеванный. — Несущественно все это, Валера. Во всяком случае, пока. Хотя, конечно, ты показал сейчас мастер-класс.

— Скажите, Григорий Ильич, сколько у меня еще времени? — с надеждой спросил Цыпко.

— В каком смысле?

— Ну, скоро ли дорогу снова откроют для движения?

— А-а... Точно не знаю, но, по-моему, вот-вот. Тело увезли, гильзы мы собрали...

— Не уверен, Григорий Ильич, ох, не уверен, что мы тут все собрали, — помотал головой Валера. — Что-то мне подсказывает...

Все невольно заулыбались: Цыпко завел свою излюбленную шарманку, заговорил на языке пророчеств.

Между тем Валера, повинувшись какому-то странному предчувствию, лихорадочно метался по шоссе, выделявая зигзаги и пируэты, словно исполняя какой-то ритуальный танец. Его кожаный кофр, висящий на плече, носился по воздуху, бил Валеру по бедрам.

Наконец, издав победный клич, Цыпко упал на колени — на той обочине дороги, что ближе к лесу, тускло мерцали латунию шесть гильз, опять же — в радиусе не более полутора метров.

И снова он отсчитал пять шагов вдоль шоссе, поднял сложенные ладони и прицелился. В пустоту.

— Коллеги! — объявил Валера. — Здесь была еще одна машина. И она стояла. Да-да, совершенно точно — стояла! Если бы он стрелял в проезжавшую мимо машину, то... гильзы были бы разбросаны длинным веером.

А они все на одном пяточке.

Малеванный, Чернобров и Бурмистров подошли к предполагаемому месту остановки неведомого авто.

— Что же получается? — вслух принялся размышлять Григорий Ильич. — Проголосовал, остановил какую-то неизвестную нам машину. Расстрелял всех, кто там был. Одного, двоих, троих или даже четверых. И угнал это авто? Вместе с трупами? Зачем? Для угона не надо убивать, достаточно показать «пушку».

— А затем, Григорий Ильич, — отдельно проговорил Цыпко, — что неведомая нам машина «икс» была грузовая.

— Опять оз-зарение свыше? — подмигнул ему Чернобров.

— Только отчасти. Вот, смотрите — еле заметные следы протекторов. Здесь машина затормозила, причем довольно резко. Но изначально скорость была невелика, иначе тормозной путь был бы длиннее и обозначился отчетливее. Так вот, коллеги, я даже без рулетки вижу по расстоянию, что это — колесная база «Газели». Ну, во всяком случае, очень похоже. Или «Газель», или микроавтобус с аналогичной колесной базой. Конечно, возможно, это был пассажирский микроавтобус. Но, на мой взгляд, все говорит о том, что грузовой.

Цыпко вытащил из кофра фотоаппарат и принялся «щелкать» следы протекторов. При очередной вспышке на асфальте что-то блеснуло. Он наклонился, пробормотав:

— Тут что-то разбили, — и аккуратно собрал в пакетик мелкие стеклянные осколки.

— Итак, если прав наш друг Валера, то картина в корне меняется, — задумчиво и, соответственно, без заикания, заговорил опер Чернобров. — Здесь произошел захват какого-то ценного груза. Следовательно, потерпевшая Кирсанова...

— Ни при чем, — буркнул судмедэксперт Бурмистров. — Вряд ли она каким-то боком замешана в истории с грузом. Ведь с ней был маленький сын.

— Получается такая вот версия: Кирсанова убита как ненужный свидетель, — резюмировал Малеванный. — Она проезжала тут совершенно случайно, и это стоило ей жизни.

— Оказалась в ненужное время в ненужном месте, — тихо добавил Цыпко.

Помолчали. Григорий Ильич повернулся к Черноброву:

— Давай, Василий, отслеживай всю информацию о пропавших грузах. Начиная... Ну, скажем, с четырех утра. Или даже с полуночи. Особое внимание — грузовым «Газелям».

В областном следственном морге Семен Михайлович Бурмистров пошел к оцинкованному столу, на котором лежало тело Кирсановой. Судмедэксперт решил пока что ограничиться извлечением пуль: причина смерти очевидна, а все остальное — то есть прижизненные заболевания и тому подобное — уже не имеет значения. Правда, следовало бы проверить Кирсанову на предмет беременности... Ведь беременность жертвы усугубляет вину преступника.

Поодаль скучал Цыпко: он дожидался этих самых пуль. Про себя Валера уже определился и с маркой пистолета, и с количеством стрелков, но помалкивал до времени. А вдруг он все-таки ошибается? Тогда скоропалительное заявление подпортит ему репутацию.

— На, держи, — глянул на него поверх очков Семен Михайлович. — Все пять. — И протянул пластиковый пузырек из-под лекарства, в котором, как в погремушке, перекачивались смертоносные кусочки свинца в латунной оболочке.

— Семен Михайлович, там муж Кирсановой пришел, — входя в помещение, доложил санитар.

— Да? — удивился Бурмистров. — Но ведь он уже был здесь сегодня утром, когда опознание проводили.

— А теперь он спрашивает, когда можно забрать тело, — нудно пояснил санитар. — По-моему, он того... Тронулся.

— Я сейчас выйду, поговорю с ним, — нахмурился Бурмистров.

Они с Валерой вышли в загончик для родственников.

Там стоял, облокотившись о перила лестницы, мужчина лет сорока. Его лицо опухло от слез, а глаза, казалось, ослепли, потому что он никак не отреагировал на появление Бурмистрова и Цыпко — как смотрел куда-то в пространство, так и продолжал смотреть.

— Господин Кирсанов! — громко окликнул его Семен Михайлович.

— Да, — всхлипнул вдовец. — Я пришел узнать... Как там она?

— В каком это смысле — как? — растерялся Бурмистров.

— Ну... Она готова? Мы можем поехать домой?

Валера аж крикнул, хотя в словах Кирсанова, если вдуматься, не было ничего безумного. Безусловно, он отдавал себе отчет в том, что его жена мертва, но, тем не менее, она, и будучи мертвой, оставалась его женой, о которой надо заботиться, а его дом — их общим домом.

— Вы за рулем? — спросил его судмедэксперт.

— Нет, — помотал головой Кирсанов. — За рулем мой друг.

— Что ж, тогда я мог бы налить вам спирта. Вы как?

— Пить я не бу-уду, — понизил голос вдовец, будто сообщал некую тайну. — Нельзя-я...

— Воля ваша, — согласился Бурмистров. — Что касается вашей жены... Вам придется подождать ее еще немного. Ну, сутки, а то и двое. Сами понимаете, тут дело особое, должны быть соблюдены все формальности. Вот вам номер телефона, звоните, начиная с завтрашнего дня.

Кирсанов вертел в руке бумажку, подносил к глазам, будто пытаюсь, невесть для чего, запомнить номер.

— И еще, — вступил в разговор Цыпко. — Будьте готовы к тому, что вас в любой момент повторно вызовут в прокуратуру, в угрозыск, будут задавать массу новых вопросов...

— О чем?

— О вас, о вашей жене, ваших взаимоотношениях, работе, врагах и друзьях...

— Н-да, отношения... — Кирсанов провел ладонью по лицу, будто отгоняя сон. — Мы были на даче, знаете ли... Я, Люда и Максимка. А ночью... В общем, мы с ней повздорили. Из-за ерунды. Под утро она разбудила Максимку, забрала его и они уехали. Я даже не проводил, не извинился... Гордец проклятый! Господи... Зачем я только купил ей машину! Была бы жива. Так я пойду?

— Да, идите.

Кирсанов, сгорбившись, вышел из морга на улицу.

Каютный прогулочный катер Пал Палыча Дубровина выгодно отличался от соседних посудин, пришвартованных на причалах обширной лодочной станции. Многие владельцы яхт и моторок с завистью поглядывали на катер Дубровина, и ведь было чему завидовать: изящный и, в то же время, вместительный речной красавец сиял лакированным мореным дубом, начищенные бронзовые поручни придавали ему респектабельный вид.

К причалу быстрым шагом приблизился Виктор Усинков.

— Пал Палыч! — негромко позвал он.

Из каюты на корму поднялся Дубровин, его лысина сияла на солнце, подобно округлому борту катера.

— А, Витя! Заждались. Проходи на борт, зятек. Ничего, что я тебя так называю?

Усинков спрыгнул на корму. Здесь уже был сервирован столик на троих: шампанское, коньяк, виноград, икра, мясная и рыбная нарезка, дымчатые рюмки и фужеры.

Виктор протянул букет алых роз:

— Надо бы на столик поставить, Пал Палыч... А насчет того, что вы меня зятем назвали... Так ведь рановато еще. А где, кстати, моя невестушка?

— Отсыпается, — кивнул в сторону каюты Дубровин. — Устала девочка. Сам понимаешь, ей самая ответственная роль выпала.

— Да уж... — Виктор поскреб кадык.

— Подумать только! — хлопнул себя по ляжкам Пал Палыч. — Целый год изнурительных тренировок ради одного-единственного дела! Вот какая у меня дочка, Витя! Смотри, не проморгай в последний момент.

— Но ведь мы любим друг друга, Пал Палыч...

— Эх, Витя, Витя... Женская любовь — она как приходит, так и уходит. На своей шкуре испытал. Ингу-то без матери воспитывал, сам знаешь... Сбежала наша мамаша, и где она теперь — один Бог ведает. Инге восьми лет не было, когда мы вдвоем остались. Для нее исчезновение матери страшным ударом было. Ну, она тебе рассказывала, наверное... А как я-то с моей девочкой намучился! Чуть сам с ума не сошел... Может, потому и люблю ее так сильно, что она очень дорого мне обошлась. Ну ладно, все это лирика. Давай докладывай. Ты все сделал, как я сказал?

— Так точно, Пал Палыч.

Дубровин плеснул коньяка себе и Усинкову.

— Проблемы были?

— Никаких. — Виктор вынул из кармана две пачки тысячерублевых купюр в банковской упаковке, положил перед будущим тестем. — Здесь первые двести тысяч. За пробную партию «омнофона». В общем, люди прикинут, как пойдет торговля, и уж тогда будем определять окончательные расценки.

— Ладно, молодец, — похлопал Усинкова по плечу Дубровин.

Мужчины выпили.

— Знаете, Пал Палыч, я до сих пор изумляюсь, как гладко все у нас прошло. Ну, за исключением той женщины на красной «ауди»... А так — секунда в секунду, как на беговой дорожке. Я вот все думаю... А если бы автобус раньше времени появился?

— Я это учла! — раздался поблизости звонкий девичий голос.

Инга вовсе не выглядела заспанной, скорее, радостно-возбужденной.

— Привет, милая, — обнял ее Усинков. — И что же ты учла?

— В такое время, в пять утра, да в воскресенье, в автобусе не могло быть больше десяти-двенадцати человек, — рассудительно объяснила Дубровина. — Так что... Решила бы вопрос. Даже обойму перезаряжать не пришлось бы. Отличная штука — этот австрийский «глок». Семнадцать зарядов, да калибр — девять миллиметров...

Пал Палыч аккуратно, без хлопка, открыл шампанское, наполнил фужеры.

— Ну, ребятки, давайте выпьем за успешное воплощение нашего гениального плана.

— Так уж и гениального? — поднял свой бокал Усинков.

— Да, Витя, гениального! Мы все предусмотрели. Ты только подумай... Уже через минуту после отплытия катера водитель «Икаруса» сообщил ментам о расстрелянной «ауди». И тупые менты сразу же включили свой план «Перехват»! Перекрыли все дороги, Витя, вертолеты над лесом подняли! А мы — по тихой водичке, прогулочным ходом, на виду у всех...

— У них же мозгов нет реку проверять и все, что по ней движется! — лихорадочно блестя глазами, добавила Инга.

Звякнули фужеры, все выпили холодного колючего шампанского.

— А главное, ребятки, — утер губы Пал Палыч, — что у нас теперь плавающий склад этой дряни. Сегодня — здесь, завтра — там... На всю жизнь хватит, если с умом. А теперь... Я на правах отца позволю себе вопрос: вы когда расписываться собираетесь, в церкви венчаться, как положено? А? Витя, смотри у меня!

— Скажи, Инга, — улыбнулся девушке Виктор.

— Пап, мы тебе сюрприз решили сделать. Загадали: если все получится, тогда скажем. В общем, мы с Виктором вчера подали заявление в загс!

— Ура! Еще шампанского! — радостно воскликнул Дубровин. — Салют жениху и невесте! Теперь уж вы официально, можно сказать... Только вы уж того... Мне внуки нужны. Не тяните, ребятки!

— Итак, все окончательно прояснилось, — вздохнул Цыпко, глядя вслед уходящему вдовцу. — Машина Кирсановой, стопудово, оказалась в том месте случайно. Она была убита как свидетель. Никакого заказа на Кирсанову не было — никто не мог бы предвидеть ночную ссору на даче. Кроме мужа, разумеется...

— Вот именно, мужа, — задумался Бурмистров. — Бизнесмен средней руки, мог иметь пистолет...

— Ага, — иронично покивал Цыпко. — Вспылил, в ажитации погнался за женой на своем авто — ребенка отнять... Расстрелял, опомнился, да и скрылся... Нет, Михалыч, не получается. Алиби у него, Чернобров уже проверил. Никуда с дачи не отлучался, только в восемь утра сорвался, когда ему сообщили. Так соседи показали. Да ты сам видел, Михалыч, ну, какой из него убийца? И не забывай о грузовом микроавтобусе — он ключ ко всему. И к убийству Кирсановой тоже.

— Все-то ему ясно, видите ли! А главного ты так и не понял! — уничтожающе посмотрел на него Бурмистров.

— Чего же это, интересно? — ревниво протянул Цыпко.

— Она была бы жива, если бы они с мужем не поссорились! Если бы он вовремя попросил прощения, уговорил не уезжать. А он по гордыне своей

дал ей сесть за руль во взвинченном состоянии. Хорошо, хоть мальчонка жив остался. Ты понимаешь, что с женой надо жить дружно, в мире семейном? Дорожить нужно своими близкими, женой, детьми... Не предавать их на волю случая. Иначе черт-те что может произойти, и потом кусай локти, проклинай себя — не вернешь любимого человека. Не попадись ей на дороге этот изверг с пистолетом, Кирсанова могла бы в таком состоянии просто угодить в аварию, тем более что за рулем совсем недавно. Жалеть наших женщин надо, они же слабенькие!

— Угу, слабенькие... Нас-то они не больно жалеют.

— Эх ты, — горестно посмотрел на Валеру Семен Михайлович. — А как мы все радовались за вас на вашей свадьбе, все рифмовали: Вера — Валера!

— Холера — тоже в рифму, — скривился Цыпко. — Да вернется она, никуда не денется. Первый раз, что ли?

Бурмистров хотел было хорошенько «отчехвостить» Валерия, но тут раздалась знакомая переливчатая трель. Семен Михайлович выслушал сообщение, строго сказал Цыпко:

— Всю оперативно-следственную бригаду срочно вызывает прокурор области. Погнали, холера...

— А что за спешка такая?

— Поступили данные о пропаже грузовой «Газели» вместе с водителем и экспедитором.

— Ага! — возликовал Цыпко. — Грузовая «Газель»! Я же говорил!

— А теперь я скажу такое, — сурово сверкнул глазами Бурмистров, — что ты надолго перестанешь ерничать... Хотя... Тебе все по барабану. Так вот, «Газель» принадлежала Центральной областной больнице. Пропавший груз — «омнопон». Синтетический медицинский опий в немереных количествах.

Областной прокурор Леонид Иванович Вельяминов потерянно расхаживал по кабинету в своем синем мундире, а сидевшие за длинным столом Малеванный, Чернобров, Бурмистров и Цыпко молча провожали взглядом его тучную фигуру.

— Уму непостижимо! — сокрушался Вельяминов. — Пятьдесят пять коробок опия! В каждой коробке — больше полутора тысяч ампул! Половину области можно на иглу посадить... Слушай, Семен Михайлович... Ты специалист. Зачем областной больнице такое количество наркотика? А? Вот объясни мне!

— Понимаете, Леонид Иванович, — рассудительно заговорил Бурмистров, — это централизованные поставки на довольно длительный срок.

Областная больница заказывает «омнопон» не только для своих пациентов, но и по заявкам всех медицинских учреждений области. Потом они забирают свою долю и везут к себе. Такова обычная практика. Знаете, сколько в области одних только онкологических больных, которым постоянно требуется «омнопон» как обезболивающее? А инфарктников? Так что областная больница — это своего рода дилер для более мелких потребителей.

— Теперь у этого «омнопона» совсем другие дилеры! И потребители! — взорвался прокурор. — Только я одного не пойму... Как можно было допустить, чтобы такая масса «дури» транспортировалась практически без охраны? Пожилой экспедитор и необученный валенок с «Макаровым» — это не охрана! Это подстава!

— Инструкция не нарушена, — пожал плечами Бурмистров. — Это обычное сопровождение подобных грузов.

— Видите ли, — вмешался Цыпко, — насколько мне известно, случаев организованных нападений наркомафии на больничные машины с «омнопом» не зафиксировано. Ну, не больно-то интересует он мафию, поймите!

— Это как? — прищурился областной прокурор.

— А так. Для наркоманов со стажем «омнопон» годится разве что для «опохмелки», снятия ломки. Так что... В нашем случае мы, скорее всего, столкнулись с чьей-то самодеятельностью. Да, уровень исполнения весьма высок, и все-таки это смахивает на самодеятельность. Мафия перестреляла бы сопровождающих из автоматов и бросила бы трупы прямо на месте, пустую «Газель» — тоже. Это в случае попыток сопротивления. А какой смысл двум обычным гражданам сопротивляться под автоматами? Так что, скорее всего, экспедитора и водителя вообще оставили бы в живых. Зачем их убивать? Вывел из машины да положил мордой в асфальт... Они же не конкуренты!

— Стоп, стоп! — заговорил следователь Малеванный. — Конкуренты, не конкуренты... А что если все это — инсценировка? И похитители — не кто иные, как экспедитор Калинин и водитель... как его там... неважно. А? Может такое быть?

— В-вряд ли, — усомнился опер Чернобров. — Убийство свидетельницы в «ауди» — это в-вам уже не инсценировка. На т-такое не каждый способен решиться.

— Свидетельницы чего?! — воскликнул Вельяминов.

— Д-двойного уб-бийства экспедитора и водителя, а также, возможно, перегрузки ка-коробок, — неуверенно пояснил Чернобров.

— Григорий Ильич! — повернулся к Малеванному прокурор. — Поди-ка сюда. Где эту «Газель» видели в последний раз?

Следователь подошел к огромной карте, искал глазами.

— Примерно здесь, — ткнул он пальцем в красную ленту дороги. — Там пост ДПС стоит. Около четырех утра дэпээсники тормознули нашу «Газель», проверили документы, накладные, и Калиников с водителем продолжили свой путь.

— Тэ-экс, — задумался прокурор. — И случилось это примерно за час до расстрела «ауди» и, соответственно, как мы предполагаем, захвата груза «омнопона». Смотрим расстояние... От расстрелянной «ауди» до поста ДПС — около 80 километров. Все совпадает! Была засада. Одно непонятно. Дороги перекрыли в считанные минуты, куда же они все подевались, да еще с таким объемистым грузом? Просто как в воду канули!

— А может, действительно — в воду? — медленно проговорил Цыпко. — Там же река вдоль дороги протекает. Про реку-то мы забыли!

— А это мысль, — кивнул прокурор. — Надо организовать тотальную проверку плавсредств.

— Каким это образом? — усомнился Чернобров. — Если мне не изменяет память, в нашем городе и области одних только больших катеров чуть ли не сотня. Это не считая спортивных яхт и моторных лодок. Надо сузить поиск. И нужны хоть какие-то зацепки, чтобы досматривать конкретные плавсредства.

— Н-да, задачка... В общем, так, Василий, отправляйся-ка ты в больницу. Выясни там все, что можно и чего нельзя, — приказал Черноброву прокурор области. — Глядишь, и появится зацепка.

— Мне кажется, будет лучше, если завтра с утра туда схожу я, — предложил Бурмистров. — Сегодня уж поздно, да и воскресенье... Я давно знаю тамошнего начальника снабжения, да и говорим мы с ним на одном профессиональном языке...

— Добро, ступай, Семен Михалыч, — кивнул Вельяминов.

В криминалистической лаборатории Валерий колдовал со скудными вещдоками. За его спиной маячил Бурмистров.

— Шел бы ты домой, Михалыч, — бубнил Цыпко. — Ко щам. Или тебя ко щам не тянет? Странно. Ты же проповедуешь всякие там семейные ценности... Типа домашних щей.

— Хватит юродствовать! — одернул его Семен Михайлович. — Просто мне перед завтрашним визитом в больницу нужно иметь максимум информации. Так что не думай, будто я торчу здесь ради сомнительного удовольствия лишний раз пообщаться с таким... Таким... Ну, ты понял.

— Понял, понял, — пропел Цыпко. — С пистолетиком все ясно. Как и предполагалось — австрийский «глок-17». За-амечательная пушка, до-

ложу я тебе! Да ты и сам неплохо в оружии разбираешься. Один есть существенный минус у этого «глока»: там рамка, то есть корпус, из пластика. Хотя и высокопрочного, но все же — пластика. Если уронить, скажем, со второго этажа на асфальт, запросто может расколоться. Зато вес небольшой, всего-то шестьсот граммов, вместе со всем снаряжением. Годится и для женщины, и для подростка... А снаряжение-то — любо-дорого: семнадцать патронов калибра девять миллиметров. Не хухры-мухры. И это при довольно высокой скорострельности. Правда, есть еще «глок-19», там еще на два патрона больше в обойме. Но тут — именно «глок-17»... Наш ковбой на дороге произвел шестнадцать выстрелов, ни разу не перезарядив пистолета. Впрочем, может, я не все гильзы нашел, может, были еще выстрелы... И все-таки, ай да я, ай да молодец!

Слушая эту хвастливую тираду, Бурмистров сопел все отчетливее. Наконец он не выдержал и возмущенно проговорил:

— Слушай, умник! С чего ты решил, что это именно «глок-17»? А?

— Гильзы и пули рассказали, — весело отозвался Цыпко.

— Это ты кому-нибудь другому пудри мозги! Что они тебе рассказали-то? Что патрон — девять на девятнадцать миллиметров, что пуля — закругленный конус? Это же стандартный европейский патрон! Тут может быть и «парабеллум», и «беретта»... Да черт знает сколько моделей пистолетов можно зарядить этими патронами!

— Объясню, хоть мне и не совсем понятно, почему я должен тебе что-то объяснять. Согласно моей экспертизе, все шестнадцать выстрелов, о которых нам известно... ммм... Так вот, все они сделаны из одного и того же пистолета. Значит, стрелок был один. У других сочастников были иные роли — а в наличии подельников я не сомневаюсь, поскольку в одиночку провернуть такое дельце за какие-то несколько минут просто невозможно. Или, во всяком случае, очень даже сложно.

— Ну-ну, — покивал Бурмистров. — А раз количество гильз — 16, а пистолет — один, то ты пришел к глубокомысленному выводу, что это «глок-17»? Bravo! А почему не «глок-19»? И еще. Тебе не пришло в голову, что его могли перезаряжать?

— Могли и перезаряжать. И все равно это «глок-17». Слышал про такую вещь, как отметины бойка на капсуле? Слы-ышал! Каждая модель по своему клеймит гильзу, это специально учтено конструкторами в помощь таким, как я. Это как своеобразная печать, удостоверение личности оружия. Взгляни-ка сюда. — Валера поманил Бурмистрова к микроскопу. — Этот след, смещенный по часовой стрелке, характерен именно для «глока-17». Плюс — микроскопические следы нарезки ствола на гильзе. Профи, если не намерены бросить оружие возле трупа, иногда привязывают полиэтиле-

новый пакетик к отверстию выброса гильзы. Ну, чтоб не оставлять их на месте преступления... Этим они сильно осложняют мне работу, только и всего. Потому что и на пуле есть следы нарезки ствола... Правда, по одной только пуле все же нельзя стопроцентно судить о марке пистолета, можно лишь сузить поиск до 2-3 моделей... Зачем ты прикидываешься, Михалыч, будто ничего обо всем этом не знаешь? Чтоб меня позлить?

— Нет, Валера, — серьезным тоном ответил Бурмистров и положил руку ему на плечо. — Просто... Я пытал тебя, чтоб убедиться, что в определении модели пистолета ты руководствуешься не какими-то потусторонними сигналами, а чисто научным подходом. А то в последнее время ты стал слишком доверять интуиции...

— Вас понято... А ты знаешь, Михалыч, что за осколочки такие я подобрал с асфальта? — Валерий крутнулся на вращающемся стуле. — Это разбитое стекло от очков. Диоптрии — минус три с половиной. И следы кровушки на осколках имеются. Можно сделать вывод, что обладатель очков мертв. Застрелен в глаз из этого самого «глока»...

— Так, довольно! Только я его похвалил, как он тут же ударился в свои фантазии! Кровь на стекле еще не доказывает факта гибели... ммм... очкарика!

— Ты лучше вот что, Михалыч, — грустно вздохнул Цыпко. — Узнай там в больнице, носил ли экспедитор Калиников очки. И если носил, то с какими диоптриями... И его группу крови выясни...

— А почему это не мог быть водитель?

— Да потому... Вряд ли с таким плохим зрением человека посадят за руль государственной машины. Хотя...

Первая жертва «омнопона» не заставила себя ждать: уже на следующее утро в морг привезли труп 18-летнего наркомана. Зря, ох, зря криминалист Цыпко презрительно говорил о силе воздействия синтетического опия, особенно — на юный, неокрепший организм. Валерий недооценивал этот коварный препарат. Три кубика «омнопона», введенные под кожу во время утренней ломки, отправили на тот свет студента-второкурсника.

А дело было так. Подружка наркомана, совсем молоденькая девушка, жутко перепугалась, когда на рассвете студент стал выгибаться и хрустеть суставами, и помчалась на «точку». Незнакомый продавец, взяв деньги, указал ей на фонарный столб, внизу коего была продолговатая дверца. Открыв эту дверцу, девушка и обнаружила вожделенные ампулы.

Она сама сделала укол возлюбленному, после чего тот затих. Лишь спустя какое-то время девушка поняла, что ее друг мертв, и что именно она ввела ему роковую инъекцию незнакомого наркотика.

Обо всем этом Бурмистров случайно узнал от своего коллеги-патологоанатома, когда появился в Центральной областной больнице.

— И это только начало, — обреченно пробормотал Семен Михайлович.

Он отправился в отдел снабжения, где его угрюмо встретил заведующий Паньков — лысоватый, полный мужчина лет пятидесяти пяти, практически ровесник Бурмистрова. Они были не то чтобы приятелями, просто многолетнее знакомство предполагало добрые товарищеские отношения.

— Тут такое творится, ты уж извини, Семен, — оправдывался Паньков за свою неприветливость. — Чувствую, три шкуры с меня спустят... А в чем я виноват, скажи на милость? А? Так ведь нет, никто вникать не будет, обязательно надо «найти и наказать». Ну, валяйте, наказывайте! Брошу я все к чертовой матери...

Между тем Бурмистров разглядывал большую фотографию в стильной рамке, висевшую над одним из пустующих столов в отделе снабжения. Броская девушка в черном кожаном комбинезоне, с распущенными светлыми волосами, победоносно восседала на сверкающем черном «харлее», держа под мышкой супермодный шлем.

— Что, седина в бороду, бес в ребро? — усмехнулся Паньков, проследив за взглядом Семена Михайловича. — Пробирает, верно? Это, брат, краса и гордость кардиологического отделения, медсестричка Инга Дубровина. Мы тут в больнице как-то хотели конкурс красоты провести — что-то вроде «Мисс Медсестра», так ты представляешь — чуть не все остальные девушки заартачились, выступили против конкурса... И так всем ясно, что победит Дубровина.

— Кардиология, говоришь? А почему же ее фото...

— ...здесь, в отделе снабжения? — уточнил Паньков. — Ну, во-первых, может, и не только здесь... Может, и еще кое-где. — Паньков выразительно поднял глаза вверх. — Только там — не на виду. А, во-вторых... Видишь ли, Семен... Этот стол... За этим столом сидит — кто бы ты думал? — Кажется, толстяк радуется возможности просто поболтать со старым знакомым, отвлечься на минутку от нависших проблем.

— И кто же тут сидит?

— Наш пропавший экспедитор, Вячеслав Сергеевич Калинин.

— Ах вот оно что! — поднял брови Семен Михайлович и понимающе усмехнулся. — Но ведь у них разница в возрасте лет тридцать... А он так смело ее фото у себя над головой вешает. Не боится, что пойдут разговоры?

— Господь с тобой, какие разговоры, Семен! Хочешь верь, хочешь не верь, но между Калиниковым и Дубровиной... В общем, это редкий пример чистых отношений между мужчиной и женщиной.

— Уже интересно, — буркнул судмедэксперт.

— Да, интересно, — согласился Паньков. — Эта история давняя, лет десять ей, а то и больше...

На этот раз собрались в кабинете следователя Малеванного.

— Тот м-мальчик, ну, Максимка К-кирсанов, пришел в себя, — хмуро докладывал опер Чернобров. — Я там был, говорил с ним. П-парнишка вполне адекватен. Только нам это ничего не дает. Как только прозвучали первые в-выстрелы, и Кирсанова уткнулась л-лицом в руль, этот Максимка лег на пол, зажмурился и пролежал так вплоть д-до того, как мы его обнаружили. В общем, он не в-видел ровным счетом ничего и никого.

— Единственный свидетель, между прочим, — покачал головой Григорий Ильич. — Так, Цыпко мы выслушали, с моделью пистолета все ясно... А что тебе удалось выяснить, Семен Михайлович?

Бурмистров, опоздавший на совещание, заговорил:

— Сначала — по поводу пропавшего Калиникова. Я был у окулиста, узнал... Валера, ты был прав. Калиников носит очки с диоптриями минус три — левый глаз, минус три с половиной — правый. Теперь по группе крови... В карточке Калиникова — вторая положительная. А что на осколках, Валера?

— Аналогично.

— Что ж, — задумчиво поджал губы следователь Малеванный. — С этого момента мы можем считать экспедитора Калиникова убитым.

— Как ни прискорбно, это так, — кивнул Бурмистров. — А теперь вот что... По-моему, друзья, мы вышли на след преступников. Реальный след! Кстати, слышали, что от «омнопона» сегодня утром умер студент?

— С-слышали, слышали, — проворчал Чернобров. — Девчонка показала фонарный столб, в котором лидеры... тьфу, дилеры! — п-прячут наркотики. Там я еще четыре ампулы обнаружил. Торговля, п-похоже, идет б-бойко.

— Теперь по ситуации в больничном отделе снабжения, — продолжал Бурмистров. — У Калиникова была подруга, молодая медсестра из кардиологии Инга Дубровина. Девушка спортивная, рисковая — гоняет на «харлее», причем, говорят, очень даже недурно. Фотография Дубровиной у Калиникова над столом висела. Дружба у них давняя, еще с тех пор, как эта Инга ребенком была. Тогда ее с отцом бросила мать — не развелась даже, а просто сбежала с каким-то заезжим хлыщом. Циркачом, кажется... И у Инги было такое сильное потрясение, что начались проблемы с психикой. Так вот, тогда, лет 10-12 назад, Калиников доставал для девочки редкие импортные препараты. Он ведь уже в то время в снабжении больницы работал. Никто не знает, бескорыстно он помогал или нет. Но факт остается фактом: Инга снова стала полноценной — ну, в смысле

рассудка и поведения. Ну, практически полноценной, хотя срывы и потом бывали...

— Как у них у всех, — вставил Цыпко. — И все — формально нормальные. Ты давай ближе к делу, Михалыч.

— Ишь, ты, какой быстрый! Хотя... Ты опять прав, конечно. Кстати, благодаря Калиникову Дубровина и медсестрой стала. Так вот, слушаю я эту душещипательную историю, и вдруг в отдел снабжения входит эта самая Инга — собственной персоной! И знаете, зачем она явилась?

— За портретом своим, — вяло отреагировал Цыпко.

Бурмистров был заметно раздосадован такой пронизательностью криминалиста.

— Да, чтоб забрать свою замечательную фотографию! — Семен Михайлович глумливо поклонился Цыпко. — Я и говорю, как бы в шутку: а друг-то ваш не обидится, когда придет и увидит, что фотографии нет? Она мне: дядя Слава? Нет, мол, не обидится. Смотрю — у нее зрачки расширены, а перед этим мне зав снабжением говорил, что вроде бы у этой Дубровиной были когда-то проблемы с наркотиками...

— Так-так, — потер ладони Малеванный. — Это уже кое-что, это кое-что...

— Она пришла забрать фот-тографию, п-потому что точно знала: К-калиников больше н-не вернется! — убежденно заявил Чернобров. — И н-не обидится...

— Согласен, — кивнул Валера. — Но эта Дубровина торопилась унести свой портрет еще вот почему. Она спохватилась, что в отдел снабжения вот-вот нагрянете вы, опера. Мало ли, начнете расспрашивать, вот как ты, Михалыч: что это за девушка такая над столом пропавшего Калиникова красуется? Нам просто повезло, что Дубровина замешкалась... Приди она на полчаса раньше...

— Нам повезло не только в отделе снабжения, — с довольным видом продолжал Бурмистров. — Поехал я сюда, в прокуратуру, и вдруг на глаза мне вывеска попадает: «Спортивный тир». И надоумило меня заглянуть туда...

— Никак озарение свыше? — подмигнул судмедэксперту Валерий.

— Да ну тебя! — отмахнулся Бурмистров, хотя в словах Цыпко заключалась истинная правда. — Подхожу к служителю — не знаю, тренер он или менеджер, и спокойно спрашиваю Ингу Дубровину. И что вы думаете? Она действительно там тренируется! Уже год! Как же этот мужик ее расхваливал, вы бы слышали... «Талантище!», «чемпионский уровень!», «самородок!» В общем, по его словам, эта Инга — по всем статьям лучший стрелок в их тире. И по точности, и по скорострельности, и с бедра, и с вытянутой

руки, и по движущимся, и по неподвижным мишеням... Каждый день по два часа занималась, абонемент купила со скидкой. А теперь догадайтесь, с каким пистолетом она работала?

— Тоже мне, бином Ньютона, — скривился Цыпко.

— Верно, с австрийским «глок-17», — кивнул Бурмистров. — Правда, в тире ей выдавали спортивную модель, но она ни весом, ни иными параметрами от боевой не отличается.

— Ну, возьмем мы сейчас Дубровину, — расхаживая по кабинету, начал вслух рассуждать следователь Малеванный. — И что? Улик против нее нет, одни лишь какие-то совпадения, предположения. Мало ли кто с «глоком» в тире тренируется. Там таких десятки. Это самый популярный спортивный пистолет. Зрачки расширены? За это, простите, не задерживают. Может, она психотропные препараты принимает... Калиникова она знала? Так сей факт как раз играет в ее пользу: они ведь друзьями были, а не врагами. Но дело даже не в этом. Нам важно как можно быстрее склад похищенных наркотиков найти. Вот первоочередная задача! Чтоб эта дурь не расползлась по округе, чтоб случай со студентом не повторился! А задержанием Дубровиной мы только спугнем ее сообщников, и они уйдут на дно. Или — того хуже: спешно продадут все партию по дешевке.

— К-кстати, о со-общниках, — поднял палец Чернобров. — Скорее всего, это такие же м-молокососы-«нарики», угнали катер или яхту... Кто у Дубровиной из родных?

— Только отец, — ответил Бурмистров. — Его она вряд ли сдаст. Он ей и за мать, и за отца.

— Да что вы вообще говорите! — поморщился Малеванный. — Ну, какой отец вложит пистолет в руки единственной дочери! Да с таким заданием... У меня самого — дочь студентка, я вообразить себе не могу...

Валера Цыпко сосредоточенно щелкал клавишами ноутбука.

— П-погодите, я что-то н-не возьму в т-толк, — насупился Чернобров. — Это что же получается? — Василий перестал заикаться. — Нет, ну, я понимаю, Дубровина не вполне психически здорова...

— Как половина всего женского населения, — подал голос Цыпко, не отрываясь от компьютера.

— И все-таки, — гнул свое Чернобров. — По твоим словам, Михалыч, выходит, что она застрелила своего давнего друга и благодетеля? Ставшего ей почти родным «дядю Славу»? И все из-за какой-то «дури»?

— Не из-за «дури», а из-за больших денег, — поправил оперативника Цыпко.

— И все равно... Жидковатая версия. Маловероятная.

— Вот что я скажу, хоть я и не психолог, — вздохнул Бурмистров. — Впрочем, за тридцать лет работы судмедэкспертом станешь психологом... вспомните, с чего начались проблемы Дубровиной. В детстве ее бросила мать — самый близкий человек. Девочка восприняла это как тяжкое предательство. Долгие годы она жила с этим сознанием и постепенно запрограммировала себя на предательство близкого, родного человека. По идее, жертвой должен был стать отец — ведь он, как я говорил, заменил ей мать. Но... Подвернулся «дядя Слава» — экспедитор Калиников. В психологии это называется «компенсация» или даже «гиперкомпенсация». То есть — с избытком... Дерзну предположить, что в процессе подготовки преступления Инга все-таки стала любовницей «дяди Славы». По своей инициативе. Чтоб уж предавать, так предавать, по полной. Могут сказать, что убийством Калиникова Инга мстила матери, а я добавлю, что этот поступок стал итогом длительного поиска жертвы, вялотекущего стресса...

— Мудрено все это, — помотал головой Малеванный. — Убийство — оно и есть убийство, наше дело найти преступников, а там уж пусть судебно-психиатрическая экспертиза решает.

— Есть! — воскликнул Цыпко, ткнув пальцем в экран ноутбука. — Дубровин Павел Павлович, владелец прогулочного катера «Инга». Стоянка на причале в яхт-клубе «Нептун». Но это сведения пятилетней давности, сто раз мог сменить стоянку или продать катер... Теперь — домашний адрес...

— Хорошо, хорошо, Валера, — скупно похвалил криминалиста Малеванный. — На квартиру Дубровиных пока что вламываться не будем. Вася, Валера — давайте по лодочным станциям. Вдвоем и с оружием — Вася, это я про тебя говорю... Они очень, очень опасны!

Когда Бурмистров, Чернобров и Цыпко выходили из кабинета Григория Ильича, Валерий вполголоса сказал Семену Михайловичу:

— Я тут подумал... Знаешь, Михалыч, я, пожалуй, не буду дожидаться двадцать четвертого.

— Бррррр, — встряхнул головой судмедэксперт. — Ты о чем это? Какое еще двадцать четвертое?

— Ну, когда, по моим прогнозам, Вера должна домой вернуться.

— А-а-а...

— Куплю цветов и пойду вечером к теще. Буду у Верки прощения просить. Возможно, даже на коленях... — скорбно вздохнул Цыпко, но в глазах его светился озорной огонек: — Михалыч! Я без оружия. Если со мной что-нибудь случится, то передай Верке...

— Передам, передам, — фыркнул Бурмистров. — Может быть, тебя еще и орденом наградят. Посмертно. «За Веру и Верность».

— Инга, отдай мне пистолет. — Голос Пал Палыча Дубровина звучал сурово, а глаза смотрели на дочь беспощадно.

— Это еще почему? — притворно удивилась девушка.

— Сама знаешь.

Они стояли в полутемной каюте катера, в узком проходе между штабелями коробок с «омнопоном». Сверху, через распахнутую дверь, проглядывал кусочек ярко-синего неба, слышался детский смех и плеск весел.

— Пап, да что с тобой? — попыталась улыбнуться Инга.

— Не со мной, а с тобой! Посмотри в зеркало на свои зрачки!

— А что ты психуешь, в конце-то концов, а? — с ноткой презрения бросила Дубровина. — Должна же я была попробовать штуку, из-за которой перестреляла столько народу... За одно утро!

— Дочка, что ты со мной делаешь! — надрывно выкрикнул Пал Палыч. — Ты же еще год назад клялась мне, что завязала с этой дрянью навсегда! У тебя появился Виктор, вы скоро поженитесь. У вас будут дети!

— Будут, будут... Пап, ну я целый год терпела! Я перенапряглась, понимаешь? Надо было расслабиться... Только разок! Ну, два...

— Да нельзя тебе! Совсем нельзя! Отдай пистолет...

— Ой, да, пожалуйста! На, держи...

Инга схватила свою спортивную сумку, вытащила из нее «глок», швырнула его к ногам отца и быстро поднялась на палубу.

Убитый горем Пал Палыч обессилено опустился на коробку с «омнопоном», поднял пистолет и прошептал:

— Вот тебе и дождался внуков. — Посидел еще немного, встряхнулся, решительно взбежал наверх: — Виктор!

— Да, Пал Палыч?

— Снимаемся! Надо менять дислокацию. У меня чутье...

— И что вам подсказывает ваше чутье?

— Что беда не приходит одна. Нас ищут. И уже почти нашли.

Чернобров и Цыпко стояли в дощатой конторе лодочной станции и грозно смотрели на беззащитного дядечку в тельняшке и парусиновых брюках.

— Да поймите вы наконец, — прижимая руки к груди, торопливо говорил он, — никого из начальства нет. Подождите, скоро будут. Я сторож всего-навсего!

— Вот и хорошо, — давил Цыпко. — Вы-то нам и нужны. Вы здесь постоянно дежурите, все дела знаете.

— Да какие дела-то?

— А вот какие. Фамилия Дубровиных вам известна?

Этот вопрос Вася и Валера задавали уже на пятой лодочной станции кряду (начиная с яхт-клуба «Нептун») и доселе вразумительного ответа не получали. Да, люди слышали, что у какого-то Дубровина есть отличный катер, но больше ничего сказать не могли. И вот...

— Дубровин? — просиял «парусиновый» сторож. — Пал Палыч-то? Знаю, конечно. Он у нас прямо речной князь! Его катер здесь на причале швартуется. Он уж лет пять стоянку оплачивает. Катер его — самый быстходный на всей реке, да красивый какой — загляденье!

— И что, этот Д-дубровин т-такой богатый, что для своего у-удовольствия дорогой катер содержит? — спросил Чернобров.

— Для удовольствия? — вытаращился сторож. — Оно, конечно, заколачивать на реке такие деньжищи — сплошное удовольствие! Богачей он на своем катере катает с девками, бандюков разных. Еще компании всякие на пикник возит, на рыбалку. Хорошо живет Дубровин. За сезон столько зарабатывает, что простому человеку и не снилось. Дочка его вся в золоте ходит... Барыня! А уж оголтелая была — просто оторва. Ох, и намучился с ней Пал Палыч! Эти бандюки-то, которых он по речке возил, незаметно ее к наркотикам приучили. Чуть не пропала девка. Но сейчас ничего, выправилась. Работает. А с этой гадостью совсем завязала. Молодец, характер в отца. Крепкий.

— Та-ак, — протянул Чернобров. — А припомните-ка, позапрошлой ночью катер Д-дубровина стоял у причала или отсутствовал?

— Вот то-то и оно, что за полночь снялись они и отчалили. А гостей-то на катере не было! Вернулись часов в шесть утра, может, в полседьмого. Да вы сами-то с Пал Палычем поговорите! Я вам сейчас его посудину покажу. Там он, на катере, я видел...

Все трое вышли из конторы, и сторож, бросив взгляд вдоль причалов, удивленно протянул:

— Нету! Вот только что здесь был, а сейчас нету...

— Куда он мог отправиться?

— Да куда угодно, вся река в его распоряжении.

— Ну, тогда скажите, в какое место он обычно отдыхающих возит?

— Места разные... — задумался сторож. — Но самое излюбленное — это на остров. Ниже по течению, километров семь-восемь. Там приятель Дубровина баню построил в виде терема, вот туда часто и возит гостей Дубровин.

— Ясно. Спасибо, отец.

Чернобров и Цыпко направились к машине. Оперативник хотел, было, позвонить Малеванному, но его сотовый опередил намерение хозяина, запиликал с нарастающей силой. Василий долго слушал сообщение, затем дал отбой и повернулся к Валерию:

— Пока мы с т-тобой по лодочным станциям ра-аскатывали, в-в деле произошли существенные и-изменения. В соседнем районе найдена п-пропавшая «Газель».

— Наконец-то!

— Д-да... Ее заметили с патрульного в-вертолета. «Г-газель» утопили в лесном о-озере, но сверху все видно... К-короче, подогнали т-технику, вытащили. Внутри — два т-трупа, опознаны как экспедитор К-калиников и водитель. Сейчас Бурмистров над ними в морге колдует.

— Ну, теперь прокурор точно даст санкцию на арест подозреваемых. Все, хватит церемониться с Дубровиными, надо их тупо брать. А склад «омнопо-на» — на борту катера, не бросили же они такой товар, в самом-то деле...

Чернобров и Цыпко сели в машину Василя.

— Я знаешь, что думаю, Валера? — медленно заговорил оперативник. — Вот скажи мне: чего людям не хватало? А? Ведь хорошо жили, все было налажено... Все — в удовольствии: катайся по реке да купоны стриги. Зачем эта куча трупов, эти наркотики?

— Так ведь ты, Вася, с точки зрения людей рассуждаешь, — сквозь зубы процедил Валерий. — А на свете есть еще и нелюди.

Чернобров двинул машину к прокуратуре, а Цыпко тем временем продолжал:

— Я так думаю, что на этих прогулках по реке Дубровин сошелся с кем-то из дилеров наркомафии. Да еще Инга постоянно владела информацией о транспортировке «омнопона» — Калиников откровенничал, на свою беду. То есть все одно к одному сошлось. Было это примерно год назад. Тогда и появился дерзкий план захвата груза «омнопона». Готовились долго, тщательно — тренировки в тире, изучение рынка сбыта наркотиков, разработка всех маршрутов передвижения во время операции. Место захвата выбрали с таким расчетом, чтоб удобно было катер подогнать, чтоб щебень на обочине, чтоб попасть во временной прогал, когда на шоссе автобусов не будет... Все учли, кроме портрета Инги в кабинете Калиникова. Ну, и еще моего мастерства, конечно...

— И М-михалыча! — с укором посмотрел на Валеру оперативник.

— Ну да, и Михалыча, — неохотно согласился Цыпко. — Лихо он сподобился и портрет увидеть, и в тир заскочить... Но я доскажу про Дубровиных. В общем, все эти увлекательные приготовления так захватили отца и дочь, что отказаться от задуманного они уже не могли. Отказаться — значит, лишиться себя чего-то очень существенного в этой обрыдлой повседневности... А это было выше их сил. Скажу больше. Предстоящее ограбление стало смыслом их жизни. Вот так-то, Вася. А ты говоришь — чего им не хватало. Смысла жизни им не хватало! Хоть какого-нибудь...

Белобрысый увалень радушно приветствовал гостей на своем островке.

— Прошу, прошу! — Он протягивал руку, поочередно помогая Пал Палычу, Инге и Виктору перебраться с катера на причал, тараторил счастливым голосом: — Молодец, что заранее предупредил, Пашуля! Шашлык поспекает, пиво стынет... Инга! Ты все хорошеешь.

— Спасибо, дядя Гоша.

Виктор огляделся, он был здесь впервые. Двухэтажный бревенчатый терем с резными наличниками, флюгерами и ажурными балкончиками возвышался над островом, радовал глаз. Поодаль шумела листвою кряжистая ветла, возле нее лениво паслась гнедая лошадь. И таким умиротворением веяло от этого сказочного пейзажа, что хотелось и плакать, и смеяться.

Они неспешно шли к парусиновому тенту, под которым дымился мангал; тут же стояли на траве пластиковые стол и стулья. Дядя Гоша, он же — Георгий Степанович, радовался, как ребенок:

— Наконец-то, Паша, ты приехал ко мне просто в гости, а не с ватагой клиентов. Посидим, пообщаемся без напряжения.

— Слушай, Гоша, — нерешительно заговорил Пал Палыч. — Тут такое дело... Сам понимаешь, все дорожает. В общем, я кое-каких продуктов впрок закупил для своего прогулочного бизнеса. Можно на время у тебя коробки оставить? Там ничего скоропортящегося нет, ну, консервы всякие...

— Да ради Бога! — воскликнул хозяин острова. — В подвал закинем, пусть хоть до морковкина заговенья стоят.

— Вот и ладушки... Меня пару недель не будет, Гоша. Везу вот молодых в свадебное путешествие по нашей речке-матушке.

— Да что ты говоришь! Что ж ты молчал-то? У меня и подарка не приготовлено... Инга, представь своего благоверного!

— Это Виктор, мой суженый, — с довольной улыбкой провозгласила девушка. — Мы любим друг друга и теперь всегда будем вместе.

— Тогда — шампанского! — объявил Георгий Степанович. — Представляете, я как чувствовал... Пару бутылочек прихватил под шашлычок. Так что в погреб идти не надо... Молодой человек! Вы хоть отдаете себе отчет, как вам повезло в этой жизни?

— Отдаю, конечно, — улыбнулся Виктор и покраснел от удовольствия.

— Ни шута вы не отдаете! — заверил его Георгий Степанович, откупорив бутылку и налив всем шампанского. — А я Ингу с рождения знаю — верно, Паша? Вот такусенькую на руках держал. Помню, Славка Калинин все предрекал: мол, друзья, вот увидите, вырастет умница, красавица, спортсменка! Как в воду глядел. Кстати, как Славка поживает? Тоже давно обещал ко мне приехать, да все никак не выберется. Ты его в следующий раз обязательно с собой прихвати, Паша. Вы же встретитесь не сегодня-завтра. Посидим, вспомним нашу школьную дружбу.

Выпили шампанского... Потом поедали сочный, с поджаристой корочкой шашлык, сдабривая его охлажденным пивом.

— Мы в одном классе учились — тесть твой, я и Слава Калиников, — говорил Виктору дядя Гоша. — Ох, и намучились с нашей троицей учителя! Помнишь, Паша, как ты организовал акцию протеста против сменной обуви?

— Помню, конечно, — рассмеялся Дубровин. — Сначала вы со Славкой поддержали, а уж за вами и другие пацаны подтянулись...

— Представляешь, Виктор, — захлебывался Георгий Степанович, — мы взяли и вообще разулись. Даже носки сняли. Стали по школе босиком расхаживать. А зима стояла, учти! Переполох был жуткий, из РОНО комиссия нагрязнула, это ж брежневские времена! Скандал, чуть ли не политический...

Инга уже сто раз слышала эту историю, но все равно искренне хохотала. Ей было хорошо и спокойно, тоска и предчувствие неотвратимой беды ушли куда-то на дно подсознания...

— А знаете что? — спохватился Георгий Степанович. — Погостите у меня денек-другой! Куда вам спешить? Река от вас не уплывет. Медовый месяц! Паш, соглашайся! Баню истопим — вон какой терем у меня под баню-то. А я молодым такие хоромы предоставлю — прямо княжеские. У меня петух по утрам поет, красота... На лошади покатаетесь, а мы с Пашей рыбку половим. Ну, как?

— А что? — Глаза Пал Палыча добродушно смеялись. — Останемся, ребята?

— Останемся! — хором ответили Инга и Виктор.

Довольный дядя Гоша сходил к мангалу, принес новый пучок шампуров.

— А знаешь, Паша, я все думаю... — счастливо вздохнул он. — Мы с тобой замечательно устроились в этой жизни! И как ты считаешь, что в нашей судьбе лучше всего?

— И что же?

— А то, Паша, что мы с тобой честно деньги зарабатываем. Причем хорошие деньги. Я как погляжу на всех этих... ну, которые то и дело в моей баньке парятся. Господи, как они могут так жить? Это же страшная жизнь, когда все время ждешь пули, ареста, предательства... А у нас совесть чиста, Паша. И мир душевный. Он ведь дороже всего.

Последние слова Георгия Степановича были «съедены» грохотом вертолетных двигателей. Все вышли из-под тента, подняли глаза. Патрульный «Ми-8» медленно и низко летел над островом.

— Назад! — произвольно крикнул Пал Палыч, увлекая Ингу и Виктора под защиту тента.

Парусина ходуном ходила от порывов ветра, поднятого лопастями вертолета, из мангала неслись тучи пепла и золы...

— Черт-те что, — недовольно пробурчал Георгий Степанович. — Сегодня они просто оборзели. Ну, пошли баньку топить, что ли? Или попозже?

— Вот ведь старый дурак-то! — хлопнул себя по лбу Пал Палыч. — Ну, они-то ладно, молодые, у них одно на уме... А я? Совсем память отшибло. Ты прости нас, Гоша. Нас в другом месте ждут.

— Да ладно, позвони, объясни, и дело с концом! — отмахнулся Георгий Степанович.

— Нельзя, Гоша... Туда не опаздывают. Там серьезные люди, Гоша. Так что извини, нам пора. Засиделись.

Все спустились к причалу. Растерянный хозяин острова не знал, что и сказать.

— Да, Паша! А коробки-то твои?

— Некогда уже перегружать, Гоша. Поздно я спохватился... Прощай, старый дружище!

— До свидания, дядя Гоша! — Инга обвила руками шею увальня. — Бог даст, свидимся!

— Вместе со Славкой Калиниковым! — крикнул им вслед Георгий Степанович.

Катер стал набирать ход.

Вертолет больше не показывался.

— Инга, Виктор! Вспарывайте коробки и сбрасывайте их в реку! Все! Операция провалена!

Коробки тонули медленно, постепенно заполняясь водой.

Когда катер повернул в протоку, сзади послышалось завывание сирены.

— Ну вот, — сурово произнес Пал Палыч. — Где-то мы прокололись.

— Что делать, Палыч? — с мольбой посмотрел на Дубровина Усинков.

— Уходить. Мой катер уж быстрее ментовских будет...

Инга молчала — она словно в ступор впала.

— А куда уходить-то, Палыч? — истерил Усинков.

— Эх, паря... Неужто ты думаешь, что я нору на всякий случай на приготовил?

Позади показались две моторные лодки со спецназом. В воздух ударила предупредительная автоматная очередь.

— Павел Дубровин! — огласил реку противный голос мегафона. — Заглушите двигатели! Повторяю: заглушите двигатели!

— Не дождетесь! — оскалился Дубровин и дал полный газ.

Дико взревели моторы, едкий дым выхлопных труб засинел над потревоженной гладью воды. Задрав нос вверх, будто стремясь взлететь, катер помчался по широкой протоке. И тут же стали отдаляться, отступать назад две моторки с автоматчиками.

От резкого рывка Инга упала, больно ударившись головой о бронзовый поручень.

— Отрываемся, папа! — придя в себя, восторженно взвизгнула она.

— Не стойте! — крикнул Дубровин. — Выбрасывайте товар!

Инга и Виктор снова ринулись вниз, в каюту.

Виктор подхватил три коробки и выскочил на корму. Инга услышала отдаленную автоматную очередь...

— Витя?! — прошептала она, осторожно поднялась наверх и выглянула на палубу.

Усинков стоял, не выпуская из рук коробки с «омнопоном», и как-то обиженно смотрел на девушку. Потом стал медленно валиться навзничь, в буруны за кормой катера.

— Витя-а!!

Пал Палыч услышал истошный вопль дочери и сразу все понял. Стиснув зубы, он ожесточенно заставлял катер лавировать по протоке, шепча про себя:

— Уйдем, обязательно уйдем.

— Папа! Они Витю убили! — держась за поручни, пробралась в рубку Инга.

— Ничего, дочка, ничего, — повторял, как во сне, Пал Палыч. — Уйдем...

Над головой снова навис вертолет. Дубровин выхватил «глок», задрал голову и, скаля зубы, сделал десять выстрелов подряд в днище «Ми-8». Вертолет заложил вираж и, уйдя влево, скрылся из глаз...

Катер снова выскочил на большую воду. Пал Палыч оглянулся. Инги рядом не было.

Впереди простирался прямой участок реки. Дубровин застопорил руль и кинулся в каюту.

На полу между рядами коробок сидела Инга и смотрела на отца пустыми, мертвыми глазами. Пал Палыч опустился на колени.

— Дочка... Зачем ты это сделала?..

Рядом перекачивался использованный 20-кубовый шприц.

Страшный удар сотряс катер, и Дубровин повалился на мертвое тело дочери...

— Д-дубровины! — снова раздался голос мегафона. — В-выходите на п-палубу с поднятыми руками и без оружия!

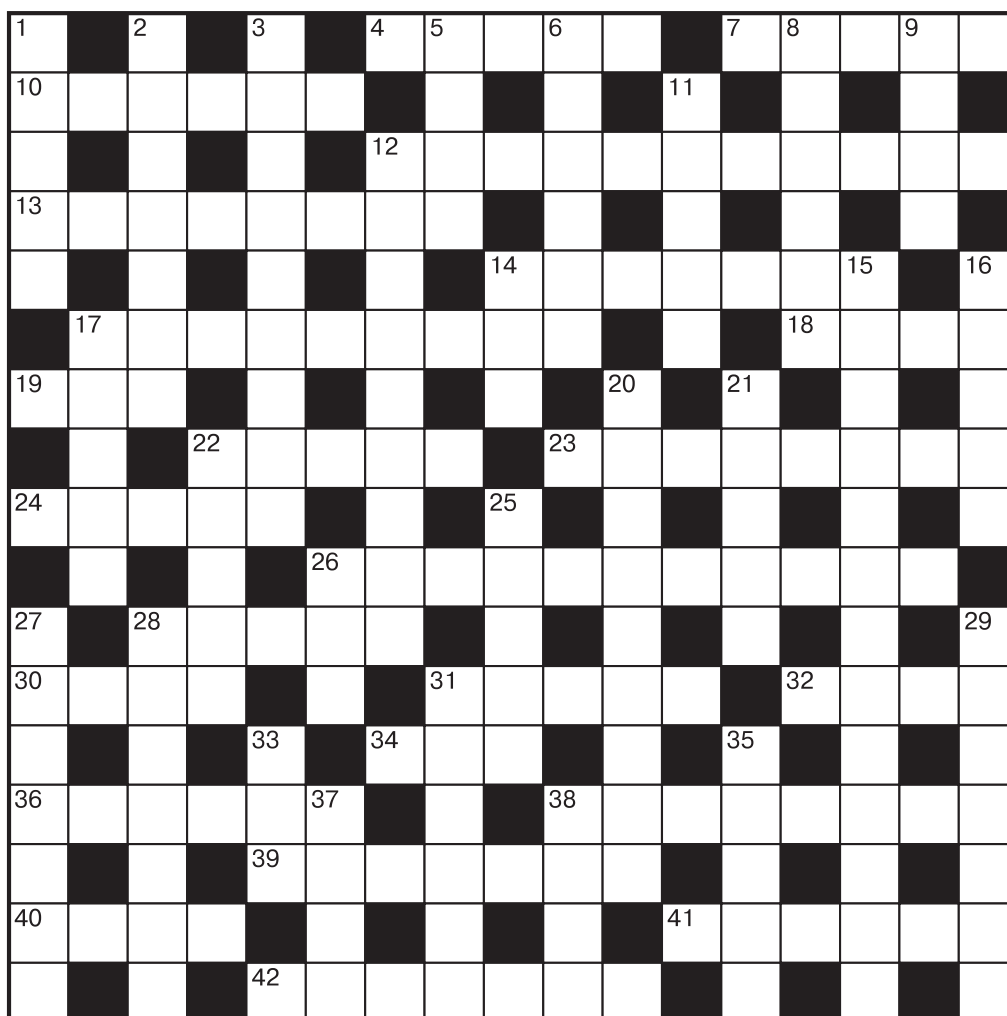
Василий Чернобров опустил мегафон, подождал.

Катер Павла Дубровина под названием «Инга» уткнулся носом в крутой берег реки, от двигателей тянулась тонкая дымная пелена.

— Дубровины! Инга и П-павел! — снова выкрикнул в мегафон Чернобров.

В ответ из недр катера донесся звук одиночного выстрела. □

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Какая звезда попала на флаг Бразилии? **7.** Что снимал Оноре де Бальзак в знак признания великого гения, говоря о себе любимом? **10.** Русский ... встречать гостей хлебом и солью. **12.** По какой причине фирму с молотка продают? **13.** Какое заморское слово Владимир Даль предлагал заменить на «своеручник»? **14.** «И снова жжет московская истома, звенит вдали смертельный ...» **17.** «Сама изысканность» в гастрономическом плане. **18.** Вообразу-

листая девица. **19.** «Это был чудесный ..., и художник на манжете мой портрет нарисовал». **22.** Показатель читательской популярности. **23.** Кто из героев сказки про волшебника Изумрудного города боится сырости? **24.** «Альфа-самец» в обезьяньем стаде. **26.** Аппарат «подчинения людей насилью» для Владимира Ленина. **28.** Какая побудительная причина может быть мелодией? **30.** Какую планету считают самой холодной в Солнечной системе? **31.** «Дробь из-под копыт». **32.** По-

средник между утюгом и розеткой. **34.** «Беда многих женщин, что они восхищаются буквально ничем — и потом выходят за него замуж» (голливудская суперзвезда). **36.** После какой процедуры чувствуешь себя слегка помятым? **38.** Все наследственные задатки популяции. **39.** Чеховская «дама с собачкой». **40.** Детская книжка «Маленький ... Фанутлерой». **41.** Кому пропуска на проходной предъявляют? **42.** Писатель, создающий картинку будущего.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Какой камень в средние века дарили, чтобы умерить гнев хозяина? **2.** Что испортило американскую машинку из рассказа «Диктофон» Михаила Зощенко? **3.** Обладатель самого уравновешенного темперамента. **5.** «Я пою не для всех — я пою для каждого» (легенда французской эстрады). **6.** Единственное, что не помещается в кулак, но всегда вываливается наружу. **8.** «Беда стране, где раб и ... одни приближены к престолу». **9.** Чем выводят чернильные пятна с полированной мебели? **11.** «Ковбойские игрища». **12.** Кому из героев романа

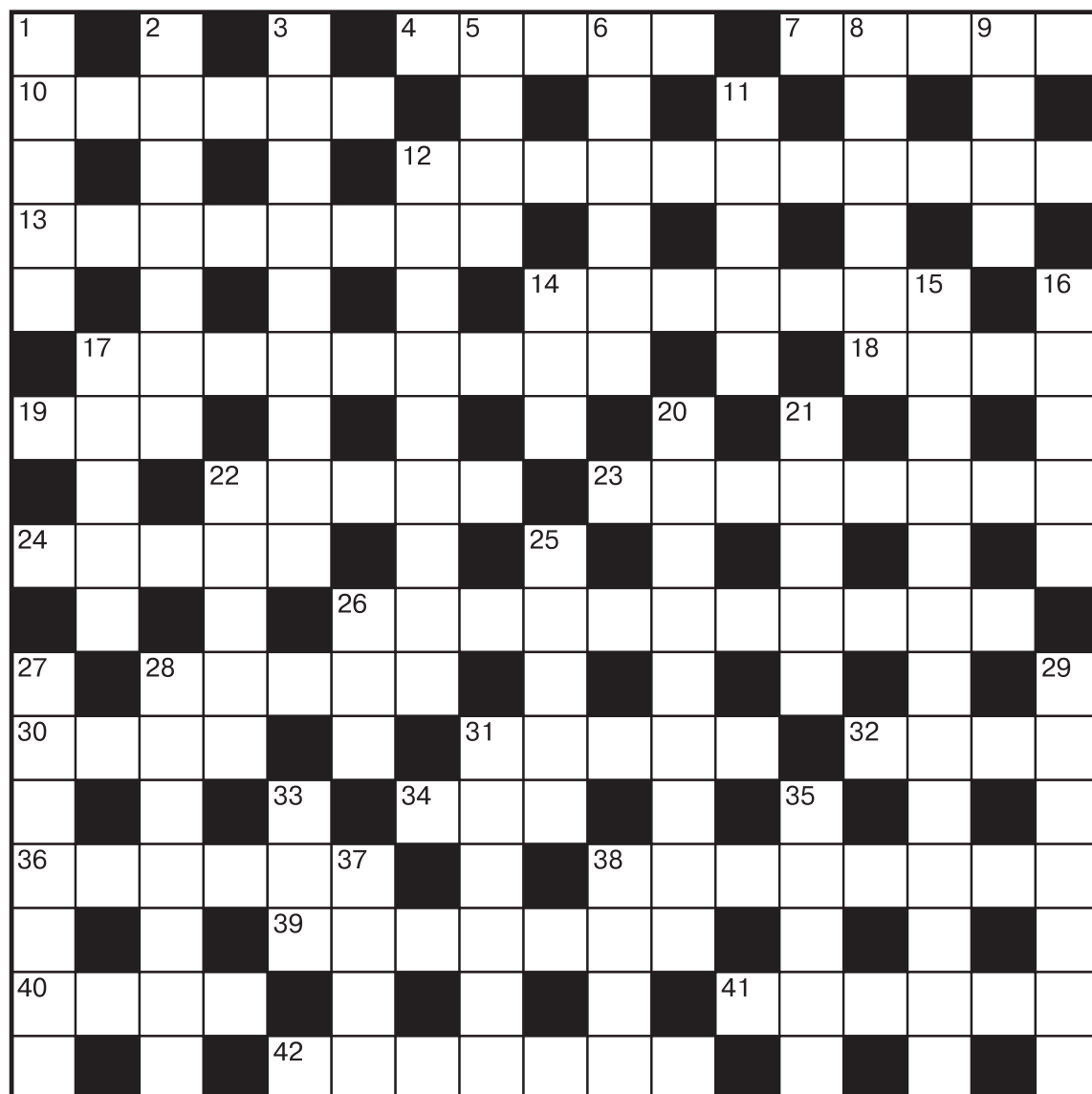
«Золотой теленок» Ильи Ильфа и Евгения Петрова для счастья требовалось сто рублей, а для полного — шесть тысяч четыреста? **14.** Нечистый, который может попутать. **15.** ... осанки. **16.** «Вторая половина» болта. **17.** Какой царь стал героем последней из пушкинских сказок? **20.** Буйный полицейский из старинной русской жизни. **21.** У американцев за словами «... виляет собакой» скрыто плутовство. **22.** «Открепительный ...» на выборах. **25.** Головокружительный успех. **26.** Кто из голливудских звезд получил в колледже стипендию в качестве талантливого гимнаста? **27.** Из какого плода испанцы делают самые популярные свои соусы к мясным блюдам? **28.** Музыкант самого высокого полета. **29.** Каприз самого плохого тона. **31.** Главный компонент бетона. **33.** «На красивый ... лучше смотреть с некоторого расстояния, чем подходить вплотную». **35.** Какие отношения «пишут сердцем»? **37.** Бывает и золотосной, и кровяносной. **38.** Что подсыпали в вино древние римляне, дабы оно не превращалось в уксус?

Ответы на кроссворд, опубликованный в №1

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Чулки. **7.** Штык. **10.** Величие. **12.** Велобайкер. **13.** Пьедестал. **15.** Циклон. **16.** Синод. **18.** Пеликан. **19.** Рай. **24.** Апокалипсис. **25.** Окошко. **26.** Слуга. **27.** Фотон. **30.** Клеш. **34.** Сова. **35.** Конфискация. **37.** Лото. **39.** Хоровод. **41.** Гинеколог. **42.** Пария. **43.** Ермак. **44.** Записка. **45.** Вишня.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Дельфин. **2.** Виндзор. **3.** Чипсы. **5.** Узел. **6.** Клок. **8.** Текила. **9.** Корона. **11.** Гарин. **12.** Ватерполист. **14.** Дискография. **15.** Цапля. **17.** Данко. **20.** Опрос. **21.** Киров. **22.** Точка. **23.** Хорек. **28.** Тосол. **29.** Налог. **31.** Шоколад. **32.** Эфиоп. **33.** Минерал. **36.** Добро. **37.** Лобио. **38.** Толки. **40.** Дали. **41.** Гимн.

ЭРУДИТ

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Саблезубая крысобелка. **7.** Шапочка палестинок, украшенная монетками. **10.** Чайничек бармена. **12.** Какую систему записи движений придумал в 1700 году некий танцмейстер Фейе? **13.** Индийский танец с палками, к которым приделаны колокольчики. **14.** Бог рыбаков Древнего Египта. **17.** Роман японца Харуки Мураками о том, как

подталкивать в спину время. **18.** Поповское жалованье. **19.** Испанский троцкист, состоявший в переписке с Борисом Пильняком. **22.** Первый в зарубежной Азии международный гроссмейстер. **23.** Садовый жасмин. **24.** Талисман «на исполнение желаний». **26.** Что герои романа «Вокруг Луны» француза Жюль Верна переживали около часа, хотя на самом

деле оно должно бы длиться во время всего путешествия? **28.** Каждый из четырех «избранных праведников эпохи» у мусульман. **30.** Кто вместе с Андреем Сахаровым разработал принципы удержания плазмы в токамаке? **31.** Кто посвятил в епископский сан будущего кардинала Ришелье? **32.** Одежда из оленьих шкур у чукчей. **34.** Балканская флейта. **36.** Карликовый гурами. **38.** Какое устройство придумал Сальвадор Дали, а воплотил в жизнь инженер Лапарра? **39.** Сокровище «во времена оны». **40.** Алебарда служителей Тауэра. **41.** «Александрийские шаровары». **42.** Архитектор памятника «Тысячелетие России».

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** «Сыромятные сапоги» на Руси. **2.** Сыр из меню последнего ужина на «Титанике». **3.** Шеф парижского бюро установления личности, чей метод пригодился судебным экспертам. **5.** Историко-архитектурный центр Пскова. **6.** Тюрбан на казашках. **8.** Сорт капусты, чей вкус от долгого хранения только

улучшается. **9.** Друг Геракла, ставший зимородком. **11.** Детская сыпь на языке русских знахарей. **12.** Фигура сложного пилотажа. **14.** Кожа на обувной низ. **15.** Какой врач лечит грибами? **16.** Венецианская маска. **17.** Прищелкивания пальцами при исполнении фламенко. **20.** Кто, как считала сама Анна Ахматова, написал лучшую за все время статью о ее творчестве? **21.** Сметанный соус с хреном. **22.** Единственный город майя, достигший высокого уровня развития в XIII веке. **25.** Холм с руинами Храма Божественного Клавдия. **26.** Кобра, при встрече с которой даже «царь зверей» терпит фиаско. **27.** Древние аборигены Апеннин. **28.** Какой фермент делает солод пригодным для варки пива? **29.** Самая распространенная порода лошадей в Турции. **31.** Камень, защищающий своего хозяина от влияния погоды. **33.** Зеленые бобы в китайской кухне. **35.** Самый плотный из всех химических элементов. **37.** Карточная игра в «три листа». **38.** Овощной усилитель потенции.

Ответы на эрудит, опубликованный в №1

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Мбути. **7.** Свуш. **10.** Диаулос. **12.** Балбригган. **13.** Волкодлак. **15.** Бережи. **16.** Ридер. **18.** Пуровер. **19.** Вуд. **24.** Луначарский. **25.** Эконго. **26.** Мохок. **27.** Велум. **30.** Брез. **34.** Рене. **35.** Бездетность. **37.** Миге. **39.** Антигоп. **41.** Мизогиния. **42.** Невея. **43.** Брукс. **44.** Соблазн. **45.** Куика.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Бифорий. **2.** Буткеев. **3.** Бонда. **5.** Брак. **6.** Тибу. **8.** Вагнер. **9.** Шунгит. **11.** Кигер. **12.** Банурукотти. **14.** Монадология. **15.** Безан. **17.** Рунге. **20.** Искер. **21.** Бифун. **22.** Рэмбо. **23.** Кориб. **28.** Левин. **29.** Мерея. **31.** Зефирки. **32.** Аджон. **33.** Отворот. **36.** Кнари. **37.** Милле. **38.** Гинза. **40.** Перу. **41.** Менк.

Уважаемые читатели! Открыта подписка на 1-е полугодие 2016 года через редакцию.

1. Оплатить квитанцию на сумму, соответствующую Вашему выбору подписки, в любом отделении Банка или через личный кабинет по реквизитам. 2. Заполнить купон:

Ф.И.О. _____
 Дата рождения _____ Индекс _____
 Обл./край _____ Район _____
 Город _____ Улица _____ Дом _____ Корп. _____ Кв. _____
 Код города _____ Телефон _____ Эл. адрес _____

3. Выслать копию купона и оплаченной квитанции по адресу: 127994, г. Москва, ГСП-4, Бумажный проезд, д.14, стр.1 или на электронную почту: sales@smena-online.ru

Стоимость с доставкой простой бандеролью	Стоимость с доставкой заказной бандеролью
За 1 номер — 93 рублей 50 копеек	За 1 номер — 121 рубль 00 копеек
За 6 номеров — 561 рублей 00 копеек	За 6 номеров — 726 рублей 00 копеек

Для чтения журнала в электронном виде (компьютер, iPhon, iPad и иные гаджеты).

Стоимость подписки на 3 месяца	Стоимость подписки на 6 месяцев
108 рублей 90 копеек	217 рублей 80 копеек

* Цены указаны с учетом пересылки, но без учета комиссии банка.

Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир			

Приглашаем на наш сайт: <http://smena-online.ru/>

Уважаемые читатели!

Открыта основная подписка на журнал «Смена» во всех отделениях почтовой связи. Образцы каталогов:

КАТАЛОГ «ГАЗЕТЫ ЖУРНАЛЫ АГЕНТСТВА «РОСПЕЧАТЬ»		Индекс 71518 — льготный — для пенсионеров, инвалидов и ветеранов Индекс 70820 — для остальных подписчиков.
КАТАЛОГ РОССИЙСКОЙ ПРЕССЫ «ПОЧТА РОССИИ»		Индекс 99406 — для всех подписчиков
ОБЪЕДИНЕННЫЙ КАТАЛОГ «ПРЕССА РОССИИ»		Индекс 88998 — для всех подписчиков

* Подписные индексы действительны для подписчиков Российской Федерации

Вы можете приобрести журнал
в магазине «Библио-Глобус»

Вы можете приобрести журнал
в магазине «Московский дом
книги на Новом Арбате»

Вся
пресса
в одном
месте!

 PRESSA.RU

ВНИМАНИЕ ! КОНКУРС !

Дорогие читатели!

В вашей жизни и жизни ваших близких наверняка было что-то яркое, незабываемое, веселое и грустное, счастливое и трагическое, забавное и нелепое...

И даже на первый взгляд в обыденном таится нечто интересное и неожиданное. Как написал Евгений Евтушенко:

*Людей неинтересных в мире нет.
Их судьбы — как истории планет.
У каждой есть особое, свое,
И нет планет, похожих на нее...*

В этой связи **редакция «Смены» объявляет среди своих подписчиков конкурс «Житейские истории» на лучший рассказ** о том, чем бы вы хотели поделиться с нашими читателями.

На конкурс принимаются рассказы объемом 10–15 страниц (до 27 000 знаков) желательно в электронном виде на адрес:
tomasmena@mail.ru до 15 ноября 2016 года.

Вместе с рассказом присылайте, пожалуйста, копию подписной квитанции на 2016 год или доставочной карточки.

Не забудьте указать свой возраст и профессию, а также, что рассказ предназначен для конкурса.

Итоги конкурса будут подведены в конце 2016 года.

Лучшие произведения будут опубликованы на страницах журнала и на нашем сайте, **а победители получат денежные премии.**

Первая премия — 3 999 рублей
Вторая премия — 3 000 рублей
Третья премия — 2 000 рублей

*Ждем от вас интересных историй.
Удачи, друзья!*

